

БЕНДИ

и ЧЕРНИЛЬНАЯ МАШИНА

МЕЧТЫ ОЖИВАЮТ

ОРИГИНАЛЬНАЯ НОВЕЛЛА
ЭДРИЭНН КРЕСС

vk.com/batimtheories

БЕНДИ™
и ЧЕРНИЛЬНАЯ МАШИНА

МЕЧТЫ ОЖИВАЮТ

ЭДРИЭНН КРЕСС

SCHOLASTIC INC.

Содержание

[ЗАГЛАВНАЯ СТРАНИЦА](#)

[Пролог](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)

[15](#)

[16](#)

[17](#)

[18](#)

[19](#)

[20](#)

[21](#)

[22](#)

[23](#)

[24](#)

[25](#)

[Об авторе](#)

[Copyright](#)

Я вижу эту улыбку повсюду. Она внезапно встречается меня во тьме. Из-за угла. В моих снах. Эта большая широкая улыбка. Рот, полный зубов, которые выглядят плоскими и ровными. Никогда не узнаешь, насколько они острые, пока не скатишься в его глотку.

Этот маленький дорогуша-дьявол.

Мне этого не избежать.

То, что я вам расскажу, звучит невероятно.

Я не дурачусь. Люди прочтут это и подумают: «Не знаю, кем возомнил себя этот Бадди, но он не обманет меня». Но я должен это записать. Я должен рассказать историю. Даже если никто мне не поверит. Я должен, пока есть время. Пока...

С каждым звуком, каждым треском, я ищу эту улыбку. Кто-то скажет, что я чокнулся, но я знаю правду, знаю, что я видел. Знаю, что произошло.

Вам стоит читать внимательно. Слова всегда были моей слабостью. Но я должен их использовать, поскольку нельзя доверять рисункам.

Нельзя *доверять* рисункам.

В это вовлечено много других людей. Очень много. Но если я смогу защитить лишь одного человека, лишь одного от того, чем стали они...

Чем стали все мы...

Если ты сможешь найти это, Дот. Если ты сможешь найти нас...

Думаю, я должен начать с самого начала.

И продолжать.

* * *

До конца.

1

Мечты сбываются, Бадди, вот что он говорил. Мистер Дрю не был лжецом. Проблема в том, что, да, мечты сбываются. Но и кошмары тоже. Комплексная сделка.

Честно говоря, я очень долго этого не понимал. Мечты сбываются? Для кого? Для богатых людей, конечно. Но для моей семьи? Мечты были быстрыми перерывами между каждодневной работой руками до самых костей.

Хотел бы я действительно запечатлеть, каким был Нижний Ист-Сайд летом 1946 года. Хотел бы я нарисовать эту картину: тротуары, плавающие на улице и просачивающиеся в канализационные решётки, завитые струйки пара, поднимающиеся к суровому белому небу, большие жирные сочные капли пота, стекающего со лбов людей. Может быть, подойдёт слово «шкворчание», что-то витающее в воздухе.

Но я не могу это нарисовать. Я должен рассказывать об этом.

Я пытаюсь вспомнить, чему научился у тебя, Дот. Как написать хорошую историю.

Я должен вспомнить, что ты говорила.

Использовать все пять чувств, а не только зрение.

Написание не рисование.

Пять чувств. Какие ещё четыре?

Верно.

Слух: дети смеялись и кричали друг на друга, взрослые кричали, разбивалось стекло, а затем раздавались звуки кулаков по плоти. Драки всегда случались, когда становилось так жарко. Нечего делать, некуда идти, а мозг не работает - превращается в розовую жидкую кашу в черепе, которая плещется и готова вылиться из ушей.

Осязание: твоя кожа всегда была скользкой от пота, и всё под пальцами казалось мокрым, потому что ты был мокрым. Никак не почувствовать сухость.

Обоняние: воздух всегда был спёртым и неподвижным, не способным подняться над стенами высоких многоквартирных домов. В основном пахло мочой. От чего тебя тошнило.

Иногда тебя на самом деле рвало. О! Ещё один запах. Запах рвоты.

Вкус:

Вкус:

Извините, не могу вспомнить вкус прямо сейчас. Это слишком тяжело. Всё, что я могу чувствовать, это горький вкус у меня во рту. Этот затяжной вкус чернил.

Ладно, вы поняли. Было жарко. И важно, чтобы вы это понимали, потому что я бы сделал всё, чтобы выбраться из этой жары, из этого района. Я бегал между душными цехами в течение нескольких лет. Бегал с тех пор, как умер папа. Мама взяла на себя пошив предварительно нарезанных тканей, а я бросил школу и взял на себя обязанности моего кузена Ленни, доставляя готовые костюмы и куртки боссу, м-ру Шварцу. А потом, ну, доставлял новые части маме, чтобы она могла делать свою работу снова и снова. Нам были нужны деньги. И это был единственный способ заставить маму улыбнуться. Мне не хватает её улыбки.

Мамина улыбка. Нежная. Спокойная. Тёплая. Такая, которая доходила до самых глаз.

Не такая, как его улыбка. Совсем не такая, как его улыбка.

В любом случае, я получал деньги, что было важно.

Но мне было уже почти семнадцать, а большинству других мальчишек только-только исполнилось двенадцать, и я чувствовал себя глупо в таком возрасте, выполняя эту работу, поэтому, когда м-р Шварц предложил мне стать его доставщиком и объяснил, что мне придётся уезжать из этого района, чтобы путешествовать по всему городу, я согласился. В других частях города была зелень. Деревья и прочее. И в шикарных кварталах не пахло мочой. И когда я привозил готовый костюм в Верхний Ист-Сайд, я мог прогуляться в парке и окунуть ноги в озеро.

Что ещё важнее, я мог наблюдать, как художники вдоль торгового центра рисовали картины для туристов. Карикатуры. Я мог внимательно наблюдать за ними.

Вот где и начинались проблемы.

Прежде всего, очевидно, что художники темпераментны.

– Эй, парень, что, по-твоему, ты делаешь?

– Просто смотрю, сэр, – может быть, на этот раз я подошёл к холсту немного ближе, чем обычно.

– Убирайся отсюда со своим «просто смотрю»!

Это было всё равно что ходить в художественную школу, но я готов поспорить, что в художественной школе учителя не прогонят тебя и не скажут, что ты отпугиваешь клиентов, потому что стоишь слишком близко.

Но это было не самое главное. Видите ли, кое-чего я не сказал, потому что я думаю, вы уже знаете, что я художник. Ну, теперь. Тогда я им не был, но хотел быть. Не знаю, почему; может быть, это как-то связано с моим дедом, с которым я никогда

не виделся. Который всё ещё был в Польше. Я думал, что он, должно быть, любит искусство. В конце концов, единственное, что он спас и отправил с мамой из «старой страны», как она её называла, это эти проклятые картины. Люди всегда очень удивлялись, когда видели эти огромные картины маслом в маленьком многоквартирном доме. Она могла бы их продать. За большие деньги. Но она этого не делала. И они всегда оставались со мной.

Я начал рисовать наброски поздно ночью, засыпать и опаздывать на занятия. Затем меня стали часто вызывать в кабинет директора за «рисование каракуль» в течение дня, и, боже, я любил воскресные комиксы. Я бегал по окрестностям, собирая выброшенные газеты, надеясь прочитать последние новости о Попае или Дике Трейси. Я даже начал рисовать комиксы, придумывая приключения с Олив Ойл, Прунфейсом, Спаркл Пленти. Вскоре я уже сам придумывал себе персонажей.

Они не были смешными. Я никому их не показывал.

Но потом я нашёл художников в Центральном парке. И, скажем так, я отвлёкся.

– Ты потерял костюм? – М-р Шварц мог быть довольно страшным для человека, который был всего полтора метра ростом.

– Простите, сэр! Клянусь, этого больше никогда не повторится! – Я положил его только на секунду, чтобы поближе рассмотреть рисунок, но этого времени было достаточно для того, чтобы кто-то другой подкрался и подобрал костюм.

– А в прошлый раз, когда ты опоздал на три часа? Мой клиент еле успел на свою встречу вовремя.

– Простите, сэр.

– Ты хочешь быть моим подручным? Ты хочешь хорошо и честно зарабатывать на жизнь?

Я хотел, правда хотел. Мне нужны были деньги. Нам, моей маме и мне, нужны были деньги. Но никто не взял бы на работу какого-то подростка из трущоб, который едва получил образование.

Быть правой рукой м-ра Шварца, это было больше, чем то, на что я мог надеяться. Боже, я чувствовал себя глупо. И мне было стыдно.

– Ещё один шанс, Бадди, ещё один, и всё.

Ещё один шанс.

Это был мой последний шанс.

Затем я встретил *его*.

Когда я впервые пришёл в его студию, чтобы доставить ему костюм, сумку с одеждой, перекинутую через моё правое плечо, там произошло отключение электричества из-за жары. Не только в высоком кирпичном здании студии, но и в остальной части района. Мигающие огни на театральных тентах были неподвижны, и когда я проходил мимо тёмной вывески «Женщина из Сент-Луиса», два рабочих сцены смотрели на здание, уперев руки в бока, с зубочистками, свисающими изо рта.

– И что теперь, Стив?

– Шоу должно продолжаться.

– Вот, про что они говорили, ладно.

Я не особо задумывался о том, что произошло отключение электричества, пока через несколько кварталов на запад я не проехал мимо театра на Бродвее и, наконец, не дошёл до студии по соседству. Я был очень сосредоточен, добираясь туда, но уже опоздал. На этот раз это была не моя вина. Это было метро, клянусь. Но м-р Шварц не знает разницы. Мне нужно было наверстать упущенное время, поэтому я шёл быстро и почти не замечал большую часть окружающего меня мира. Но когда я вступил в мутную темноту, она вернула меня к реальности. И я остановился и просто стоял там. Всё было таким чёрным, что невозможно было сказать, в какую сторону идёшь.

Затем внезапно стало очень ярко, как будто кто-то светил прямо на меня. Я поднял руку, и свет слетел с моего лица, и я наблюдал, как луч обходил комнату, пока не увидел седую пожилую женщину, сидящую за огромным столом. Я подпрыгнул, удивившись такому её появлению.

– Чёрт возьми, Норман, – сказала она, щурясь за линзами своих огромных очков.

– Проектор вырубился, – сказал Норман грубым голосом.

– Если ты не заметил, электричество отключилось везде. Убери этот фонарик от моих глаз! – Последовала пауза. А затем всё снова стало чёрным со щелчком.

Чернее, я бы сказал. Чернее. После бликов от прямого света казалось, что выключили не только фонарик, но и мои глаза тоже. У меня по спине пробежали мурашки.

Я не знал, что делать. Я должен был уже доставить этот костюм. Я подумал, что могу вспомнить, где находится стол, так что, может быть, я мог бы просто наткнуться на него?

– Кто этот парень? – спросил откуда-то Норман.

– Я не знаю, Норман. – Был звук спички, скребущей поверхность, а затем вспыхнуло пламя. Лицо пожилой женщины было гротескно искажено длинными спадающими тенями, опускающимися, когда она зажгла фонарь в руке.

А потом появился свет.

Он мерцал и танцевал на стенах. На них висели плакаты в рамках. Они были похожи на плакаты фильмов. Но мультяшные. И с одним персонажем, в частности. Он был по-настоящему улыбчивым. Я хотел взглянуть поближе. Где я? Что это было за место? Почему персонаж выглядел знакомо?

– Ладно, парень, теперь я тебя вижу. Чего ты хочешь? – спросила женщина, сидя так низко за столом, что были видны только её очки и макушка.

– Я, э-э... – Это было не сложно, но я забыл, кому была эта доставка, и посмотрел вниз, шаря в чёрной сумке для одежды в моих руках, чтобы найти имя.

– Подойди ближе, не могу расслышать ни одного сказанного тобой чёртова слова, – сказала женщина. Её рука появилась над столом и резко помахала мне, подзывая подойти.

Я всё ещё искал бирку с именем.

– У меня есть костюм, – сказал я, пытаюсь выиграть время.

– Угу, – сказала женщина.

Наконец я нашёл бирку.

Это был первый раз, когда его имя произвело на меня какое-то впечатление.

Первый раз оно *что-то значило*. Всё, что оно значило до тех пор, – вовремя доставить костюм в студию. Чтобы меня не уволили. Это была важная часть. То есть, я знал адрес, я знал, что это было на Бродвее, но имя человека не было тем, что я видел в моих мыслях. Я не представлял себе такого.

– Ну же, парень, я не могу ждать весь день.

– Джоуи Дрю, – сказал я, – Я ищу мистера Джоуи Дрю.

– Кто его ищет? – спросил Норман, его голос был полон подозрений.

– М-р Шварц, – выпалил я. Это был не лучший ответ, но темнота и отношение этого парня заставили меня нервничать по какой-то причине. И почему-то мерцающий свет над этим улыбающимся мультяшным персонажем тоже.

– Кто? – спросила женщина.

– Портной, который сшил ему костюм. У меня есть костюм мистера Дрю. Я доставщик. С... его... костюмом.

– Он умер, – сказал Норман.

Я повернулся к мужчине. Он стоял так далеко от света фонаря, что был всего лишь контуром.

– Он... умер? – Моё сердце забилося в груди. Это не имело смысла, а также пугало меня странным образом, чего я не мог понять.

– Не, – ответил Норман со смехом, – Не, он не умер.

– Я... не понимаю, – сказал я, повернувшись к пожилой женщине.

Она только пожала плечами и сказала:

– Шутки Нормана на самом деле никто не понимает.

– Это была шутка? – я оглянулся на очертания мужчины. Норман всё ещё смеялся, но смех не казался счастливым, не заставлял меня чувствовать себя лучше, это точно.

– Пойдём со мной, – сказал он, – Его девушка ушла на весь день. Ты можешь отнести это ему лично.

Я посмотрел на женщину, и она кивнула, так что я решил, что это было разрешение следовать за парнем. Хотя, честно говоря, я на самом деле не хотел. Знаете, я решил, что мы с Норманом никогда не сможем поладить.

Мужчина щёлкнул фонариком и повёл вниз по узкому коридору. Его луч был более прямым, чем свечение фонаря, и всё, что я действительно мог видеть, это его силуэт и дальний конец, где была видна решётка лифта. Время от времени, однако, свет выхватывал другие плакаты, на которых было ещё больше мультяшных героев и тому подобное. Они выглядели очень счастливыми, даже в темноте, но они

заставляли меня чувствовать себя так же, как тот улыбающийся персонаж из вестибюля. Странно.

– Не могу воспользоваться лифтом, – сказал Норман. Его лицо всё ещё было в тени, и я кивнул, потому что, очевидно, с отключенным питанием и прочим... Поэтому он протолкнулся в дверь рядом с ним. Свет вспыхнул на слове «лестница», хотя, я имею в виду, я мог бы догадаться.

Мы начали подниматься вместе, свет Нормана указывал путь. Время от времени я оглядывался назад в омут черноты. Мне почти казалось, что всё позади меня стирается, как будто мне нужно было поторопиться, или меня тоже сотрут.

Я просто говорю, что было очень жарко, и мой мозг придумывал всевозможные истории.

Говорят, что жизнь страннее, чем выдумка. Но я никогда не думал, что что-то может превзойти странные вещи в моём разуме.

Я был неправ.

Норман остановился, когда мы добрались до третьего этажа. Я вспотел, скажу я вам. Моя рубашка и майка промокли насквозь, волосы прилипли к голове. Капля стекала с основания моей шеи, пробираясь под воротник.

– Вот, парень, – сказал Норман, протягивая мне фонарик.

– Для чего он мне?

– Я знаю обратную дорогу к будке, ты ничего не знаешь. Продолжай идти. Удачи. Я взял фонарик, и, когда Норман глубоко погрузился в тень, я крикнул:

– Продолжать идти куда?

– Наверх, парень, прямо до чёртова верха. – Он рассмеялся в темноте. Боже, мне не понравился этот смех.

Вот я и здесь, костюм мистера Дрю в одной руке, фонарик в другой, и струйка пота стекает по моей спине в не очень удачное место. И кто знает, сколько ступенек впереди. Я направил свет прямо вверх, чтобы попытаться угадать, но старые деревянные лестницы, казалось, продолжались вечно. Прямо до небес. Я посветил фонариком вниз и увидел под собой лестницу. Уходящую в темноту. Прямо в... ну, вы поняли, куда она могла вести.

Поэтому я поднялся по ступенькам так быстро, как только мог, и это было утомительно и жарко, я не был уверен, что смогу это сделать, и, возможно, это было из-за лестницы. Потому что, скажу вам, когда я поднялся наверх и вышел из дверей, а воздух был ещё более густым на всём пути, как когда поднимается тепло и всё такое, я просто рухнул. Упал прямо на пол. Не упал в обморок, просто упал, сильно и с таким громким грохотом, что, думаю, мистер Дрю услышал его, потому что вышел из своего офиса.

– Эй, что это за шум? – Даже в моём дурном состоянии его голос произвёл на меня впечатление. Он был очень самоуверенным и дружелюбным. Я не могу сказать, что именно заставляло голос звучать дружелюбно, но я не думаю, что я

единственный, кто описал бы его так. Думаю, именно это заставляло людей полюбить его.

Довериться ему.

– Извините, – сказал я с пола, – У меня доставка для мистера Джоуи Дрю.

– Я мистер Джоуи Дрю, – сказал он, и передо мной материализовалась рука. Я должен был взяться за неё. Я взялся. Он помог мне подняться. – Ты в порядке?

Я кивнул.

– Хорошо. – Он не сразу отпустил мою руку, на мгновение посмотрел на неё, словно осматривал. Я не был уверен, что он делал, но это казалось немного странным. Наконец он выпустил её и сказал:

– Пойдём в мой офис, парень.

Здесь были окна, так что я мог видеть без фонарика.

– Садись, выпей это, – мистер Дрю передал мне чашку тёплой воды, когда я сел напротив него и его большого деревянного стола. Я выпил, и, казалось, будто вода была из свежего горного источника. – Итак, – спросил он, откинувшись в кресле, – кто ты и что ты здесь делаешь?

Я сделал ещё один большой глоток воды, а затем ответил на его вопросы.

– Я доставщик м-ра Шварца, и я принёс вам ваш костюм.

– А! – сказал мистер Дрю, сильно хлопнув рукой по столу и заставив меня подпрыгнуть. Тогда я ещё не знал, как много раз он так делал, хотя, если честно, я так и не привык. – Это костюм! Фантастика! Передай его мне.

Так я и сделал, мистер Дрю расстегнул сумку и кивнул. В нём было что-то сверхъестественное, как будто он выступал на сцене, чтобы все могли видеть даже малейшие действия. Когда он одобрял что-то в костюме, это было лучшее чувство в мире. – Это великолепно, просто великолепно. Вы только посмотрите, это же работа мастера.

Может быть, потому что я устал и мне было жарко, я не знаю, но я сказал:

– На самом деле, это работа моей мамы.

Мистер Дрю посмотрел на меня, и я почувствовал, как кровь отхлынула от моего лица. Зачем я это сказал? Я мысленно выругался.

– Что ж. У неё есть способности. – Он положил костюм на стол и наклонился вперёд, пристально глядя на меня, словно пытался заглянуть мне в глаза и в мой мозг или что-то в этом роде. – У тебя есть способности, парень?

– Что?

– Твои пальцы, ты писатель? – спросил он.

Я посмотрел на свои пальцы. На них были чернильные пятна. Особенно на моём большом и указательном пальцах. Я так привык к этому, что не вспоминал, что это было не что-то нормальное.

– Я иногда рисую, – сказал я.

– Ты иногда рисуешь. – Он улыбнулся, когда я сказал это. – Я тоже иногда рисую.

Именно тогда я по-настоящему осмотрел его офис. Теперь я чувствовал себя немного лучше и был в состоянии всё это принять. Полки с книгами и бумагами. Чернильницы повсюду. Чертёжный столик в углу. И ещё плакаты. Но не только плакаты: наброски, незаконченные рисунки с нечитаемыми словами рядом с ними, стрелками, перечёркиваниями – это было похоже на обои, их было очень много, по всему офису.

И большой рабочий стол, который занимал почти всю заднюю стену. На нём была куча бумаг. И книги. И одна высокая стеклянная награда за что-то. И рисунок в рамке с некоторыми мультяшными персонажами, подписанный именем Генри Штейн.

– Вау, – сказал я. Я не мог сдерживаться.

– Я чувствую людей, парень. Я чувствую... Я просто знаю, иногда. – Он вручил мне листок бумаги с наброском улыбающегося мультяшного персонажа с нижних этажей. – Что ты видишь?

Я присмотрелся к нему поближе. Персонаж не был похож на человека. Его тело было в основном овалом с тонкими ногами и руками, выходящими из него. Но он был в чёрных ботинках и белых перчатках. Был галстук-бабочка и всё такое. Его лицо было круглым, и у него было два больших чёрных глаза, но не было носа. И эта улыбка. Эта широкая зубастая улыбка.

– Я вижу озорника. Того, кто много веселится и у кого много неприятностей. Но это нормально.

Я посмотрел на мистера Дрю. Он улыбался почти как рисунок.

– Да! – сказал он, указывая пальцем на меня. – Именно. Знаешь, сколько людей говорят просто «мультяшку»? Но ты понял.

Я кивнул. Конечно, подумал я. Похоже на то. Я снова посмотрел вниз. Только тогда я заметил, что голова не была полностью круглой. Сверху она выглядела так, как будто откусили печенье. Но гладко. Без следов от зубов. Погодите. Я понял! На его голове были рога, это были маленькие рога сверху.

– Это дьявол.

Я услышал, как мистер Дрю отодвинул своё кресло назад, скребя им по деревянному полу. Я поднял глаза и увидел, как он обошёл свой стол и оперелся на него, всё ещё улыбаясь.

– Парень, ты бы хотел работать на меня? Мне нужен своего рода доставщик, но только внутри здания. Мальчик на побегушках, доставляющий вещи между отделами. Всё, что платит тебе Шварц, я удвою. Я позабочусь о том, чтобы ты работал в Художественном Отделе, в качестве ученика. Дай себе шанс проявить себя. И ты сможешь узнать несколько вещей по пути.

Сначала я не полностью осознал, о чём он говорил, а когда я понял, то всё ещё не верил. Только что я волновался, что м-р Шварц уволит меня с моей работы

доставщиком, а теперь я получаю работу своей мечты. Наконец я смог улыбнуться мужчине и пожать ему руку.

– Хорошо, – сказал он. – Отлично. Что ж, я Джоуи Дрю, а это моя студия. Можешь называть меня мистер Дрю.

– Хорошо, мистер Дрю.

– А ты?

– О, я Даниэль, сэр, но все называют меня просто Бадди или Бад или что-то в этом роде. На самом деле мне всё равно.

– Приятно познакомиться, Бадди. – Он протянул руку и взял рисунок персонажа из моей руки. Он повернул его так, чтобы тот смотрел на меня. Рядом они были отражением друг друга своими большими улыбками. – А это, – сказал он, постукивая пальцем по рисунку, – это Бенди.

2

– Это Бенди.

В то время знакомство с двухмерным рисунком было, ну, я думаю, милым. Хотя слово «милый» было не совсем тем словом, которое я очень часто употреблял в своей повседневной жизни. Но да, конечно, милым. Приятно познакомиться, вымышленный персонаж. Но теперь, когда я пытаюсь объяснить вам, что я понимаю о том моменте... Что я знаю сейчас, по сравнению с тем, что я знал тогда...

Например, я не знал того, что, когда мистер Дрю улыбался, нужно было смотреть ему в глаза, чтобы увидеть маленькую морщинку в углу. Каждый художник знает эту морщинку, она делает улыбку более настоящей. Но я ещё не был художником. Тогда не был. Я не знал, чего не хватало.

Я также не знал, что знакомство может иметь такое большое значение - то, когда на вечеринке кто-то пожимает вам руку или произносит своё имя, или даже то, как мистер Дрю знакомил меня с людьми, - тогда я не знал, что всё это было своего рода кодом. Что-то, что надо было расшифровать. Жаль, что тогда я не знал, что мистер Дрю ждал от меня понимания. Чтобы что-то щёлкнуло внутри и всё сошлось.

Он пристально смотрел на меня.

– Привет, Бенди, – сказал я, подыгрывая. Мистер Дрю засмеялся и положил рисунок.

– Значит, ты правда его не знаешь? – спросил он.

Я отрицательно покачал головой. Потому что я не знал.

– Жаль, – сказал мистер Дрю, но больше себе, чем мне. Я понял это, поэтому ничего не сказал.

Дело в том, что мистер Дрю решил, что я должен был знать, кто такой Бенди. И уверен, многие люди задались бы таким же вопросом: почему я не знал? В конце концов, он был в тех маленьких коротких вставках перед полнометражными фильмами, там он был на банках супа. Как-никак, маленький дьявол продавал военные облигации. Я знаю, знаю.

И не то чтобы я не видел его раньше. Как я уже писал ранее, у меня было некое чувство узнавания. Так что это было не так. Просто, когда ты живёшь в Нижнем Ист-

Сайде, вырастаешь, идёшь в школу, а потом бросаешь учёбу, чтобы зарабатывать деньги... когда твой опыт в кино - Дон Миллер, придерживающий тебе открытой заднюю дверь кинотеатра... ты просто не видишь столько же мультфильмов, сколько обычный ребёнок. Если бы к тому времени, когда я начал рисовать, всё ещё выпускались комиксы с Бенди, всё было бы иначе. Это был бы весь мой мир.

В этом не было ничьей вины. Это была вина бедности. Со своей мамой я пытался делать всё правильно и работал по двенадцать часов в день. И давайте будем честны, эти мультфильмы не были такими же популярными, как раньше. Я едва появился на свет, когда мультики с Бенди были в самом разгаре. Поэтому маленький дьявол не имел для меня большого значения. Он ничего не представлял. Он ничего не значил.

За исключением того, что он значил всё для мистера Дрю.

– Это моё дело, это всё моё дело, – сказал он, встав и начав расхаживать по комнате. Он всё ещё говорил не со мной, но говорил громче, и сейчас я просто не мог его игнорировать.

– Извините, сэр, что за дело? – спросил я.

Он посмотрел на меня, но продолжал ходить.

– Куда катится эта студия? Почему мы дошли до того, что ребёнок твоего возраста не знает Бенди? Вот моё дело, вот почему.

Его слова всё ещё не имели особого смысла. Это было довольно безумно, что несколько предложений, которые имели смысл, всё равно могли звучать как полная бессмыслица.

Тебе нравится, Дот? Я знаю, тебе нравятся такие вещи. Эти забавные игры слов.

Я надеюсь, что ты гордишься мной.

Я надеюсь, что ты читаешь это.

Я надеюсь, что ты жива.

На чём я остановился?

Точно.

– Оу, ладно, – сказал я. Я не знал, что ещё сказать в тот момент.

Наступила тишина. Он перестал ходить. Я перестал разговаривать. А потом он громко хлопнул в ладоши. Резко. От этого звука я подскочил на месте. Он был похож на выстрел; я чуть не пригнулся.

Этот звук навсегда остался со мной: из всех воспоминаний, которые смешиваются здесь, в этом мозгу, в этой голове, это... это почему-то просто осталось. В тот момент, когда он хлопнул в ладоши, снова зажглись огни. Как будто они ждали его, как будто он контролировал их.

Он не контролировал их. Но я провёл эту связь тогда. Почему-то для меня имело смысл, что, может быть, просто может быть, у него была такая сила.

У него не было такой силы. И нет такой силы. Не давайте никому заставить вас думать, что она у него есть.

Мистер Дрю заметил свет и засмеялся: – Ха! – именно так, как это и читается. Вот так: «Ха!» – Он повернулся ко мне и снова улыбнулся. – Пойдём, я проведу тебе экскурсию, парень.

Я кивнул, и все странные мысли, которые у меня были в тот короткий момент, исчезли. Теперь я был взволнован. Мне проведут экскурсию по студии, которая делала мультфильмы. Я встречу с другими художниками. Я совсем не так представлял свой день, когда проснулся тем утром.

– Отлично! – я мгновенно встал и последовал за мистером Дрю из его офиса в ярко освещённое фойе. За столом рядом с дверью сидела женщина. Она выглядела компактной, со струйно-чёрными волосами, собранными в идеальные локоны.

– Мы собираемся на экскурсию, мисс Родригес, – объявил мистер Дрю, проходя мимо неё.

– Том здесь, – ответила она, не отрываясь от своей печатной машинки.

И действительно, на одном из стульев рядом с лифтом сидел высокий широкоплечий мужчина. Он аккуратно закинул одну ногу на другую, держа шляпу на коленях. Рядом с ним было что-то похожее на жёлтый чемоданчик с инструментами с надписью «Gent».

Я посмотрел на мистера Дрю и увидел, как мерцает его улыбка, вроде того, как это делает свет перед тем, как погаснуть. Затем она стала больше, и он, указав на мужчину, сказал:

– Томми Коннор! – Это был не вопрос.

Мужчина встал, взяв длинный узкий рулон картона, который был рядом с ним на стуле.

Мистер Дрю заметил это и указал на рулон, но ничего не сказал. Затем он улыбнулся ещё шире.

– Да, сэр, – сказал Том, хотя вопроса не было. – Именно.

Что это было?

– Извини, Бадди, но мне надо идти на эту встречу. Большие планы, парень, большие планы, – сказал мистер Дрю. – Возвращайся первым делом, и мы тебя устроим. – Он не посмотрел на меня, но сильно похлопал по спине, протянув другую руку в сторону своего офиса. – Прямо здесь, Томми.

– М-р Коннор, – подходя, ответил Том.

Мистер Дрю только рассмеялся, хотя я не понял шутку, и они вернулись в его офис, закрыв за собой дверь.

Тогда я остался один.

Я подошёл к секретарше. Она даже не взглянула на меня. В тот момент я от неё этого и не ожидал. Я тоже не знал, что сказать.

– Кем он тебя нанял? – спросила мисс Родригес.

– Доставщиком. Может быть... может быть, художником. Он сказал, что я буду в Художественном Отделе. – Я больше не был уверен, какой должна быть моя работа.

Мисс Родригес перестала печатать и откинулась назад, глядя на свой стол. Она открыла ящик и взяла толстый конверт, полный бумаг. Наконец она посмотрела на меня и передала одну мне. – Заполни, принеси это с собой завтра. Приходи в девять утра и зарегистрируйся у м-с Миллер внизу в вестибюле.

Я взял бумагу и кивнул. – Спасибо.

Мисс Родригес посмотрела на меня ещё немного. Как будто она хотела что-то сказать. Но не сказала. Она просто продолжила печатать.

* * *

Я не сразу пошёл домой. Сначала я должен был встретиться с м-ром Шварцем, сообщить ему, что доставка была выполнена, и мистер Дрю оказался доволен костюмом.

И тогда мне пришлось уволиться.

Что, конечно, прошло не слишком хорошо, но мне было всё равно, насколько покраснело лицо у м-ра Шварца или как сильно он ткнул в меня пальцем. Завтра утром я собирался на работу в Студию Джоуи Дрю, и никто меня не остановит. Единственное, что меня пугало, так это то, что м-р Шварц мог сорваться на маму, уволить её. Но он этого не сделал. Мама была слишком хороша. Иногда мне хотелось, чтобы она сама открыла магазин.

Ну, может быть, теперь. Может быть, когда я достаточно заработаю. Когда я буду оплачиваемым художником, работающим в Студии Джоуи Дрю. Я усмехнулся при этой мысли.

Я не был готов идти домой после всего этого. Я был охвачен волнением. Побродил немного по окрестностям. Получил бесплатный пончик от мисс Панек, когда она закрывала гастроном, и дети Янковски пытались заставить меня играть с ними в стикбол. Я улыбался, продолжал идти и в конце концов добрался до Ист-Ривер, когда небо стало тёмно-фиолетовым.

В Бруклине горели огни. Они были похожи на звёзды за рекой.

Я сел на скамейку. Чуть не в голубиное дерьмо, но я заметил его в последний момент и отскочил в сторону. Воздух был менее застоявшимся у воды. И теперь, когда солнце почти зашло, стало прохладнее.

Из-за этого я стал чувствовать себя немного спокойнее, чем раньше. Дрожащее волнение дня теперь окутывало меня, как одеяло. Я всё ещё чувствовал себя счастливым, но всё это казалось намного более реальным.

Иногда такие вещи случаются.

* * *

Я вернулся домой поздно. Очень поздно. В коридоре горел свет, что было очень мило со стороны мамы, но я знал, что должен немедленно выключить его за собой. Счета за свет становятся высокими, и тогда маме приходится больше работать. Я надеялся, что теперь с этой новой работой свет не будет такой большой проблемой. Может быть, теперь она сможет сидеть и читать спокойно, а не при свече.

Я также знал, что на следующее утро мне, вероятно, будет произнесён выговор о том, что я так поздно пришёл. Ей нравилось знать, где я нахожусь. Как будто я был ребёнком или что-то в этом роде. Ну, я не виноват в том, что потерял счёт времени... это был большой день.

Я открыл дверь так медленно, как мог. Мама спала на кушетке в гостиной, прямо у входа. Всё это было одно пространство, кухня, где мы ели, где мы сидели. И дверь открылась прямо на всё это. Мама свернулась калачиком под простынёй и крепко спала, а я выскользнул из своей обуви и отнёс её в свою комнату.

Моя комната никогда не была в кромешной темноте. Забавно, но до сегодняшнего дня, когда я стоял в тёмном вестибюле Студии Джоуи Дрю, я понятия не имел, что могут быть разные виды темноты. Мне никогда не приходило в голову, что уличный фонарь за нашими окнами позволял мне найти свою кровать, бросить одежду в угол и залезть под простыню в шортах, не врезавшись во всё подряд.

Мне никогда не приходило в голову, что темнота может быть настолько чёрной, что ты даже не видишь свою руку перед самым лицом.

Тогда я не знал о такой темноте.

Я сбросил простыню и на мгновение лёг на кровать, пытаюсь охладиться. Я встал и приоткрыл окно. Не было большой разницы в температуре, но было что-то успокаивающее в шуме города. Я снова лёг и закрыл глаза.

Иногда не понимаешь, что уснул. Вот что случилось тогда. Я думал, что всё ещё не сплю, пытаюсь заснуть, когда понял, что больше не лежу в кровати. Всё было по-прежнему чёрным, как когда ты закрываешь глаза, но я стоял в этой черноте, и мои глаза были открыты. Я пытался что-то разглядеть, но не мог. Поэтому я пошёл вперёд в темноту.

Впереди меня что-то было.

Я слышал его.

Может быть, чьё-то дыхание?

Но по какой-то причине я не знал, живое ли оно. Думаю, я всё ещё считал, что проснулся в тот момент, потому что я подумал про себя: *«У тебя нет на это времени, ты должен поспать»*. – Но я продолжал идти вперёд.

Наконец я подошёл к двери. Она просто материализовалась передо мной. Но я не удивился. С другой стороны раздался стук. Он заставил меня сделать шаг назад. Я чувствовал, что не должен отвечать.

Тук-тук.

Я сделал ещё один шаг назад. Каким-то образом дверь всё ещё была прямо передо мной.

Наступила долгая тишина.

Гигантская рука прорвалась сквозь дерево, создав ливень обломков. Когда я отшатнулся, раздался рёв, но я не мог уйти. Оно продолжало пытаться схватить меня, махало руками, пытаясь найти меня.

Внезапно я проснулся, уткнувшись лицом в подушку. Простыня промокла от пота. Моё сердце застряло в горле.

Это был сон, говорил я себе. Сон.

Я перевернулся на спину и уставился на полоску света от уличного фонаря, который освещал потолок. Там была трещина, которая пересекала угол в штукатурке, повреждённой водой. Когда-то она была тёмно-коричневой, и пятно сделало её похожей на реку Гудзон. Тёмную. Холодную. Заполненную всеми видами кто знает чего.

Почему я не могу избавиться от ощущения, что за мной наблюдают?

Я посмотрел направо.

В дверном проёме стояла худая фигура.

Она сияла в свете лампы. Бледное, измождённое лицо, тонкая, как бумага, кожа, натянутая на череп. Глаза широко раскрыты и бездушны. Длинная белая ночная рубашка скрывала его костлявое тело.

Всё, что я мог делать, это смотреть. Дыши. Выброси сон из своего мозга. Он не настоящий. Проснись, и он исчезнет. Но он просто продолжал стоять там. Он не двигался.

Он медленно поднял руку и указал на меня. Тогда я просто не мог больше этого выносить. Я закрыл глаза и закричал.

Может быть, это было трусостью, но я не мог пошевелиться. Я снова закричал. Всё моё тело кричало.

Зажёгся свет. Тот, что над моей кроватью, угрожающе замигал, проводка в стенах была повреждена из-за протечек воды сверху.

– Бадди, с тобой всё в порядке? – Мама ворвалась в мою комнату, изо всех сил пытаясь натянуть свой бледно-фиолетовый халат, хотя правый рукав был зажат под поясом. Обычно я смеялся, но страх всё ещё был во мне, тем более, что, несмотря на то, что свет был включён, и сон давно прошёл, старик всё ещё был там. И выглядел он почти так же страшно.

Очевидно, я не мог ей ответить. Я не мог произнести ни слова.

Фигура повернулась к моей маме. Затем сделала шаг в её сторону.

Это помогло мне обрести голос.

– Держись от неё подальше! – крикнул я и вскочил с кровати. Моя нога попала в дырку в нижней части вязаного одеяла, накинутого на край кровати, и я упал лицом вниз на пол.

– Боже мой, что происходит? – спросила мама.

Я потянулся к чему-нибудь, чтобы помочь себе подняться. Я чувствовал себя дураком. Я приподнялся на локтях. Костлявая рука протянулась ко мне.

– Встанешь? – сказал глубокий низкий голос с сильным акцентом, который я слишком хорошо узнал.

Я повернул голову и уставился на мужчину. Черты его лица всё ещё казались слишком бледными и измождёнными, но глаза были светло-голубыми, и в них была искра, уже не было пустоты. Я протянулся и взял его за руку. Она была тёплой.

Я стоял и смотрел на него какое-то время. Мы были примерно одного роста. Может быть, он был на дюйм ниже. Теперь он казался скорее хрупким, чем ужасающим.

Я посмотрел на маму. Ей удалось просунуть руку в рукав, и она смотрела на меня так, словно я сошёл с ума. Может, так и было. Но с другой стороны...

– Кто этот старик? – спросил я, показывая пальцем, чтобы удостовериться, что она понимает, о чём я говорю, поскольку она выглядела запутавшейся, а мне не казалось, что ситуация была такой запутанной.

Мама на мгновение закрыла глаза и улыбнулась. Она вздохнула, открыв их снова.

– Этот старик - это твой *зейде*.

– Мой кто?

– Твой дед, Бадди. Мой отец. – Слова немного застряли у неё в горле.

Я посмотрел на старика. Он не улыбался. Он ничего не говорил. Просто стоял, уставившись в ту сторону, куда он и смотрел в дверном проёме.

– Что он здесь делает?

– Послушай, я отведу его спать, а потом вернусь, и мы сможем поговорить, – сказала она. Она что-то пробормотала ему по-польски, и он кивнул. Она взяла его за руку и вывела из моей комнаты.

Я сидел на своей кровати. Это был первый раз за весь день, когда я наконец почувствовал себя усталым. Не взволнованным из-за мистера Дрю, или напуганным из-за человека, который, очевидно, был моим дедом. Просто очень усталым.

Мама вернулась и села рядом со мной. Она бросила на меня косой взгляд, который у неё так хорошо получался. Это означало, что она считала меня смешным. Не то чтобы она смеялась надо мной, но и не то чтобы не смеялась.

– Прости, я не знал. Откуда я мог знать? – спросил я.

– Всё в порядке, это моя вина. Всё произошло так быстро. Я не знала, что он придет сегодня, я сама не была готова. По крайней мере, я не положила его в твою кровать - представляешь, какой это был бы шок! – сказала она со смехом.

– В мою кровать?

– У тебя большая кровать, Бадди, и нам просто нужно, чтобы она поработала какое-то время. – Я тяжело вздохнул, но ничего не сказал. Моя мама была хорошим,

тёплым человеком, но не давайте этому обмануть вас - вы не спорили с ней. В споре с ней вы никогда не выиграете. – Когда ты не вернулся домой, я взяла его к себе сегодня вечером. Я не хотела тебя пугать.

– Думаю, это было мило с твоей стороны, – сказал я, жалея себя.

– Разве не так? – спросила мама, подмигнув. – А где ты был так поздно? Ты не подумал о своей бедной маме дома, которая так волнуется?

Я не думал, что пришло время менять тему. Мне всё ещё не хватало информации. Мой дед из «старой страны» был сейчас здесь, в моей квартире в Нью-Йорке, и почему? Вопрос «почему?» до сих пор не был решён. Но было уже поздно. К тому же ответ сделает её счастливой. – Я устроился на работу, – сказал я, стараясь не улыбаться. Пытаясь сделать это случайной вещью. Как будто меня это не особо волновало.

– А как же м-р Шварц? – спросила она, закусив губу.

– Не волнуйся, он не разозлился, у тебя всё ещё есть работа. Но я надеюсь, что скоро тебе тоже не придётся работать на него. Эта работа лучше. Это работа учеником в Студии Джоуи Дрю. Кто знает, к чему она может привести.

– Тебе за неё платят?

– Конечно. Даже вдвое больше.

Тогда мама улыбнулась, слегка улыбнулась, может быть, я даже не мог этого заметить, но могу сказать, что что-то в ней расслабилось, и это заставило меня гордиться.

– Что за Студия Джоуи Дрю? – спросила она, повернувшись ко мне и положив одно колено на одеяло.

– Там делают мультфильмы. Мультфильмы с Бенди. Я стал доставщиком, но также и учеником по рисованию. Буду изучать вещи.

Она как-то забавно посмотрела на меня. Но в этом не было ничего необычного. Она всегда смотрела на меня как-то забавно, как будто у неё в голове была целая история, которую я никогда не услышу. Секреты. Она снова улыбнулась.

– То есть, ты будешь рисовать и получать за это деньги. – Это был не вопрос.

– Да.

– И твой дед приехал в тот же день, когда ты получил эту работу.

– Конечно, – сказал я.

– Отлично. – Она улыбнулась.

Я не уловил связи. И, конечно, она не объяснила её. И я не стал спрашивать. Это забавно. Я только начинаю понимать, сколько я тогда не задавал вопросов. Пока я не встретил тебя, Дот.

– Ну, я рада за тебя, Бадди. – Она наклонилась и поцеловала меня в лоб. Я почувствовал себя маленьким ребёнком. – Теперь поспи. Мы поговорим обо всём завтра. – Из-за этого я почувствовал себя ещё более маленьким ребёнком.

Она ушла и выключила свет, а я залез обратно под одеяло, и только тогда я вспомнил свой сон. Мне было интересно, насколько громким я был, что смог заставить того старика проснуться и войти. Интересно, сильно ли я опозорился.

Перед моим жутким дедом, который выглядел как призрак.

Какой странный день.

И ночь.

Если бы я был суеверным, то мог бы увидеть в этом знак. Начало чего-то, чего-то не совсем правильного.

Но, конечно, я таким не был. Я никогда не видел ни в чём знаков, пока не прошёл мимо них по тёмной дороге без выхода. Ещё одна метафора. Эта получилась неплохой. Эй, Дот, я становлюсь лучше в этом.

3

Я голодный. Или, может быть, он голодный. Я не знаю. Я просто чувствую голод.

Дело не в этом. Просто из-за этого тяжело писать, тяжело думать. Одна проблема осталась в моей голове. Не уверен, что это имеет смысл. Буду честен, в прошлый раз, когда я говорил о маме и деде в моей комнате, на момент я почувствовал, как будто рассказываю чужую историю.

Это была моя история?

Помни: пять чувств. Запах квартиры, старый и заплесневелый, а также от мяса, картофеля и голубцов. Запятнанный водой потолок над кроватью. Звуки на улице, машины, кричащие люди, даже в два часа ночи. Зудящее одеяло. Я помню это.

Я встретил тебя на следующее утро, Дот.

Думаю, можно сказать, что я был человеком, привыкшим встречаться с людьми, особенно учитывая мою работу доставщиком. Новые люди меня не особо беспокоили. Мне нравилось смотреть на них. Это звучит странно. Я имею в виду, ты встречаешь нового человека и видишь вещи об этом человеке. Например, туфли этого парня начищены до блеска, у этого парня по воротнику идёт пятно пота. Волосы этой дамы опалены чёрным, у этой губная помада обвивается вокруг губ. Каждый уникален.

На самом деле, впервые я увидел Дот издалека. Тогда я не знал, кто это был. Я только знал, что человек вдалеке был невысокой, коренастой девушкой с широкими плечами и целеустремлённой походкой. Вероятно, она была примерно моего возраста, с потными грязно-светлыми волосами, которые уже утром выпадали из локонов. Её крупные кошачьи очки казались слишком большими для её лица.

Поняв, что она тоже идёт к главному входу в Студию Джоуи Дрю, я немного пробежал, чтобы догнать её, и она придержала мне дверь. Она бегло осмотрела меня один раз, с ног до головы. Это было быстро, но она уже успела составить обо мне своё мнение. Я знаю это, потому что мы говорили об этом позже.

– Я думала, ты высокий, – сказала она.

– Ну, я *в самом деле* высокий, – ответил я.

– Ты был как ребёнок, всё тело. Ты отличался от толпы. Мне это понравилось.

Я до сих пор не понимаю, почему ей это понравилось. Но я точно знаю, что Дот всегда с подозрением относилась к людям с важным видом: «Как можно определить, настоящий человек или нет, когда он ведёт себя так уверенно?»

Окинув меня взглядом, она решительно пошла дальше и быстро кивнула женщине за столом, прежде чем свернуть в коридор и скрыться за углом.

Я же, напротив, подошёл к женщине, которая снова бросила на меня подозрительный взгляд. А может и нет. Может быть, просто так выглядело её лицо. Знаете, я никогда её не спрашивал. Я не знаю ответа на этот вопрос.

Я никогда не задавал людям много вопросов.

– Здравствуйте, я Даниэль Левек. Э-э, Бадди, – сказал я.

Она продолжала пристально смотреть на меня.

– Я, э-э, новый доставщик и ученик по рисованию.

Она всё ещё смотрела.

Кто-то похлопал меня по руке. Я повернулся и оказался лицом к лицу с женщиной, вероятно, лет пятидесяти, с пышным локоном мягкой каштановой чёлки и волосами, обрамляющими её угловатое лицо. У неё была глубокая морщинка между бровями, из-за которой казалось, что она чем-то обеспокоена. Но в конце концов я понял, что она всегда выглядела именно так.

– Ты Даниэль? – спросила она.

– Да, это я.

Она вытерла руку о фартук, который был на ней, и протянула её для рукопожатия. Я заметил, что она была испачкана чернилами. Как и мои пальцы.

– Я мисс Ламберт. Я руководитель Художественного Отдела. Пойдём со мной.

Я протянул ей руку, мы обменялись рукопожатием, а затем я последовал за ней по коридору, который вчера был очень тёмным и жутким, но теперь был ярко освещён жужжащими огнями наверху. Она отодвинула решётку к лифту, и мы вошли внутрь. Закрыв её позади нас, она нажала на кнопку, и мы поехали вверх, не сказав ни слова. Насчёт чего я и не возражал. Я не был особо разговорчив. Никогда не был. Никогда не буду.

Определённо никогда не буду.

Это даже забавно.

«Чёрный юмор» - так Дот называет это.

Во всяком случае.

Мне также было очень интересно, что Художественным Отделом руководила женщина, и я немного подумал об этом. Не думаю, что когда-то раньше видел женщину, отвечающую за что-либо. Не то чтобы за последние пару лет работало не так много женщин. Я правда знал об этом, учитывая отсутствие мужчин и то, что все они были на войне и всё такое. Но руководителем? Нет, такого я не видел.

Интересно, почему.

Лифт резко остановился, и мои зубы при этом слегка стукнулись друг о друга от неожиданности.

Мисс Ламберт заметила это и рассмеялась.

– Да, такое случается. – Она отодвинула решётку, та с лязгом открылась, и мы вышли на этаж Художественного Отдела. В комнате сидели художники в своих маленьких укромных уголках, каждый из них склонился над столом и усердно работал. Всё свободное пространство было украшено рисунками и фотографиями. Здесь был организованный хаос, который мне нравился.

Здесь также было очень тихо.

Я выполнил достаточно доставок в офисы, из-за чего знал о гудении разговоров и щёлканье пишущих машинок. Это было похоже на суету города, фоновый белый шум, почти успокаивающий.

Но здесь единственным звуком, на котором я мог сосредоточиться, было царапание ручки по бумаге. Поэтому я чувствовал, что любой звук, который я издам, будет отвлекать. Что даже моё дыхание было слишком громким. Что я не должен был дышать.

Мисс Ламберт этого не чувствовала.

– Эй, можно чуточку внимания! – громко крикнула она.

Головы поднялись, глаза моргнули в нашу сторону. Один парень, сидевший у окна, снял очки, протёр их, и надел снова.

– Это Даниэль Левек, – сказала она.

– Бадди, – поправил я её. Она посмотрела на меня. – Люди зовут меня Бадди.

– Хорошо. Это Бадди, он наш новый доставщик.

– Разве Джоуи не остановил наём новых сотрудников? – спросил парень у окна.

Мисс Ламберт пожала плечами.

– Это он нанял Бадди.

Мужчина покачал головой и вернулся к своему столу.

– Думаю, ты можешь взять тот стол сзади. Извини, тут немного темно, но это всё, что у нас есть, – сказала она, указывая на тёмный угол комнаты вдали от естественного света.

– Что мне нужно делать? – спросил я её.

Она снова пожала плечами.

– Полагаю, просто подожди, пока кто-нибудь не попросит тебя поднести или передать что-нибудь. – Она посмотрела на меня, и выражение её лица немного смягчилось. Не так много, не так достаточно, чтобы пропала морщинка между её бровей, но немного. – Всё в порядке, Бадди, мы всё узнаем. Но сейчас мне надо вернуться к работе.

И затем я прошёл через комнату. Подойдя к своему месту, я осмотрел его. Оно было не слишком большим, но теперь, когда я мог как следует рассмотреть его, за ним могло поместиться всего четыре человека. Стены представляли собой

неокрашенные деревянные доски, но они были почти полностью покрыты рисунками и фотографиями людей, животных и мест, которые, я предположил, использовались для примеров поз и вещей при создании мультфильмов.

Я сел за свой стол. Да, мой угол был тёмным, но он не казался грустным. Он казался чуть ли не уютным. Над ним были пожелтевшие рисунки Бенди. Были и другие персонажи. Девушка в коротком чёрном платье без бретелек с нимбом. И кто-то похожий на высокого волка, с торчащими вверх ушами и в комбинезоне.

– Это Элис Энджел, это Волк Борис, и это, очевидно, Бенди, – сказал тёплый голос позади меня. Я обернулся и увидел, что один из художников смотрит на меня сверху вниз. – А я Джейкоб. Приятно познакомиться, мак. – Я пожал ему руку. Он был одет в строгий серый костюм с тёмно-бордовым галстуком и соответствующим карманом. Шикарный прикид.

– Спасибо. Думаю, я должен изучить это всё, – сказал я.

Джейкоб рассмеялся.

– Да. Но не спрашивай никого. Особенно мистера Дрю. Если у тебя есть какие-либо вопросы, обращай к кому-нибудь в Художественном Отделе. Некоторые из старожилов становятся чувствительными. Они не понимают, как мы не знали, кем были эти персонажи, до того, как пришли сюда.

– Верно, – сказал я.

– Слава мимо! – сказал Джейкоб, слегка сдвинув шляпу на затылок. Он улыбнулся мне. Затем сказал: – Можешь отнести эту папку в Сценарный Отдел? Нужно, чтобы они согласились на рисовку, прежде чем я пойду.

– О, конечно, – сказал я.

Я взял папку, и он вернулся к своему столу. Я обернулся, чтобы посмотреть на своё место, думая о том, что он сказал. Древесина стола была изношена после многих лет использования, потемнела в некоторых местах, запачканных чернилами. Я также заметил, что кто-то сделал вырезки в мягкой древесине. Пару забавно выглядящих глаз. Нимб Элис. И, прямо на краю стола, имя. Но оно не выглядело так же, как всё остальное. Оно выглядело так, будто его вырезали снова и снова несколько раз. Оно было более глубоким. Очевидно, это был бывший владелец стола.

– Я постараюсь, чтобы ты гордился мной, Генри, – тихо сказал я столу. Затем я поднял глаза, чтобы убедиться, что никто не слышал.

Я встал и направился к мисс Ламберт. У неё не было секретаря, и я не был уверен, к кому ещё обращаться. Она посмотрела на меня с глубоким подозрением.

– Э-э, мне нужно отнести это в Сценарный Отдел, – сказал я.

Она пристально посмотрела на меня, давая понять, что она понятия не имеет, зачем я ей это говорю.

– Э-э, где это? – спросил я.

– О, – сказала она. – Этажом ниже – Затем она вернулась к своей раскладке, и я снова почувствовал себя почти невидимым.

Ладно, просто сделай это, сказал я себе. Просто произведи впечатление на людей и делай свою работу, и в конце концов они разрешат тебе рисовать. И, по крайней мере, ты не на жаре на улице.

Хотя, честно говоря, внутри было не намного прохладнее. Потолочные вентиляторы, казалось, просто гоняли тёплый воздух.

Я спустился на этаж и оказался в комнате, почти такой же, как Художественный Отдел. Здесь ещё больше голов склонилось над столами. На этот раз у входа была молодая симпатичная секретарша, и она выжидательно посмотрела на меня.

– Здравствуйте, я Бадди, я новичок тут. Нужно было доставить эту папку? – Я сформулировал это как вопрос, хотя знал, что это и должен был сделать. Я чувствовал себя идиотом.

Секретарь сказала:

– Отнеси это Дот.

Я осмотрел комнату.

– Кто такая Дот? – спросил я.

Теперь она посмотрела на меня так, будто я был идиотом.

– Единственная писательница в комнате? – Она также сформулировала это как вопрос, но это определённо было не так. И это определённо заставило меня чувствовать себя глупо.

Я быстро кивнул и оглянулся на женщину. Наконец я увидел её, сидящей немного в стороне от остальной команды, рядом с окном с низкой книжной полкой под ним. Её голова была наклонена так близко к бумаге, что я забавно представил себе, словно она пишет носом.

– Прошу прощения, – сказал я.

Она резко взглянула на меня, но без удивления. Она не казалась испуганной. Просто была активной.

Точно. Теперь я вспомнил. Девушка с нижнего этажа. Та, которая придержала мне дверь. Думаю, у неё был похожий момент осознания.

– Да? – сказала она.

– Я должен был доставить это тебе. – Я протянул ей папку, которую она взяла одним быстрым, умелым движением.

Она снова посмотрела на меня.

– Я новенький, – решил я объяснить. – Мистер Дрю нанял меня вчера. Я в Художественном Отделе. – Почему я всё ещё говорил? Обычно я так много не разговариваю, так почему сейчас веду себя так?

– Ладно, – сказала она. Затем она снова принялась писать, и мне ничего не оставалось, кроме как уйти.

Странно теперь думать, что те две короткие встречи сделали так, что ты стала уверена во мне. Сделали так, что я тебе понравился. Я никогда не пойму почему. Но я всегда буду благодарен за то, что ты приняла это решение.

Мне повезло познакомиться с тобой.

* * *

Остальная часть утра была в значительной степени комбинацией очень длительного сидения за своим столом и последующего выполнения доставок. Никто ещё не знал, что я есть, и мисс Ламберт заверила меня, что когда остальная часть студии узнает, что в городе появился новый доставщик, я буду востребован.

– Наслаждайся тишиной и покоем, пока можешь, – сказала она со сдержанным смехом. – И отнеси это в Музыкальный Отдел.

Так я и сделал. Я спустился на несколько этажей, пока не оказался на этаже Музыкального Отдела. Это был первый раз, когда я попал на развилку, где не было никаких знаков или других указателей, показывающих, куда мне надо идти. И людей также не было. Что было неприятно по сравнению со всеми остальными шумными местами студии. Было по-странным жутко. Моё воображение тут же стало придумывать, что случилось со всеми людьми. Я представил гигантскую руку, вылезшую из пола и сгребавшую всех людей. Это было забавно, но почему-то мне всё ещё было немного не по себе.

Я оставил эту придуманную картину в прошлом. Потому что я вёл себя глупо. Это был просто пустой коридор.

Я решил пойти направо. Я брёл, прислушиваясь к звуку собственных шагов, пока коридор не вывел меня на небольшое пространство, откуда выходили четыре комнаты. Три двери были закрыты; четвёртая вела в старую ванную, которая, похоже, давно не использовалась. Я закрыл дверь. Чувство тревоги всё ещё присутствовало. Закрытые двери означали, что кто-то не хотел пускать людей в них. Но неиспользованная ванная означала, что людей здесь не было приличное время. Какой вариант верный?

Отсюда отходил ещё один маленький тёмный коридор, но я чувствовал, что иду не в ту сторону, вглубь лабиринта, поэтому я развернулся и направился в другую сторону. В конце концов, у меня было только два варианта. Я прошёл мимо лифта и на этот раз повернул налево. Я почувствовал себя увереннее. В этом коридоре на стенах висели плакаты, и по мере того, как я шёл, появились листы с нотами в рамках и даже несколько пластинок в рамках, висящих как декорации.

И вдруг я снова оказался в простом коридоре. Я развернулся на месте, но не мог понять, как это произошло. Должно быть, я где-то пропустил поворот. Я начал немного паниковать.

Это было глупо. Эти коридоры не могли продолжаться вечно. Это здание было зажато между двумя другими зданиями. Это был Нью-Йорк, город на острове, который всегда строился вверх, потому что не было места строиться в сторону.

Просто повернись, и ты выяснишь это. В конце то концов.

Но.

Я не мог. На самом деле, теперь я не мог найти дорогу даже к лифту. Я начинал ощущать то знакомое чувство, которое я испытывал, выполняя поручения м-ра Шварца. Я не хотел, чтобы меня называли опаздывающим или ненадёжным. Не здесь, не в студии. Определённо не в мой первый день.

Я оказался в коридоре, который был темнее других. Теперь я по-настоящему испугался. Я заблудился в лабиринте, и в этот момент моё воображение начало одолевать меня. Каждый раз, когда я сворачивал за угол, мой живот немного сжимался при мысли о том, что я могу найти.

Или кого.

Я снова свернул за угол, и тут что-то услышал. Я напрягся сильнее, чтобы лучше слышать.

Музыка.

Я слышал музыку. Она была неотчётливой и слабой. Как медленный, пронзительный крик. Она становилась всё громче, затем затихала. И снова, громко и затихала. Я пошёл на звук и свернул за угол. Свет здесь был ярче, и я наткнулся на большой пустой стол рядом с дверью. Над ней была вывеска: «Музыкальный Отдел». И музыка доносилась из-за двери. Кто-то играл. Этот кто-то поможет мне выбраться из этого лабиринта.

Я осторожно открыл дверь и заглянул внутрь. Это была большая комната с потолком высотой в два этажа и сценой в одном конце. На задней стене мерцал квадрат яркого белого света, как будто только что закончилось проигрывание фильма. Я повернулся и посмотрел на противоположную стену. Наверху находилась проекционная будка, но свет был настолько ослепляющим, что я не мог разобрать, был ли там тот парень Норман, с которым я встретился вчера, или был ли там вообще хоть кто-то. Поэтому я повернулся и пошёл дальше вглубь комнаты. Стулья и пюпитры были разбросаны по всей сцене. И на местах были оставлены инструменты, на полу рядом с ними были открытые футляры. Похоже, все взяли обеденный перерыв. За исключением леди со скрипкой.

Она сидела посреди сцены, окружённая этим лесом пюпитров, её волосы были длинными, прямыми и неопрятными. Её ноты скрывали её лицо и большую часть инструмента, так что я мог видеть только её руку и пальцы, выглядящие как клешни, держащиеся за струны на шее скрипки.

Музыка, которую она играла, была медленной и напряжённой, почти никакой мелодии. Звук пронзил мою голову, от чего я почувствовал лёгкое головокружение.

– Прошу прощения? – тихо сказал я, не желая прерывать её, но не зная, что ещё сделать.

Она вскинула голову, и музыка мгновенно прекратилась. Она уставилась на меня из-под тяжёлых полуприкрытых век.

– Привет, простите, что прерываю, но я потерялся...

Внезапно снаружи комнаты раздался громкий грохот. Затем раздался мучительный крик. Женщина встала и устояла на дверь, а я повернулся посмотреть, моё сердце бешено колотилось.

– Что это?

Женщина смотрела совершенно неподвижно. Затем шёпотом сказала:

– Он идёт.

Я повернулся обратно к ней.

– Кто?

Внезапно в комнате стало тёмно. Я обернулся и увидел, что проектор погас. Теперь комнату освещал только свет в углу. Я чувствовал, как моя грудь сжимается от страха, но это было просто изменение освещения. И всё. И всё.

Тук.

Я медленно повернулся к двери. Тогда я вспомнил свой кошмар. Темнота вокруг меня. Рука, прорвавшаяся сквозь дверь. Я взглянул на скрипачку. Она стояла совершенно неподвижно в своём длинном чёрном платье. Её волосы слились с ним так, что она казалась одной длинной тенью. Она не отворачивалась, она не бежала. Она просто смотрела на дверь.

Тук-тук.

Как будто кто-то хромает, тяжёло ступая на одну ногу. Прямо снаружи. Приближаясь.

Нет. Я не дам своему мозгу взять надо мной верх.

Тук-тук.

Это был не кошмар.

Я медленно подошёл к двери, глубоко вздохнул и распахнул её настежь.

Там никого не было.

– Он идёт.

Я посмотрел на скрипачку. Она указала смычком на дверь.

– Кто? – снова спросил я.

Она ничего не сказала, просто продолжала пристально смотреть. Я начал чувствовать себя скорее разочарованным, чем испуганным, и резко обернулся, как вдруг встретился лицом к лицу с существом, покрытым капающей чёрной липкой слизью прямо передо мной.

Я отшатнулся назад, и папка в моей руке упала на пол, забытая, тогда как монстр ворвался в комнату, задев дверной косяк, и свалился на меня. Всё его тело было покрыто чем-то тёмным и сочащимся. Он ощупал своё лицо и издал стон чистой боли, когда упал на меня. Я не смог отойти. Я споткнулся о собственные ноги, когда он упал на меня, покрывая мой торс тем же липким влажным веществом. Я изо всех сил надавил на него, когда он вцепился когтями в лицо, и казалось, что этот ужасающий крик из глубины его горла никогда не прекратится. Каждый раз, когда

он открывал рот, чёрная жидкость стекала в его горло, от чего он булькал и брызгал слюной.

Наконец он сполз с меня, и я, пошатываясь, встал. Я посмотрел на себя.

Мои руки, брюки, рубашка - всё было в этой слизи. Я внимательно посмотрел на свои руки, потеряв чёрное липкое вещество.

– Чернила? – сказал я, задыхаясь.

Я повернулся к лежащему на земле существу и понял, что это не какой-то монстр. Это был мужчина. Покрытый чернилами. Мужчина, покрытый чернилами, корчился на полу в агонии и ярости.

Я сразу же оказался рядом с ним.

– Сэр, сэр, вы меня слышите?

Мужчина внезапно схватил меня за воротник рубашки и притянул ближе к себе.

– Мои глаза!

Я кивнул и выхватил его сжимающуюся руку, когда встал. Я лихорадочно осмотрел комнату и увидел тряпку, засунутую в открытый футляр для виолончели. За ним, у заднего ряда, стояло полстакана воды. Я бросился мимо скрипки, всё ещё стоящей там, как статуя, схватил все вещи и в панике вернулся.

– Вода и тряпка, – объяснил я, передавая их ему. Он слепо размахивал руками, и я схватил его за руку, чтобы помочь взять стакан. То же самое сделал и с тряпкой.

Я смотрел, как он яростно вытирает глаза, и мне казалось, что он делает только хуже. В то же время я не собирался говорить ему, что делать - он казался немного сумасшедшим.

Чернила могут сотворить такое с тобой.

В конце концов, он смог достаточно очистить своё лицо, так как успокоился, опустил руки в сторону и лежал, уставившись в потолок.

– Вы в порядке, сэр? – спросил я.

Мужчина ещё некоторое время молча смотрел, а затем повернул голову, чтобы взглянуть на меня. Его лицо было испачкано, а белки глаз не были белыми. Вместо этого они были, похоже, бледно-розового оттенка. Всё в нём казалось заострённым. Его нос, его подбородок, даже форма бровей.

Вот тогда я и заметил красный цвет. Капля крови стекала по его лбу.

– Я в порядке? – спросил он с усмешкой, повторяя мой вопрос. Он покачал головой, а затем, прищурившись, посмотрел на меня.

– У вас кровь идёт, – сказал я и указал на место.

Мужчина дотронулся до него, затем провёл пальцами выше по голове. Он вздрогнул. А затем сделал резкое тянущее движение рукой. Он посмотрел на свои пальцы. В них был кусок стекла. Он снова посмотрел на меня.

– Кто ты такой, чёрт возьми?

– О, э-э, я Бадди. Я новый доставщик в Художественном Отделе.

В этот раз он уставился на меня дольше. Затем он начал смеяться таким смехом, в котором не было ни звука, только дыхание. Почти как хрип.

– Художественный отдел. Ладно. Ладно, доставщик из Художественного Отдела, ответь мне: почему вы, ребята, храните чернила в моей кладовке с нотами? И почему *Джоуи* провёл через мою кладовку трубу, которая, как оказалось, заполнена чернилами?

Труба? Чернилами? Это определённо не звучало нормально, но опять же, я понятия не имел, что было нормально для анимационной студии.

– Я не знаю.

– Ты не знаешь. Ты не знаешь. – Смех усилился, хотя это было ещё только дыхание. Теперь из его горла доносился щёлкающий звук. Он приподнялся и откинулся на локтях, всё ещё смеясь.

– Я... не знаю, – повторил я, как будто так это будет звучать менее смешно. – Я даже не знаю, где находится кладовка с нотами. – Я не знал, где находится большинство вещей. Даже сейчас, в этот момент, я не всегда помню, где что находится.

Но я помню, как мужчина встал и схватил меня за локоть. И я помню, как смотрел на скрипачку, как она спокойно смотрела, когда он выводил меня из комнаты. Я помню, как следовал за ним и не знал, что происходит. И его крепкую хватку. Его пальцы были такими же заострёнными, как и всё остальное.

Я помню.

Я помню, как шёл по чернильным следам на полу в обратном направлении.

И я помню кладовку.

Дверь была распахнута настежь, пол был совершенно чёрным, и с высоких полок на обрывки белой бумаги капали чернила, словно только что выключенный водопад. Осколки стекла валялись повсюду.

– *Это* кладовка с нотами, – сказал мужчина, отпустив мою руку так, что это было больше похоже на толчок. От этого я чуть не упал. Я пнул ногой осколок, и он со звоном отлетел в тёмный угол. – А *это* чернила, которых здесь быть не должно. – Он указал на несколько оставшихся рядов непомеченных, всё ещё нетронутых чернильниц. – А *это* труба, в которой необъяснимым образом текут чернила, и которая умудрилась лопнуть, испортив неисчислимое количество моих нот.

– Понятно, – сказал я. Я посмотрел на него. Он посмотрел на меня.

– Понятно? – Он прозвучал возмущённо, но я не знал, что ещё я мог сказать. Всё, чего я хотел, это вернуться к лифту и своей работе.

Когда я ничего не ответил, он покачал головой в мою сторону. Затем он наклонился так близко, что я мог видеть чернила, которые просочились во все его поры. Когда он заговорил, я увидел его испачканные чернилами дёсны и язык.

– Убирай. Этот. Беспорядок.

Затем он ушёл, и я остался один. Опять.

Я заглянул в кладовку. Это чувство потерянности просто не отпускало меня. Это чувство всегда быть неправым. Это было нехорошо. И теперь, глядя на беспорядок, я просто не понимал. Разве у них не должно быть людей, которые убрались бы здесь? Когда это стало моей работой?

И как я должен был выполнить эту работу?

Как можно очистить пролитые чернила?

На этот непростой вопрос трудно ответить.

Потому что ответ: никак.

Позвольте мне рассказать вам кое-что о чернилах. Они никуда не деваются. Я имею в виду, можно помыть руки, оттереть их, и думать, что со всем справился, но потом появится небольшое пятно, маленькое пятно. Ты его пропустил? Может быть. Но мне так не кажется. Поэтому ты ждёшь, пока слой твоей кожи не слезет, ждёшь, пока окрашенная чёрным кожа не слетит на пол. Потом чернила пропадают. Или нет? Ты думаешь, что они пропали, но затем находишь ещё больше. Где-нибудь ещё. И ещё больше.

И ещё больше.

Чернила никогда не исчезают.

Они всегда здесь, как будто прячутся, выжидая, чтобы показать себя. Они всегда рядом, чтобы напомнить тебе о своём присутствии. Они никогда не пропадут.

Поначалу всё не так уж плохо. Привыкаешь видеть их, например, на подошве указательного пальца. Может быть, это даже друг. Или знак гордости. Вот как они заманивают тебя.

Но они растут и прячутся. И просачиваются, и впитываются.

И затопляют, и поглощают.

Они живые.

Они везде.

Они внутри меня. Они дышат за меня.

Я чувствую их, как они плещутся в моих лёгких. Я чувствую их в своём мозгу.

Я - чернила.

4

– Бадди?

Я размазывал чернила старой шваброй, которую нашёл в кладовке, наверное, около часа. До этого я убрал осколки и чернильницы. Выбросил испорченные листы с нотами. Мне казалось, что я чего-то достиг. Но не сейчас. Теперь это было просто размазывание чернил, но никак не их убирание.

Я обернулся.

– О, привет. – Это была та девушка из Письменного Отдела. Та, которую я видел раньше.

Это была Дот.

Пришла, чтобы спасти меня.

– Что ты делаешь? – спросила она. Она сказала это так, как будто решила, что я сошёл с ума.

– О, тот парень с нотами сказал мне убратся здесь, – сказал я, держа швабру в воздухе, с неё капали на пол они. Больше чернил. – Он был здесь, и, думаю, разбил несколько чернильниц, а там лопнула труба или что-то в этом роде.

– Парень с нотами?

– Да. Он выглядел каким-то заострённым. – Я больше ничего о нём не знал. Даже его имени, если подумать.

– О, – сказала девушка с лёгкой улыбкой, нарушившей её суровое выражение лица. – Сэмми.

– Может быть.

– О, это был определённо Сэмми. Он... полон энтузиазма. – Она энергично обошла меня и посмотрела на беспорядок в кладовке. – В первую очередь, что все эти чернила делали здесь? – Она протянула руку и коснулась липкой лужицы на одной из полок. – Густые, – сказала она больше себе, чем мне.

– Расскажи мне о них, – ответил я, наконец опустив швабру на пол, и почувствовал физическое истощение от всей уборки.

– Чернила могут стать плохими? – спросила она, глядя на меня.

– Без понятия.

Она пожала плечами.

– Что ж. Не имеет значения. Он не должен был заставлять тебя делать это.
Посмотри на себя, ты выглядишь ужасно.

Тогда я вспомнил, что тоже был покрыт чернилами. Из-за Сэмми. Мама прийдёт меня, когда увидит, в каком состоянии была моя одежда.

– Пойдём со мной, я хочу тебе кое-что показать.

И поскольку лучше, чем размазывать чернила по кругу, было всё что угодно, я сделал, как она сказала.

Я не знал, почему Дот так хотела взять меня с собой, куда бы мы тогда ни шли. Ладно, признаю, моей первой мыслью было то, что я ей, возможно, нравлюсь. Я имею в виду, не просто нравлюсь, а она была добра ко мне. Если ты читаешь это, знаю, ты смеёшься, Дот, но я действительно не знал ни одной другой причины, по которой девушка хотела бы тусоваться с парнем, особенно в нашем возрасте. Тогда мне и в голову не приходило, что мы можем быть просто близкими людьми.

Друзьями.

Я рад, что понял это.

Во всяком случае, я не знал, куда она меня ведёт и зачем, но, как я уже говорил, всё что угодно было лучше, чем уборка, и в тот момент я был настолько далёк от своей цели, что в любом случае не был уверен, в чём состояла моя работа. И я заслужил перерыв.

Я был довольно хорош в том, чтобы таким образом заставлять вещи в моей голове иметь смысл.

Я последовал за ней по коридору, поворачивая туда-сюда, пока мы не подошли к лифту. Я почувствовал такое облегчение, увидев его, что на мгновение забыл, что не возвращаюсь в Художественный Отдел, и был полностью сбит с толку, когда лифт начал спускаться, а не подниматься.

– Куда мы идём? – спросил я. Решётка, в которой мы находились, слегка дрожала, и шестерни, управляющие движущимся механизмом, скрипели слишком громко. *Этот лифт, должно быть, был одним из первых в своём роде*, подумал я. Исторический артефакт. Который двигался очень медленно.

– Не хочу портить сюрприз, – сказала Дот как ни в чём не бывало.

– Ха, – сказал я вслух. Я хотел сказать это про себя.

Она повернулась и с подозрением посмотрела на меня.

– Что?

– Что? О, ничего, о, нет. Ты просто не похожа на тех, кто любит загадки, игры и прочее. – Я приостановился, когда сказал это, и она уставилась на меня. Внезапно я понял, что это звучало глупо. Я ничего о ней не знал. Я просто знал, что она, кажется, не тратила время впустую.

Но внешность может быть обманчива.

– Не совсем, – сказала она, не отводя глаза. – Но время от времени, знаешь, это так. Сюрприз может быть искусным. Кроме того, это трудно объяснить, лучше увидеть всё самому.

– Да, иногда слов недостаточно, – согласился я.

Она на мгновение задумалась.

– Я предпочту не воспринимать это как личное оскорбление.

– О! Нет, это не оскорбление. – Я вовсе не это имел в виду. Просто подумал, что я с ней согласен. Она заставляла меня чувствовать себя на грани, как будто если бы я не сказал всё идеально, она бы поняла всё неправильно.

Оказывается, *так* и было.

В хорошем смысле.

– Кстати, я Дороти. – Да, кажется, таким оно и было. Думаю, это было наше первое знакомство. «*Кстати, я Дороти*». – Люди зовут меня Дот. Я зову себя Дот. Просто зови меня Дот.

Точно. Теперь я вспомнил, что так её назвала секретарша.

– Я Бадди. Моё настоящее имя Даниэль, но все зовут меня Бадди.

– Правда, почему?

– А почему тебя зовут Дот?

– Это типичное прозвище, которое люди дают тем, кого зовут Дороти, – ответила она, как будто я это знал.

– Оу.

– Для Даниэля это обычно Дэн или Дэнни или что-то в этом роде. Бадди звучит странно.

Это застало меня врасплох. В этом я с ней не очень-то соглашался.

– Нет, не странно. В любом случае, меня начали называть Маленький Бадди. Все в округе называли меня так. Я был совсем маленьким и всегда делал всё, что мог, чтобы помочь своим людям, с делами и прочим. Просто хотел быть полезным. Бегал по окрестностям. Наверное, люди просто стали меня так называть. Но потом, понимаешь... – Я посмотрел на себя, на свои узковатые ноги, подпираемые большой обувью. Я всегда чувствовал себя палкой на подставке или чем-то в этом роде.

– Ты вырос, – сказала она.

– Да.

Лифт, наконец, резко остановился, от чего мои зубы снова слегка стукнулись друг о друга. Я решил, что мне нужно привыкнуть к внезапным остановкам, иначе когда-нибудь они вылетят изо рта.

Дот открыла решётку, и мы вошли в тёмный, пустынный коридор. Мы были в подвале, это было понятно. И когда я огляделся, было совершенно очевидно, что здесь внизу никто не работал, что пространство использовалось больше для хранения, чем для чего-то другого. Справа к стене были прислонены большие, размером с человека, картонки Бенди, и, когда Дот повернулась, а я последовал за

ней налево, я увидел несколько кладовок с открытыми дверями. Внутри комнат коробки были навалены друг на друга.

– Нам разрешено сюда спускаться? – спросил я.

Дот пожала плечами.

Я принял это за «нет». Она довольно прямолинейно отвечала на любые другие вопросы, так что я решил: пожатие плечами, которое на самом деле не отвечало на вопрос? Да, наверное, это было «нет».

– Что ж, могу я тебя кое о чём спросить?

Она посмотрела на меня, опять же, с подозрением. В смысле, в конце концов я узнал, что так она смотрела на всех, потому что относилась с подозрением ко всем. Однако, сначала это заставило меня думать, что я всё время делаю что-то неправильно.

– Ладно.

– Я заметил, что здесь работает много... леди. – Я не был точно уверен, как сказать об этом.

Дот рассмеялась. Единственным в своём роде кашляющим смехом. И покачала головой.

– Кого ты называешь леди, Бадди? – сказала она с лёгкой улыбкой.

Моё лицо вспыхнуло от этих слов.

– Ты понимаешь, что я имею в виду. Просто, знаешь, здесь работают девушки. Например, руководитель Художественного Отдела. Это леди. И... знаешь... – Я как бы отогнал от себя эту мысль и замолчал.

– Я знаю что? – спросила она, поворачивая за угол. Я последовал за ней. Она щёлкнула выключателем, и несколько пыльных лампочек, которые тянулись вдоль узкого потолка, зажглись.

– Я не... привык видеть так много женщин, выполняющих такую работу. – Было трудно выразить то, что я хотел сказать. В основном потому, что, полагаю, я не был уверен, о чём спрашиваю.

– Ладно, ладно, пока ты окончательно не испереживался, фасолька, давай я помогу тебе разобраться. – Дот остановилась и повернулась ко мне лицом, а я стоял к ней спиной. – Во время войны мистер Дрю, как и любой другой работодатель, потерял много своих сотрудников в борьбе за победу. Так что, как и многие другие компании, он нанял нас, «леди», как ты выразился. Война закончилась, не все парни вернулись, а те, кто вернулся, ну... Мистеру Дрю нравилась именно наша работа. Думаю, сначала это удивляло его, но потом он понял, что игнорировал много талантов, не осознавая этого. Мистер Дрю любит талант. Ему всё равно, какого человек пола, возраста, цвета кожи или класса.

– Да. – Я кивнул, думая о своём разговоре с ним. Не то чтобы мистер Дрю правда знал, есть ли у меня какой-то талант. Я ещё не нарисовал даже круга. Всё это казалось странным, когда я думал об этом так.

– В любом случае, ты понял. Ребята, которые вернулись, вернулись. Но мистер Дрю не уволил никого из нас, девчонок. Некоторое время мы работали вместе, одни мужчины слонялись рядом, другим не очень нравилось, что начальством были женщины, так что... мы остановились на том, что вышло.

– С боссами леди. – Я понял это сейчас.

– Просто боссами, Бадди. Женщины - это не какой-то странный особый вид боссов. Просто люди, Бадди, просто люди. – Я снова кивнул. То есть, я знал это. Да. Дот на мгновение посмотрела на меня. – Тебе придётся выбросить всю эту одежду. Она испорчена.

Я снова посмотрел на чёрные чернила, пропитавшие мою рубашку.

– Да, – сказал я. Мне не хотелось об этом думать. В результате у меня оставалась только одна хорошая рубашка и брюки.

Дот резко кивнула и пошла дальше. Я тоже. Она шла быстро, но каждые два её шага были равны моему одному, так что я не чувствовал, что куда-то тороплюсь. Хотя я знал, что, кажется, мне пора возвращаться к работе. Было приятно, когда что-то имело какой-то смысл. Было приятно иметь друга. Она была моим другом? В этом я не был уверен.

Наконец мы остановились перед закрытой дверью. Дот огляделась, и это определённо заставило меня подумать, что мы делаем что-то запрещённое. Она вытащила маленький медный ключ из глубокого кармана юбки и отперла дверь.

– Где ты его взяла?

Ещё одно пожатие плечами.

Она открыла дверь, включила свет, и мы вошли внутрь.

Это была ещё одна кладовка. Но намного больше тех, мимо которых мы проходили, которые были чуть больше шкафа. При этом вдоль всех четырёх стен было нагромождено столько всего, что создавалось впечатление, будто места было намного меньше, чем на самом деле. Посередине стояли два стула и стол. И на столе было разложено то, что выглядело как кучка тех маленьких кукольных домиков, которые вы могли видеть в витринах магазинов игрушек. Своим плечом я зацепился за что-то торчащее, и обернулся, чтобы посмотреть на это. Это было колесо.

Колесо?

Вот тогда-то всё и встало на свои места.

Интересно, как работает мозг. Он может видеть все вещи как одну вещь. Он не видит части, отдельные компоненты. Вы видите машину. Вы не видите лобовое стекло, двери, фары. Вы видите их позже. После того, как увидели «машину».

Забавно, что, если не искать фрагменты, иногда их и не замечаешь.

Маленькие отдельные вещи, которые составляют одно целое.

Подсказки.

Дело в том, что только что я видел «вещи». Но теперь, когда я заметил колесо, я увидел больше. Я заметил, что колесо было прикреплено к маленькой тележке, и

понял, что она очень похожа на бамперные машинки на Кони-Айленде. И тут я понял, что эта стена была грудой машинок. И более того, там была наполовину скрытая вывеска с лампочками вокруг неё. Я смог прочесть «ди Бамперы» на ней. Я вошёл в комнату, развернулся и заметил больше вещей. Чёрно-белую лошадку с карусели и картонку Волка Бориса, держащего блюдо, со словом «Еда» и стрелкой.

– Удивительно, не правда ли? – спросила Дот.

Я обернулся и увидел, что она стоит у стола.

– Что это всё такое?

– Ладно, давай я покажу тебе, – сказала она, указывая на маленькие кукольные домики.

Я подошёл к ней за стол и понял, что это вовсе не кукольные домики. Это были части небольшого макета, что имело больше смысла. Мы оба наклонились по обе стороны стола. Я мельком взглянул вверх, и то, как нос и рот Дот скрывались за маленьким макетом здания, выглядело так, словно она была великаном, наблюдающим за человеческим блошиным цирком.

Я снова посмотрел вниз. Моя голова была над крошечной табличкой с надписью «Бенди Бамперы». Я посмотрел через плечо на настоящую табличку, теперь скрытую в тени.

– Я не понимаю. Кони-Айленд? – спросил я.

– Бендиленд, – ответила она.

Я посмотрел на неё, и она смотрела на меня со взглядом знающего человека.

– А он существует? – спросил я. Но даже спрашивая, я знал ответ. Этого не может быть, так как всё это барахло было в этой комнате. – Существовал?

Она отрицательно покачала головой.

– Это следующий большой проект мистера Дрю. Он работал над ним последние пару лет или, по крайней мере, столько, сколько я здесь работаю. Но всегда в тайне. Никто не знает об этом месте, насколько мне известно. Раньше это были только обрывки и кусочки, а макет рос и рос. Но затем, в прошлом месяце, эта комната начала по-настоящему заполняться. Как будто что-то вот-вот произойдёт.

Я подумал о том мужчине, Томе, которого я видел вчера. Я подумал о рулоне картона в его руке. Он выглядел так, как те рулоны, что носят с собой архитекторы и дизайнеры. Может быть, над этим проектом работал он.

– Не знаю, где он собирается всё хранить, потому что даже этот склад крошечный. С ума сойти, да?

Я окинул взглядом весь стенд, на котором стоял макет. Здесь были аттракционы и по дороге к ним стояли небольшие лавки, где проходили маленькие игры. Здесь была зона для еды и даже что-то похожее на дом с привидениями. Это был целый парк. Только о Бенди.

– Мистер Дрю придумал всё это? – спросил я с трепетом.

– А кто же ещё? – спросила Дот.

– А тебе не кажется, что об этом знает кто-то ещё?

– Я так не думаю. – Дот встала и скрестила руки на груди, всё ещё глядя на макет. Я тоже встал.

– Откуда *ты* узнала об этом? – спросил я.

– Хороший вопрос, Бадди. – Она казалась впечатлённой. – Продолжай задавать здесь такие вопросы, как этот. Это важно.

Я не понимал. Точнее, я понял, что она сказала. Я просто не понимал, зачем она это сказала. Так что я задал такой вопрос. Так как, ну, она, в любом случае, сказала мне это делать.

– Зачем?

– Я не знаю, Бадди, не знаю. Я просто чувствую что-то интуицией, и это не что-то хорошее. Мне нужно понять это лучше. Я люблю информацию. Я люблю детали.

Мама говорила, что дьявол кроется в деталях.

– В любом случае, не будь растерянным, Бадди. Ты задал мне вопрос и посмотри, что я сделала. Я не ответила, и мы продвинулись к кое-чему другому.

Я кивнул. Я был сбит с толку, но, в то же время, не был. Что тоже сбивало с толку.

– Так откуда ты узнала об этом?

– Я действовала скрытно. Я хочу собирать факты.

– Из-за интуиции.

– Да.

Я понимал, что такое действовать скрытно. Я часто делал это в своём районе. И когда я шпионил за художниками в Центральном парке.

– Где ты взяла ключ? – спросил я.

Дот улыбнулась на это.

– Ещё более лучший вопрос.

– Спасибо.

– Уолли всегда теряет ключи. Это не значит, что я верну их.

Я снова кивнул, не совсем понимая, что чувствовал по поводу всего этого воровства. Ну, я знал, что я чувствовал, и мне это не нравилось, но мне нравилась Дот, и она казалась такой уверенной в себе, словно всегда знала, как и что лучше сделать. Может быть, «лучше» на этот раз было «хуже»?

– Наверное, нам следует вернуться наверх, пока они не заметили, что мы пропали, – сказала она. Я почувствовал всплеск паники, подумав о том, что опоздаю и меня уволят, хотя в то же время я уже довольно долго отсутствовал, и никого это, кажется, не волновало. Опять же, никто не знал, что я здесь работаю. Всё ещё.

– Не сможешь мне найти дорогу обратно в Художественный Отдел? – спросил я, когда мы заперли за собой дверь и направились к лифту.

– Конечно.

Тут я остановился. Размышляя. Дот тоже остановилась. Заметив это.

– Что такое? – спросила она.

– Почему я? – спросил я.

– Почему ты что?

– Почему ты пришла ко мне? Зачем ты мне всё это показала?

Затем она посмотрела на меня украдкой с таким взглядом. Ты знала, Дот, что у тебя такой взгляд? Этот взгляд говорит о том, что я должен как-то разобраться в этом сам, что у меня есть ключ, решение.

Я не мог. Я не мог тогда, не могу и сейчас. Ты слишком сильно веришь в меня, Дот.

– Моя интуиция, – ответила она.

5

В тот день я совсем не видел мистера Дрю. От этого мне было немного не по себе. Было немного беспокойно даже от той мысли, что он на самом деле не имел в виду своё предложение о работе или что он уже забыл обо мне. Когда я вернулся в Художественный Отдел, мне казалось, что на меня упал гигантский луч прожектора. Я определённо больше не был невидимым.

– Когда тебе сказали бросаться в работу, не имели в виду на самом деле.

– Это какое-то концептуальное произведение искусства?

– Ты что, хочешь стать мультяшным персонажем, когда вырастешь?

Наверное, были и другие вещи, которые сказала мне банда в Художественном Отделе, но я не могу вспомнить. Я помню, как они смеялись. Я помню, как моё лицо пылало. И я помню, как просто пытался выполнять маленькие случайные поручения, о которых все меня просили, как можно быстрее, с минимальным количеством разговоров, насколько это возможно, до конца рабочего дня.

Часы тикали. Пять часов. Шесть часов. Я был более чем готов идти. Слишком много всего для первого дня на работе мечты. Но никто не сказал мне, когда день закончился, и никто рядом не вставал. Все головы оставались согнутыми над столами, а своими карандашами они яростно царапали по бумаге.

– Всё в порядке, Бадди, можешь идти, – сказала мисс Ламберт. Я немного подпрыгнул - она как будто подкралась ко мне.

– Я могу остаться, – сказал я. Я не хотел выглядеть лентяем. Я был усердным работником.

– Всё в порядке. Все хотят успеть к крайнему сроку, а это твой первый день. Кроме того, похоже, он был не совсем лёгким. – Она улыбнулась мне.

Я не знал, что сказать или сделать, и просто хотел убежать. Мысль о том, что я выйду на улицу, покрытый этими чернилами, на самом деле не давала мне покоя. Но я сделал, как она сказала, взял куртку и пошёл домой. Я сосредоточенно смотрел на тротуар под ногами. Не был в настроении ловить на себе взгляды людей.

Труднее было игнорировать крики людей в моём районе.

– Эй, Бадди! Ты упал в чан с шоколадом?

Были вещи такого рода.

Я добрался до дома и помчался вверх по лестнице. Столкнулся с м-ром МакКенном, выходящим из ванной, вокруг его талии было обёрнуто изношенное старое полотенце, над которым выпирал живот.

– Осторожнее, парень!

Я ворвался в квартиру и пролетел мимо мамы, моющей посуду на кухне, в свою комнату. И резко остановился. Я забыл.

Мой дед.

Он стоял в небольшом пространстве между ножкой кровати и стеной, глядя на огромную картину, висящую там. Полагаю, сама картина не была огромной, она была своего размера. Она просто была очень большой по сравнению со стеной и доминировала в комнате, я всегда так считал.

– Мне просто нужно сменить рубашку, – объявил я. Но он не пошевелился и даже не подал никаких признаков, что услышал меня. Даже не хмыкнул. – *Koszula*, – сказал я. Мой польский был ужасен, я знал только всякие мелочи. Я даже не был уверен, откуда первоначально узнал, как будет «рубашка» на польском.

Я сказал это, но ему, похоже, это тоже ничего не дало.

Поэтому я осторожно приблизился к нему, пытаюсь сделать так, чтобы он меня заметил. Когда он не обратил на меня внимание, я, наконец, просто перелез через кровать, чтобы добраться до своего комода. Проходя мимо, я посмотрел на картину. Это была природная сцена с горой и деревьями. На самом деле она не была нарисована реалистично, как фотография, было больше похоже на то, что художник густо шлёпнул краской и случайно придумал картину. Я хорошо привык к ней, был хорошо знаком с каждой формой и каждой линией. Но я был знаком с большим, чем с самой картиной. Была также тяжёлая золотая рама. Когда я был маленьким, я спросил маму, настоящим ли было золото. Оно не настоящее, сказала она. Я сказал, что, если бы это было настоящее золото, мы могли бы продать его и купить новую квартиру. И больше еды. Она улыбнулась. – Рама - это не то, что ценно.

Я не понял, что она имела в виду. Но я понял это несколько лет спустя, когда Томми Шарп сказал мне, что видел в газете картину, похожую на нашу, которая была продана за десять тысяч долларов на аукционе. Я не поверил ему, и мы подрались по этому поводу. И я пришёл домой весь в синяках и посмотрел на неё. Тогда весь мир оказался в фокусе. Я заметил и другие картины в квартире. Те, сложенные друг на друга по длине коридора. Я заметил, как они занимали пространство вплоть до потолка, как будто их хранили где-то. Все они были попорченными. Пыльными. Я жил с ними так долго, что не замечал, что на картины можно обратить внимание.

– Мама, мы могли бы продать эти картины, – сказал я. – У нас могли бы быть деньги. Ты могла бы перестать работать на м-ра Шварца до смерти каждый день.

– Какие у тебя мысли, – сказала она со смехом, встала из-за стола и взъерошила мои волосы, как будто я всё ещё был маленьким ребёнком, а не тринадцатилетним.

– Деньги важны, мама, – сказал я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на неё.

– Не говори мне, что деньги важны, как будто я сама не знаю. – Она прислонилась к раковине и посмотрела на меня. – Мы не продадим картины.

– Они имеют ценность. Ты даже сказала мне это однажды, – сказал я. – Ты видела газету?

– Нет. – Она снова повернулась к раковине. Но ничего не сделала. Она просто стояла там. Молча. Слезы бесшумны. Люди понимают, что идут слёзы, потому что, когда люди плачут и прочее, они издают звуки горлом, но на самом деле можно плакать, и никто не поймёт.

Но я понимал. Я всегда понимал.

Чего я не понимал, так это почему она плакала. Моё сердце сжалось.

– Это связано с папой? – тихо спросил я. Мы уже несколько недель не получали от него писем.

Она резко повернулась, её глаза расширились и покраснели. Она казалась испуганной, но я никак не смогу это объяснить. Могу поспорить, ты смогла бы, Дот. Затем выражение её лица смягчилось, и она сказала:

– О, твой папа. Нет, нет, это с ним не связано.

Подойдя к комоду и открыв ящик, я посмотрел на деда.

Внезапно в памяти всплыло это воспоминание. «Это связано с папой?» Она подумала, что я спрашиваю о её папе, а не о своём. Она всегда что-то скрывала. О своей семье.

Что он увидел в картине? Почему это было что-то важное? Чего я не замечал?

Я вытащил рубашку, взял другую пару брюк и захлопнул ящик. Это было нечестно, мне это не нужно. Мне не нужен какой-то таинственный, неговорящий по-английски старик в моей комнате, в моём пространстве, который всё усложняет. Мне также не нравилось, как он расстраивал маму. Она всегда была очень счастливой, кроме тех случаев, когда говорила о нём. Почему она впустила его в свою жизнь вот так? В нашу жизнь вот так?

Почему он стоял так близко к этой картине?

Было слишком много всего этого. Сегодня было просто слишком много всего.

Я снова протопал через кровать, что, на самом деле, сделать затруднительно. Это больше похоже на то, будто ты сердито спотыкаешься и падаешь с другой стороны. И я снова оказался в нашем узком коридоре. Я разделся, переоделся и выбросил одежду в чернилах на кровать.

Мой дед даже не дрогнул.

Он просто пристально смотрел.

И продолжал смотреть.

6

Работа в студии была совсем не такой, как я думал. Я имею в виду, она не была плохой. Всё лучше, чем быть доставщиком у м-ра Шварца снаружи в разгар Нью-Йоркского лета. Хотя, не уверен, что выбрал бы работу доставщиком *внутри* в разгар Нью-Йоркского лета. Особенно в душной анимационной студии со спёртым воздухом внутри.

Нельзя сказать, что не было никаких преимуществ. Было очень интересно наблюдать за работой художников, конечно, когда они позволяли. Джейкоб всегда разрешал мне немного заглядывать через его плечо, но Ричи, нет, он скрывал от меня свою работу, как будто писал секретные сообщения союзникам во время войны. Кроме того, то, что я мог рассказать людям из района, что я работаю в верхней части города в Студии Джоуи Дрю, честно говоря, тоже было довольно здорово. Они были впечатлены. Они завидовали.

И люди, с которыми я познакомился на работе, тоже были довольно хорошими. Большинство из них. Мисс Ламберт, которая руководила Художественным Отделом, была немного суровой и иногда расстраивала меня, говоря мне сесть за стол и перестать слоняться всё время. Она также носила мужские костюмы, которые я нашёл интересными и определённо вдохновляющими для какого-нибудь персонажа, которого, я подумал, создам. Когда-нибудь. Когда она наконец разрешит мне рисовать. Но это не могло произойти очень скоро. Я хотел учиться, я хотел быть частью группы. Здесь была и остальная часть команды. Ричи, Дэйв и Джейкоб, с которыми я познакомился в первый день. Они были почти как та маленькая банда. Их столы стояли в ряд вдоль стены под тремя яркими лампами. Ричи и Джейкоб выглядели лет на двадцать и были полны энергии. Кожа Ричи была грубоватой и от него всегда несло сигаретным дымом. Кончики его пальцев даже были жёлтыми, что я узнал, когда он передал мне несколько новых набросков, с подозрением глядя поверх своих маленьких круглых очков. Его одежда всегда выглядела немного помятой, и с тех пор я стал чувствовать себя лучше, так как после случая с Сэмми у меня был только один комплект рубашки и брюк на моё имя. Не было даже пиджака.

Джейкоб, напротив, был щеголеватым модником с яркими галстуками и подходящими носками. Я даже не знал, что носки делали других цветов, кроме

чёрного и белого. Иногда он даже носил шляпу в помещении. Он казался вполне нормальным, хотя именно он дразнил меня больше всего. Похоже, он не мог забыть историю обо мне, покрытом чернилами. По крайней мере, когда он заговорил об этом, то улыбнулся. Оказалось, что он дразнил всех, так что я старался не принимать это близко к сердцу.

Дэйв был старше всех нас, а его кожа была тонкой и сухой, как лист бумаги. После того, как Дот объяснила, что произошло в студии после войны, мне стало интересно, как такой пожилой парень, как он, относился к выполнению приказов от женщины, если повяз в старых традициях и прочем. Но ему, похоже, было всё равно. Видимо, он ничего не делал, только рисовал и делал длинные обеденные перерывы. Он на самом деле ни с кем не разговаривал. Он сдавал свою работу вовремя и возвращался домой вовремя, за исключением тех случаев, когда в отделе наступал крайний срок.

Но поскольку моя работа была, как они это называли, посыльным, я познакомился с людьми за пределами моего отдела. Обычно я брал вещи у одного человека и передавал их другому. Было много координации, протекающей в здании, и я был тем, кто связывал всех вместе. Я чувствовал, что уже только это должно было принести мне немного больше уважения, но пока я определённо был на самой низкой ступени на лестнице. Так что я передавал сценарии из Сценарного Отдела в Художественный Отдел. Ноты из Музыкального Отдела в Лабораторию Анимации. Квитанции от каждого в Бухгалтерию, и счета из Бухгалтерии каждому. Я познакомился с секретарями. Я познакомился с боссами.

Я узнал, что «Сэмми» - это Сэмюэль Лоуренс, композитор, выигрывавший награды музыкант и руководитель Музыкального Отдела. Впервые видеть его не покрытым чернилами было странно. Угловатость его тела стала ещё более выраженной, поскольку не была скрыта под вязкими чернилами. Он был похож на птицу. Особенно когда сидел за дирижёрской стойкой во время репетиций. От скрипачки у меня до сих пор пробегали мурашки по коже.

Я познакомился с Норманом Полком, парнем, который привёл меня наверх во время отключения света, хотя у него не было никакого интереса знакомиться со мной. Он запустил проектор, что, как я узнал, делают, когда нужно синхронизировать звук с движущимся изображением. Так, в Музыкальной Комнате была проекционная будка, как я и заметил в тот раз. И ещё одна была в Студии Звукозаписи. Норман знал всех актёров и музыкантов, и, могу сказать, он смотрел, когда они выступали. Он смотрел позади мерцающего света проектора. Я не очень хорошо его знал, но несколько раз, когда мы общались, у меня возникало ощущение, что я ему не нравлюсь. Он называл меня «посыльным Дрю», что было неправдой. Но я также не знал, что с этим не так. Как будто он не любил мистера Дрю или что-то в этом роде. Чего я не понимал. Как можно не любить его?

Я встретил актрису только один раз за те первые несколько недель. Я придержал для неё дверь по пути в здание и был поражён тем, как непохожа она была на всех остальных в студии. Я имею в виду, она выглядела так, словно сошла с картины. В тот день, когда я придержал ей дверь, она была одета в светло-серую юбку и жакет с розовой блузкой под ним. На ней была маленькая шапочка с кружевной отделкой, закрывающая один глаз, но не полностью. Должен сказать, я никогда не понимал, почему она была актрисой озвучки. Она была так же хороша, как Джинджер Роджерс. С такими же платиново-светлыми волосами. Мы вместе оказались в лифте, и, скажу вам, она была очень мила. Сказала спасибо, когда я придержал решётку для неё и даже спросила, как меня зовут.

– Бадди. – Это было всё, что я мог сказать. Я даже не мог спросить, как зовут её.

– Ну, я Эллисон, забавно, правда? – сказала она с улыбкой, когда мы поднялись.

Мне не хотелось глазеть на неё, и я не понимал, почему «Эллисон» было забавно, поэтому я просто переминался с ноги на ногу на полу лифта.

– Потому что Элис. Эллисон. Элис. Похоже, видишь? – Могу сказать, что она смотрела на меня. Она хотела, чтобы я нашёл это забавным и умным. Давай, Бадди, давай...

– О! Ты озвучиваешь Элис Энджел! – громко сказал я, когда лифт остановился на моём этаже.

Эллисон засмеялась.

– Да! Ну, похоже, это твоя остановка. Приятно было познакомиться, Бадди. – Она протянула свою маленькую руку в перчатке, и я быстро взял её в свою потную руку, потряс один раз и практически вылетел из лифта в Художественный Отдел.

Не видел её с тех пор, и, честно говоря, это меня облегчило.

Я стал чаще видеться с Дот. После нашего странного приключения она решила, что мы друзья, и, хотя я до сих пор не совсем понимаю, почему она так решила, я тоже не возражал. Было приятно, когда она разыскивала меня за обедом. Или показывала новый сценарий, над которым она работала, и объясняла его, вместо того чтобы просто передать мне и проигнорировать меня, как это делали другие писатели. Может быть, это потому, что мы были почти одного возраста. Может быть, это потому, что, хоть она действительно писала и не была посыльным вроде меня, казалось, что она выполняла тяжёлую работу в Сценарном Отделе и была на самой низкой ступени, как и я. В основном она исправляла орфографию и грамматику, насколько я мог судить. Но во время обеда она сидела за моим столом в тёмном углу Художественного Отдела, пока трубы над головой кряхтели и скрипели, и рассказывала мне всё о разных историях с Бенди, которые она придумывала.

– У меня есть отличная история с Бенди в роли ковбоя, – сказала она, кусая бутерброд.

– Мне нравятся ковбои, – ответил я.

Может быть, это только её инстинктивная интуиция делала нас друзьями.

На самом деле, мне было всё равно. Было приятно иметь товарища.

Единственным человеком, которого я не видел, однако, ни разу за всё это время, был мистер Дрю. Я понимал, что он был занят. Он был ответственным за всё это. Я не ожидал, что он придёт и лично проверит меня. Или пригласит меня на обед. Или что-нибудь в этом роде. Но я думал, что может быть. Не знаю, может быть, он захочет хотя бы раз проследить за работой после того, как меня нанял. Может быть, я просто напридумывал себе всё это, но я правда думал, что нравлюсь ему.

– Это просто мистер Дрю, – сказала Дот.

Она убедила меня пойти после работы в бар через дорогу. Вниз по лестнице была небольшая забегаловка, где явно после работы зависало много людей. Здесь было полно мужчин и даже несколько женщин, столпившихся у стойки и сидевших за несколькими столиками у двери и в глубине помещения. Воздух был настолько густым от сигаретного дыма, что я сначала закашлялся. Дот было восемнадцать, поэтому она могла пить, и мне стало немного легче, когда она взяла корневое пиво. Это помогло мне не чувствовать себя каким-то ребёнком. Мы забрали наши напитки у бармена и нашли место у стены.

– Что значит, это «просто» мистер Дрю? – спросил я, почти крича из-за шума.

– Пропадает. Вот что он делает. Просто продолжай работать, это всё, что тебе нужно делать.

Я вздохнул, но знал, что Дот не могла этого услышать. Я наклонился, чтобы сказать ей на ухо.

– В этом то и дело - я не делаю ту работу, которую хочу. Мне нужно, чтобы он сказал мисс Ламберт разрешить мне рисовать.

Дот покачала головой и слегка улыбнулась мне.

– Тебе не нужно разрешение, Бадди, – крикнула она в ответ. – Просто делай это. Рисуй.

Я покачал головой.

– Нет. Нет, у меня нет времени. Я бегаю повсюду целый день. Ты это знаешь.

– Тогда делай это дома, нарисуй что-нибудь с Бенди. Покажи мисс Ламберт.

На чём? спросил я себя. *Чем?* Дот не понимала. Да, у меня был карандаш и клочок бумаги, но мне нужны были подходящие инструменты. Бумага в студии была плотной и свежей и впитывала чернила. Я не мог просто сдать то, что было нарисовано на задней части продуктового чека. Я не хотел в любом случае, не хотел, чтобы они видели, как мало мы тратимся на еду.

– Я... не могу...

Дот посмотрела на меня. Я уже начал привыкать к этому взгляду. Так что я просто отвернулся. Если бы она могла читать мои мысли, если бы она могла просто понять мою проблему, не заставляя меня говорить о ней, это было бы здорово.

И она так и сделала.

Не по-настоящему, конечно. Она просто знала способ, как узнать, что на самом деле думают люди, а не то, что, *по их словам*, они думают.

Она ничего не сказала. Она просто сунула руку в карман и протянула мне свой ключ.

– Возьми его. Теперь я буду держать его в своём столе, если он понадобится тебе снова.

Я не взял, просто уставился на него.

– Ты хочешь, чтобы я им воспользовался? – медленно произнёс я.

– Да.

– Чтобы...

– Найти себе нужные материалы, Бадди. Возьми себе немного бумаги и чернил. Я покачал головой.

– Это воровство.

– Это *заимствование*. В конце концов, ты делаешь это ради студии. В своё свободное время. И вообще, ты хочешь проявить немного инициативы. Вот что ты делаешь.

С одной стороны, она была права, это не казалось чем-то особенным. Я же не собирался брать вещи, а потом продавать их соседским ребятишкам или ещё что-нибудь. С другой стороны...

– Подумай об этом, – сказала она.

Я быстро сунул ключ в карман.

– Ты плохо на меня влияешь, – сказал я с лёгким смешком.

Дот, как обычно, пожала плечами.

– Может быть, это скорее прагматичное влияние. Они наняли тебя на работу. Так что делай свою работу.

Прагматичный. Тогда я не знал этого слова. Я прочитал о нём позже.

Прагматичный. Означает заниматься вещами «разумно». Не обращая внимание на эмоции. Делать выбор, потому что это практично. Не думаю, что я согласился бы с ней, что это было именно оно, но хотел бы.

– Я подумаю.

И я подумал.

Я думал об этом всю ночь, лёжа в постели рядом со своим костлявым дедом, ритмично свистящим через нос во время сна. Наверное, в какой-то момент я задремал, но мне казалось, что я провёл несколько часов без сна, думая. Думая о такой жизни с моей мамой, а теперь ещё и с дедом. Спящим здесь, в большой кровати. В большой комнате. В квартире, едва ли достаточно большой для одного человека, не говоря уже о семье. Все остальные семьи в моём доме живут с пятью или более людьми. Это была большая комната, которая раньше принадлежала моим родителям. До тех пор, пока папа не умер, а потом она стала принадлежать мне.

– Теперь ты довольно высокий, Бадди, – сказала мама. – Мне не нужно столько места.

Такой же высокий, каким был и он.

Я представил больше комнат. Представил квартиру, где не было плохо в жару и тебя не удушало изнутри. Представил, что у меня есть костюм. Я не мог носить папин. Я не мог надеть его. Я просто не мог.

У меня не появится больше комнат и костюм при работе посыльным. Я был слишком большой, чтобы работать доставщиком.

И в любом случае, в студии было столько бумаги и чернил, что она прямо-таки тонула в них. Как Сэмми. Покрытый чернилами. Текущими, вероятно, по настоящим трубам.

Проснувшись утром, я решил, что знаю, что делать. Дот была права. Это был прагматичный выбор.

Это был единственный выбор.

Кладовка с художественными принадлежностями находилась в конце коридора за моим столом, но я слишком боялся того, что меня поймают. Поэтому я выбрал единственное другое место, в котором, как я знал, были художественные принадлежности, независимо от того, одобрит это Сэмми или нет: кладовка с нотами в Музыкальном Отделе. У меня было преимущество. Быть посыльным означало, что люди привыкли, что я хожу по разным частям студии и делаю всё, что делаю. Я решил, что это сделает мою задачу довольно простой. Но я всё равно захотел подождать до обеда, когда я останусь один.

Что я и сделал.

Я подождал минут пять, убедившись, что никто внезапно не вернулся, потому что забыл свою шляпу или из-за чего-нибудь ещё. Затем я встал из-за стола и направился к Музыкальному Отделу, по извилистой дороге коридоров, к кладовке. Я оглянулся назад в коридор, а потом на путь в другую сторону, который вёл... ну, на самом деле, я не знал куда. Раньше я никогда не заходил дальше кладовки и думал, что в конце концов дорога приведёт меня в тупик. Впрочем, это место было очень похоже на лабиринт. Может быть, там было что-то ещё, глубоко в тених. Я улыбнулся, представив, что там был сфинкс или что-то такое, охраняющий секретный вход, проверяющий сотрудников и выбирающий, пропускать ли их.

Нет. Больше никаких воображений. Хватит, Бадди! Я быстро открыл дверь кладовки, вошёл внутрь и потянул за цепочку, чтобы включить свет. Я наклонился и взял небольшую стопку плотной, свежей белой бумаги. Разница в качестве между видами бумаги была удивительной. Я не очень задумывался об этом, пока не начал здесь работать. Затем я огляделся в поисках чернил. На полу стояла картонная коробка, и я осторожно открыл её. Вот они, маленькие стеклянные бутылочки, заполненные чёрным. Я осторожно вытащил одну из них. Мне всё ещё была нужна ручка. В то время, как я обыскивал узкие полки, я услышал голоса.

Я застыл на месте и прислушался. Можно было бы подумать, что с моими большими ушами у меня был хороший слух, но то, как сильно они торчали, никогда не имело значения. Но я мог сказать, по крайней мере, как и любой другой, что голоса доносились из тёмной части коридора, а не из Музыкального Отдела. Я

начинал беспокоиться. Меня не должны были обнаружить; если бы обнаружили, меня бы точно уволили. Мне нужна была эта работа, и я уже начинал сильно сожалеть о том, что делал.

Я проскользнул в кладовку и закрыл за собой дверь. Затем я дёрнул за цепочку, выключив свет, и застыл с рукой, полной бумаги, в кромешной темноте. Голоса стали громче, и теперь я мог слышать шаги. Они были почти прямо перед моей дверью, пока этот кто-то не остановился. Послышался звук потасовки.

– Не надо меня хватать, м-р Лоуренс, – произнёс строгий голос, который я не узнал.

– Тогда слушай меня, когда я с тобой разговариваю! – Это был определённо голос Сэмми, его я знал наверняка. Он был тише тех безумных криков, которые я слышал во время нашей первой встречи, но в нём была та же острота. Он всегда был немного злым.

– Я послушал, и я не верю вам, – сказал другой голос.

– Почему? – Он сказал это почти что писком.

– Я видел, как вы ошивались рядом с моим рабочим местом. Я видел вас у машины. В прошлую пятницу вы спросили моего работника, где мы держим чернила. Так что не говорите о своей невинности. Я иду к мистеру Дрю.

– Том, брось, зачем мне твои чернила? – спросил Сэмми.

Том... Я всё ещё не знал, кто это был.

– Я м-р Коннор, – холодно ответил Том.

– Почему я не могу называть тебя Томом?

– Потому что мы не друзья. И вы окажете мне уважение, которого я заслуживаю. – Затем была долгая пауза. Я не мог решить, хочу ли я, чтобы они вдвоём уже двинулись дальше по коридору или чтобы они оставались рядом, чтобы я мог услышать больше. Когда Сэмми ничего не ответил, Том добавил:

– В чём дело, м-р Лоуренс? Не привыкли уважать таких, как я?

– Что значит «таких, как ты»? – тон Сэмми сменился с гневного на угрожающий.

– Вы знаете, что это значит, – ответил Том.

Была долгая пауза.

– Отстань от меня, – сказал Сэмми. Я услышал, как он зашагал обратно по тёмной части коридора.

– Отстань от моих чернил! – крикнул ему вслед Том.

Внезапно я понял, что держу в руках маленькую чернильницу. Она казалась гораздо тяжелее, чем мгновение назад. Теперь я также понял, как громко моё дыхание звучало в маленьком замкнутом пространстве. Я понятия не имел, что чернила были так важны. И что они были так важны для Тома Коннора.

Того человека, которого я видел всего один раз, ожидающим мистера Дрю в первый день.

Том раздражённо вздохнул за моей дверью, и, наконец, я услышал, как его ботинки тоже застучали в направлении тёмного коридора. Я продолжал стоять, стараясь расслышать шаги. Понять, не возвращается ли кто-то из них. Но чём дольше я ждал, тем больше было шансов, что кто-то в конце концов придёт, и обед, скорее всего, в любом случае скоро закончится. Так что у меня не было выбора. Я осторожно открыл дверь.

Никого.

Я быстро обернулся и схватил первую попавшуюся многоразовую ручку. И потом я вышел оттуда, запер за собой дверь, бросился обратно к своему столу и спрятал принадлежности в мусорном ведре под ним. Какое-то время я сидел неподвижно, а затем глубоко выдохнул. Я был напуган сильнее, чем до всего этого. Конечно, воровство не было чем-то, чем я увлекался, но я правда не думал, что чернила имели такое большое значение. Такое значение, которое им придавал Том.

Я почувствовал ключ в кармане.

Я встал и направился к лифту, как вдруг он открылся, и с обеда вернулся Джейкоб.

– Привет, Бадди, – бросил он, проходя мимо, как будто в студии не происходило ничего странного.

Наверное, потому что он не знал.

Наверное, потому что я слишком много думал об этом.

Я спустился на этаж в Сценарный Отдел и, к счастью, нашёл Дот за её столом, её бутерброд был раскрыт, а голова так низко склонилась над бумагой, что её нос практически касался её.

Я не был уверен, правильно ли было прерывать её, но она решила за меня. Одним быстрым движением она вдруг села и посмотрела на меня.

– Воу, ты меня напугала, – сказал я, сделав шаг назад.

– Я напугала тебя? Это же ты подкрадывался ко мне, – деловито ответила Дот.

– Да, наверное.

– Что такое? – спросила она, пристально глядя на меня, словно пытаясь прочитать мои мысли.

– Я, э-э... – я посмотрел через плечо, но рядом никого не было. – Я хотел вернуть, ты знаешь.

Дот кивнула и открыла ящик стола. Я быстро бросил ключ внутрь, и она наклонилась, положив его между страницами книги. На обложке золотыми буквами было написано «*Полное Собрание Сочинений Сэра Артура Конана Дойля*».

– Спасибо.

Я просто стоял. Я не мог решить, стоит ли мне рассказать ей о том, что услышал.

– Так ты взял то, что тебе было нужно? – спросила она через мгновение.

– Да. – Я не знал, что сказать. Может быть, я просто паниковал из-за того, что был вором.

– О чём ты думаешь, Бадди? – спросила она, откидываясь на спинку стула.

Ладно, хорошо.

– Ты знаешь что-нибудь о человеке по имени Том Коннор? – тихо спросил я.

Дот на мгновение задумалась.

– Кажется, нет.

– Ну, я просто подслушал, как он и Сэмми говорили о чернилах.

– Чернилах?

– Да, звучало так, будто этот парень Том думал, что Сэмми крадёт чернила. –

Тогда я вспомнил кое-что ещё. – А ещё они говорили о машине.

– Машине? – Дот нахмурилась, глядя на меня. – О какой ещё машине?

– Я не знаю. Мне просто было интересно, потому что, ну, знаешь, я просто... – я перешёл на шёпот, хотя рядом никого не было. – Я просто украл немного чернил. И я боюсь, что они могут иметь более серьёзное значение, чем мы думали.

Дот покачала головой.

– Нет, это глупо.

Мне это не понравилось. Это не было глупо. Она бы так не думала, если бы услышала то, что услышал я.

– Я расследую это, – сказала она.

– Ты не обязана, я просто хотел узнать, знаешь ли об этом ты, – сказал я. Но я сказал это не слишком убедительно. Дот была действительно хороша в «расследовании» вещей, и я оценил бы любую помощь.

– Нет, я хочу. – Она мельком взглянула через моё плечо, и я обернулся. Майк, один из сценаристов, только что вышел из лифта. – Дай мне знать, что скажет Бухгалтерия, но это не что-то срочное, – громко сказала она, и я быстро понял, что сейчас мы притворяемся.

– Конечно.

Я развернулся и прошёл мимо Майка, который искоса взглянул на меня, снимая пиджак и садясь за стол. Он опустил край шляпы пониже, поставил стул, взял что-то, над чем он работал, и стал перечитывать.

Я вернулся в Художественный Отдел как раз тогда, когда меня собрались отправить на настоящее задание в Музыкальный Отдел. Последнее, что мне хотелось, это встретаться с Сэмми, но, к счастью, он в одиночестве сидел на табурете за дирижёрской стойкой, просматривая записи и что-то бормоча. Рядом с ним стояла полупустая бутылочка с чернилами.

Обычно я никогда не обращал особого внимания на что-то подобное, но тогда, ну, тогда я уставился на неё на мгновение. В удивлении.

Я встряхнул головой и быстро бросил папку, которую мне дали, в ящик у двери, и повернулся, чтобы уйти.

Может, мне стоит просто спросить. Может быть, есть способ спросить.

Я развернулся назад.

Бутылочка с чернилами теперь была пуста.

Как?

– Чего хотите, Художественный Отдел? – спросил Сэмми, внезапно посмотрев на меня.

– Ничего! Просто оставил для вас папку, – сказал я, быстро отходя назад.

– Превосходно, – ответил он, снова глядя на свою работу.

Я немедленно ушёл, чувствуя себя глубоко взволнованным. Он даже не сорвался на меня. Я привык к его непредсказуемости. Это было даже не то, что я привык слышать от него раньше. Могу поклясться, когда он повернулся ко мне лицом, в правом уголке его рта было немного чего-то чёрного.

8

Я пришёл домой так рано, что успел присоединиться к маме и деду на ужине.

– Рада тебя видеть, Бадди, – сказала мама, крепко обняв меня, после того как поставила передо мной тарелку.

– Спасибо. Как дела у м-ра Шварца? – я старался не кривляться, когда она взъерошивала мои волосы.

– О, он в порядке. Как дела в студии?

Я не думал, что м-р Шварц был «в порядке», но опять же, дела в студии тоже были не так уж хороши. Однако как-то так мы и разговаривали. Это было для нас обыденностью. Когда жизнь не легка, а дни длинные и трудные, на самом деле не хочется в это вникать. Так что, так и идёт разговор. И продолжается.

Тогда мы сидели в тишине. Без каких-то разговоров. Включая моего деда, который просто молча сидел, зачерпывая еду в рот.

Это было забавно.

Я ел так быстро, как только мог, а затем скрылся в своей комнате. Я должен был занять её быстрее, чем это сделает мой дед. Я сел на пол и положил рядом украденные бумагу и чернила. Затем я взял лист и положил его на подоконник. Он был не таким широким, как стол, но это была достаточно прочная поверхность, и я рисовал на нём с детства. Мне повезло, что окна были так низко, как и всегда. И что моё тело было таким длинным, как и всегда.

Время рисовать.

Да.

Дот, ты очень хорошо знаешь, каково это смотреть на чистый лист. Я знаю, что писатели испытывают то же чувство. Ощущается захватывающе, но по прошествии секунд, минут, всё начинается разворачиваться наоборот. Всё начинает ощущаться плохо. Ты начинаешь беспокоиться и чувствуешь, как будто бумага смеётся над тобой.

Не всегда. Но, кажется, это происходит именно тогда, когда тебе действительно нужно что-то нарисовать. Это ощущение давления.

Не весёлое ощущение.

Я размял шею и убрал волосы со лба. Они остались стоять прямо, так как были покрыты потом. Я был готов, чтобы это лето закончилось. Я расстегнул пуговицы и остался сидеть в майке. Так было прохладнее. Немного. Совсем немного.

Просто начни рисовать. Нарисуй что-нибудь.

Ковбой Бенди.

Она возникла в моей голове просто вот так. Идея Дот. Что ж, для работы ей определённо нужны были рисунки. И мне нравились ковбои.

Я мысленно улыбнулся и начал рисовать. Это был мой первый раз, когда я пытался рисовать Бенди, и меня удивило, насколько труднее это было, чем я думал. Он выглядел очень просто. Круглая голова, два глаза, рот. Даже нет носа, с которым нужно возиться. Носы могут быть непростыми.

Но почему-то он всё время выходил немного кривым.

Я остановился. И попробовал другую тактику. Я начал рисовать лошадь, на которой, как мне хотелось, он ехал.

Это тоже было нелегко. Тело почему-то выглядело приземистым и толстым, как у осла или толстой собаки. Ноги тоже были слишком широкими. И голова. Мне даже не хотелось думать, как на самом деле будет выглядеть такая голова у настоящей лошади.

Я попробовал ещё раз. На этот раз пропорции были немного лучше. Я остановился и посмотрел на свою работу. Три неуклюжих Бенди и два вида лошадей.

Она не была плохой. Она не... была хорошей тоже.

А затем её уже не было передо мной.

Бумага ускользнула вверх от меня, и я резко обернулся и посмотрел на деда, стоящего надо мной. Я понятия не имел, что он делает, и всё же по какой-то причине я ничего не сказал. Я просто наблюдал за ним и заметил, что даже в такой день, как сегодня, он был в той же рубашке с длинными рукавами и плотно застёгнутыми манжетами, брюках и подтяжках, носках и обуви. Я понятия не имел, как он не плавился от жары.

Он сосредоточенно смотрел на бумагу.

Он посмотрел на меня. Затем он указал на меня.

– Ты? – спросил он.

– Это для моей работы, – сказал я. Понимал ли он такие слова, как «работа»? Понимал ли он что-нибудь? Даже там, где он говорил на своём родном языке? Я уже начинал думать, что, возможно, люди в Польше считали его таким же странным, как и я.

– Езда? – спросил он и указал на бумагу.

– Да, – ответил я, кивая.

Он улыбнулся.

– Ковбой.

В тот момент я не задумался о том, что мой дед знает, что такое ковбой. Мне даже не пришло в голову спросить, откуда он это знает. Мне было слишком жарко, и я был слишком недоволен. Я вздохнул. *Да, дед, ковбой. Можно отдать мне мою бумагу? Пожалуйста?*

Он положил её на комод рядом со мной и наклонился, внимательно разглядывая. Он пошевелил пальцами, как будто хватая что-то, но не посмотрел на меня. Я не понимал, что он делает. У меня не было на это времени.

– Дай, дай, – сказал он, всё ещё шевеля пальцами. Наконец я понял – он хотел ручку. Он хотел рисовать. Для меня это была не просто какая-то игра, но он относился к этому так, словно я был маленьким ребёнком, занимающимся каким-то хобби. Мне это совсем не понравилось. Но он не остановится. Я знал это.

Я дал ему ручку.

Он улыбнулся.

– Дай. – Он приподнял брови, глядя на меня. Затем посмотрел вниз.

Я снова вздохнул и протянул ему свежий лист бумаги.

– А! – сказал он. Он начал рисовать на странице, в то время как я прислонился к стене. Это было нелепо. Я посмотрел в пыльное окно. Миссис Билски развешивала бельё на другой стороне улицы. Её кошка пыталась играть с простынями, когда те болтались. Никогда не любил кошек.

– Ковбой, – сказал мой дед. Он улыбался мне и показывал на бумагу.

Я кивнул.

Он постучал пальцем по бумаге.

Так что с тяжёлым вздохом я заставил себя встать и посмотрел на неё.

И посмотрел.

И уставился.

Я повернулся обратно к деду. Он выходил из комнаты. Просто уходил, как будто ничего не произошло. Как будто ему не удалось нарисовать идеальную лошадь. И идеального Бенди. Просто так. Меньше чем за минуту.

Я схватил бумагу и тут же последовал за ним в коридор.

– Дед! – Я свернул на кухню. Он уже сидел и смотрел на меня так, словно я сошёл с ума. Как же изменилась ситуация.

– Бадди? – Мама стояла у раковины и тоже смотрела на меня.

Я проигнорировал её.

– Как? Как ты это сделал? – спросил я его, указывая на бумагу.

– Как? – в растерянности спросил он меня.

– Как! – Я как-то прокричал это, что заставило его странным образом вздрогнуть, и я не хотел пугать его, но я был действительно полон энергии. Он низко сгорбился в своём кресле, как будто его хрупкое старое тело увядало и, казалось, почти что исчезло в нём, но даже больше того.

– Бадди, пожалуйста, – сказала мама, её голос был полон предупреждения.

– Извини, – сказал я, садясь рядом с ним. – Это просто... это... хорошо. Это правда хорошо.

Он осторожно посмотрел на меня и на мгновение задумался.

– Ты рисуешь ковбоя?

– Я не могу.

– Ты можешь.

Я засмеялся таким смехом, который на самом деле смехом не был. Это было больше похоже на разочарованный вздох.

– Я правда не могу, дед.

Он протянул руку и нежно взял мою ладонь в свою. Она была тёплой и мягкой. Он внимательно посмотрел на мои пальцы, на чернильные пятна.

– Ты можешь.

Я покачал головой. Жара уже добралась до меня, и я чувствовал себя перегруженным и очень усталым. И злым на самого себя. Это была единственная вещь, которой мне хотелось заниматься, и я даже не могу её сделать.

– Я научу, – сказал он.

– Нет. – Я медленно встал. – Нет, всё нормально.

Какой был смысл?

Я направился к двери.

– Куда ты идёшь? – спросила мама.

– Не знаю, – ответил я. Этот вопрос ещё глубже засел мне в голову. Куда я иду? Что я вообще делаю?

Я вышел на улицу, но воздух был несвежим. Я пошёл на восток к реке. Мне нужно было почувствовать дуновение ветра на лице, мне нужно было не чувствовать себя полностью задохнувшимся. Я набрал скорость и вскоре обнаружил, что бегу. Убегаю? Бегу навстречу чему-то?

Река встретила меня, и я снова смог дышать.

По крайней мере, в тот момент.

* * *

На следующий день я сидел в своём тёмном уголке, и это был первый раз, когда я на самом деле не возражал находиться так далеко от остальной команды. Я вытащил из кармана рисунок ковбоя Бенди и положил его на стол, как можно лучше разглаживая руками. Дело было не только в том, что мой дед нарисовал идеальную лошадь. Это было нечто большее. Это было выражение лица Бенди, уверенное и гордое. Это была не просто деланная улыбка, которую я видел на больших рекламных картонках, хранящихся по всей студии. Здесь была личность, даже учитывая то, что работы с ней проделали очень мало. Только глаза и рот. Было также ощущение движения, как

будто они ехали с большой скоростью. И была комедийная часть с его лассо, которое запуталось вокруг кактуса.

Он сделал очень многое с очень малым. Я не знал как. Мне нужно было выяснить это. Чтобы я мог произвести впечатление на мистера Дрю.

– Что это? – спросил голос за моим плечом.

Я поднял голову. Это был Джейкоб. Он наклонился и уставился на рисунок.

– Эй, мак, неплохо. – Он улыбнулся мне и встал.

– Спасибо, – сказал я. Я знал, что должен объяснить ему, что это сделал не я. Но это был первый раз, когда в этом месте кто-то на самом деле сказал мне приятную вещь. Он кивнул, но не ушёл, поэтому я почувствовал, что должен сказать что-то ещё. – Я нарисовал это прошлой ночью.

– Ловко, – сказал он.

– Это хорошо? – спросил я.

Джейкоб улыбнулся.

– Определённо. – Он обернулся. – Эй, мисс Ламберт!

– Нет, не надо, – сказал я, но было уже слишком поздно. Она подняла взгляд от своего стола в другой части комнаты, расправила свои длинные ноги, встала и подошла к нам в очень остро отглаженных брюках.

– Что такое? – спросила она. Линия между её бровями казалась особенно глубокой.

– Посмотрите, что наш посыльный сделал прошлой ночью, – сказал Джейкоб, указывая на рисунок.

Я попытался расслабленно улыбнуться, когда Джейкоб отошёл в сторону и дал ей заглянуть мне через плечо. Но я начал немного паниковать. Что, если они заставят меня воссоздать его или ещё что-то?

– Выглядит сносно, – сказала мисс Ламберт, одобрительно нахмурившись.

– Я сделал это прошлой ночью, – сказал я, чувствуя некоторое облегчение, но не в состоянии сказать что-то большее.

– Ты был здесь? – Она озадаченно посмотрела на меня. – Я же здесь была.

– Нет, – сказал я, подбирая слова. – Нет, дома. В моё свободное время. – Звучало хорошо, верно? Звучало так, как слова кого-то, кто много работал. Даже в свободное время я выполнял работу.

Мисс Ламберт на мгновение замерла. Затем она наклонилась и взяла рисунок. Но она не смотрела на рисунок, она смотрела на бумагу, ощупывая её большим и указательным пальцами.

– Скажи правду, Бадди. Где ты взял бумагу и чернила?

О. Точно. Правда. Правда в том, что...

Затем наступило долгое молчание, пока я пытался понять, в чём же заключается правда.

– Понятно. Бадди, сейчас у нас мало материалов, и ты знаешь, как и все здесь, что с деньгами туго. Мы не бейсбольная команда. – Она вернула рисунок мне.

– Бейсбольная команда? – спросил я. Я заметил, что Джейкоб уже не стоит рядом со мной, а медленно возвращается к своему столу.

– Здесь не бывает трёх страйков.

Я всё ещё не понимал.

– Мне жаль, Бадди, но это неприемлемо. Воровство запрещено, и мистер Дрю очень строг с этим. Так нельзя, Бадди.

Верно, хорошо. Я понял, я понял. Я бы не стал делать так снова.

– Я больше не буду.

Мисс Ламберт покачала головой и уставилась на трубы, проходящие по потолку над моей головой.

– Извини, Бадди. Я должна отвести тебя к мистеру Дрю.

Мои внутренности будто вылетели из моего тела. Я почти услышал это в своём воображении, как что-то шлёпнулось на пол с хлопанием.

Всё, что я чувствовал, это пустоту от того, как это было несправедливо. Это были просто бумага и чернила. Но да, я не мог позволить себе бумагу и чернила. Они имели цену. И, очевидно, гораздо большую цену, чем я думал.

– Давай. – Мисс Ламберт жестом попросила меня встать. Я встал и последовал за ней к лифту. Я чувствовал, как, чтобы посмотреть, поворачиваются головы, но я не оглядывался. Я был слишком растерян.

Мы тихо стояли в лифте, пока он, пыхтя, поднимался на верхний этаж.

– И... извините, – сказал я. Я понял, что до сих пор не сказал этого. Я имел это в виду, но, может быть, это имело значение и для меня?

– Я знаю. Это тяжело. Вещи не такие, как обычно. Мы должны защищать каждый доллар. Но даже более того, мы должны иметь доверие.

Я кивнул. Не то чтобы я не замечал, что определённо присутствовала какая-то скупость. Если и было что-то, что я понимал, так вот это. Для того, чтобы что-то написать, вытаскивали бумагу из корзины для бумаг, на всю студию был только один уборщик, все эти пустые офисы и пыльные углы. Да, я это замечал. Но я всё ещё этого не понимал. До этого момента.

Мисс Ламберт отодвинула решётку в сторону, когда мы прибыли к офису мистера Дрю, и выпустила меня первым. Мы подошли к мисс Родригес, сидящей за своим столом, и печатающей на машинке с такой быстрой скоростью, с какой она печатала, когда я увидел её в первый раз, когда встретился с мистером Дрю.

Единственный раз, когда я встретился с мистером Дрю.

– У мистера Дрю найдётся для нас время? – спросила мисс Ламберт.

Мисс Родригес подняла голову, но не перестала печатать. Я был бы впечатлён, если бы не чувствовал себя так низко.

– Пять минут, – сказала она. И не прекратив печатать или встав или ещё что-нибудь, она очень громко крикнула:

– Мисс Ламберт здесь с новым посыльным!

– С новым кем? – отозвался мистер Дрю своим грубоватым голосом.

– С парнем. – Она оглянулась, осмотрев меня с ног до головы. Я инстинктивно поплотнее заправил рубашку в брюки, расправил плечи.

– С каким парнем? Неважно, пошлите их сюда! – снова отозвался мистер Дрю.

Мисс Родригес кивнула головой в сторону двери и снова опустила взгляд вниз к машинке. Я взглянул на мисс Ламберт, которая, похоже, не нашла ничего странного, подошла к двери и открыла её.

– Мистер Дрю, нам надо поговорить, – сказала она.

– Конечно, конечно, заходите, – услышал я ответ мистера Дрю. Мисс Ламберт повернулась ко мне и одарила таким взглядом, который, я точно понял, означал, что я должен следовать за ней.

Что я и сделал.

И мы вошли в офис мистера Дрю.

Он сидел за своим большим столом, заваленным кипой бумаг. Всё казалось ещё более беспорядочным, чем в первый раз, когда я увидел офис, если это было возможно. На этот раз шторы на окнах были опущены, теперь не открывалось вида на Бродвей. От этого комната казалась меньше, теснее и неудобнее.

Или, может быть, это было потому, что я чувствовал себя неудобно.

– Что такое? – сказал он, не поднимая взгляд, вместо этого сосредоточившись на листе бумаги перед собой.

Это был первый раз, когда я видел этого человека с тех пор, как он меня нанял. С тех пор, как я принёс ему его костюм. А теперь меня вот-вот уволят. Что будет потом? Может быть, м-р Шварц возьмёт меня обратно? Я так не думаю. Мама будет очень разочарована во мне.

– Простите, мистер Дрю, но этот новый парень, нанятый вами, был пойман на воровстве, – сказала мисс Ламберт.

– Воровстве? – Он наконец поднял глаза. Он уставился на меня. – Парень! – сказал он, указывая на меня, вспомнив, что я существую. От этого я не почувствовал себя плохо, будучи забытым. Нет, совсем нет.

– Да, сэр, Бадди Левек. К сожалению, его поймали на воровстве и в соответствии с правилами... ну, я привела его к вам, чтобы разобраться с этим. – Её голос звучал устало, словно это было последнее, что она хотела делать прямо сейчас. Я не винил её.

– А, – сказал мистер Дрю. – Верно, что ж, Бадди, что ты можешь сказать в своё оправдание? – Он нахмурился, глядя на меня, и его густые брови сошлись на середине его носа, словно чтобы поговорить наедине. Я представил себе глаза на них, и линии, где были их собственные нахмуренные брови.

Мисс Ламберт слегка подтолкнула меня.

– Ну же.

Я оглянулся на неё. Она не выглядела такой уж злой, она просто должна была это сделать.

– Я хотел рисовать, – сказал я, поворачиваясь к мистеру Дрю.

Мисс Ламберт тяжело вздохнула позади меня.

– Он украл принадлежности и забрал их с собой домой. Вы знаете, что мы не можем позволить...

– Пожалуйста, мисс Ламберт. Скажите мне, что я могу и не могу позволить, почему бы вам не сказать? – Мистер Дрю скрестил руки на груди.

Я снова оглянулся на мисс Ламберт и увидел, как она немного брызнула. Она хотела что-то сказать, но остановилась.

– Я лишь следовала вашим указаниям, сэр, – сказала она сквозь зубы.

Мистер Дрю кивнул.

– Я понимаю, мисс Ламберт. Я понимаю. И мы не можем допустить, чтобы команда просто забирала вещи. За материалами нужно следить. И, конечно, тот факт, что он попал в запертую кладовку... – Он внимательно посмотрел на меня. Мне это не понравилось. На мгновение я подумал, что, может быть, он был на моей стороне. Теперь я понятия не имел, о чём он думал. – Возвращайтесь к работе, мисс Ламберт. Позвольте мне поговорить здесь с нашим посыльным.

– Да, мистер Дрю. – С этими словами она повернулась и вышла из офиса, стуча каблуками, пока не наступила жуткая тишина.

Мистер Дрю не двигался. Он ничего не говорил. Он просто продолжал смотреть на меня так, как смотрел на меня раньше.

– Бадди, верно? – наконец сказал он.

– Да, сэр.

Ещё мгновение он был неподвижен.

И затем.

– Хорошо, давай посмотрим.

– Посмотрим что?

– Ты хотел рисовать, так что давай посмотрим. Давай посмотрим на конечный результат.

У меня не было конечного результата. Всё, что у меня было, это рисунок моего деда в заднем кармане.

Я потянулся назад и вытащил его, положив в уже протянутую руку мистера Дрю. Он развернул его и посмотрел. Он поднял взгляд на меня.

– Закрой дверь, Бадди.

Я закрыл дверь.

– Сядь.

Я сел.

– Есть вещи, которые я должен говорить и делать как босс. Но дело в том, парень, что я никогда не планировал быть чьим-то боссом. Я был просто человеком с мечтой. Я был просто человеком, который знал, чего хочет, и сделал один шаг, потом другой, и вскоре я уже танцевал, понимаешь?

На самом деле, нет.

– Да, – сказал я.

– Я должен сказать тебе, что воровать нехорошо, и поверь мне, мне не нравится, когда люди крадут у меня. Но разве это воровство? – Он поднял рисунок.

– Я...

– Воровство - это если бы ты что-то забрал у меня. Если бы ты был кем-то, кто утверждает, что что-то принадлежит ему, когда это моё. Я не очень терпим к тем, кто что-то у меня отнимает. Я не думаю, что терпим и любой другой. Но когда ты делаешь что-то для большего блага? Когда ты создаёшь и делаешь вещи, и делаешь этот дополнительный шаг на танцполе... это не воровство. Знаешь, как мы это называем? – Он выжидательно посмотрел на меня. Но опять же, я понятия не имел, что ему сказать.

– Нет, сэр.

– Мы называем это амбициями. – мистер Дрю наконец улыбнулся и откинулся на спинку кресла. Я не был уверен, как или почему, но тогда я понял, что, по крайней мере, у меня не будет проблем. Я понял, что по какой-то причине меня на самом деле хвалят.

Мистер Дрю снова посмотрел на рисунок.

– Это хорошо, Бадди, очень хорошо. Я знал, что у тебя есть навыки, но я не знал, что у тебя есть амбиции. Ты был нетерпелив. Я понимаю это. Я был нетерпелив всю свою жизнь. Ты знал, чего хотел, и ты сделал это. Я понимаю и это тоже. Для общего блага.

– Для общего блага, – повторил я. Эта история, которую он выдумал обо мне, была отчасти ложью. Я не был настолько опытным. Я не мог так рисовать. На мгновение я почувствовал себя виноватым, пока не понял, что то, что произвело впечатление на мистера Дрю, на самом деле тоже было ложью. Он просто не знал этого. Показав ему рисунок, который сделал мой дед, я сохранил себе работу. Это было для общего блага.

– Ты мне нравишься, Бадди. Извини, что я обычно не бываю рядом, я работаю над проектом. Он... каверзный. Не всё работает с первой попытки, понимаешь?

Это я определённо понимал.

– Да, сэр.

– Было много поздних ночей, встреч и инвестиций в технологии, которые, признаю, я не совсем понимаю. Поверь мне, когда я впервые увидел фильм, я подумал, что это магия. Так у меня и с новыми изобретениями. Это всё магия для

меня. – Он вздохнул. Затем, словно решив что-то, встал. – Так что не думай, что моё отсутствие вызвано тем, что ты мне не нравишься, Бадди.

– Я так не думаю, сэ.р. – Я не упомянул, как он, казалось, на мгновение ранее полностью забыл, кем я был. Возможно, потому что мне не хотелось об этом думать. Я хотел верить ему.

– Хорошо. Пошли со мной. Я хочу тебе кое-что показать.

Я встал и последовал за ним к двери. Я думал, что мы направляемся к лифту, но он свернул в коридор мимо стола мисс Родригес. Я последовал за ним к небольшой кладовке для хранения вещей, которую он с улыбкой открыл, и потянул за цепочку от тусклой пыльной лампочки на потолке. Здесь были пара банок супа с беконом на полке сбоку и картонка Элис Энджел. У задней стены громоздилась куча коробок, сложенных доверху, и мистер Дрю стал убирать их в сторону.

– Поможешь мне, Бадди? – сказал он, передавая мне коробку. Она была большой, но лёгкой. Как будто была пустой. Я положил её в сторону и взял следующую, и следующую, и тогда я заметил дыру позади них. Когда мы убрали последнюю коробку, мистер Дрю повернулся ко мне, приложив палец к губам, и жестом попросил следовать за ним. Он вошёл в дыру и исчез в темноте по ту сторону.

Признаюсь, я подошёл к ней осторожно и с некоторым беспокойством. Наверное, мне следовало просто довериться ему, но это всё было как-то странно. Просто случайно передвинуть несколько коробок в кладовке, а затем пройти в гигантскую дыру в стене. И, подойдя ближе, я услышал странные звуки с другой стороны. Они звучали глухо и отдавались эхом. Голоса?

Но я не мог просто стоять и ничего не делать. Я подумал о Дот. Я подумал обо всём, что уже сделал. Я могу сделать это. Сверх случая, когда твой босс говорит тебе сделать что-то...

Я шагнул в дыру и оказался на маленькой, кованой железной площадке, похожей на пожарную лестницу. Я посмотрел под ноги. Пол был далеко внизу, в темноте. Я видел под собой тени мягко раскачивающихся верёвок.

Впереди был мостик и яркий свет вдалеке. Мистер Дрю взглянул на меня, и я последовал за ним, держась за перила с обеих сторон и не смотря вниз. У меня на самом деле не было боязни высоты, но, может быть, всё-таки *чуть-чуть* было. Голоса, которые я слышал, стали громче, и я понял, что они доносятся до нас снизу, но я всё равно продолжал смотреть прямо вперёд на спину мистера Дрю и на то, что было вокруг нас. Теперь было много верёвок и тросов. Рядом с нами тянулся тёмный занавес.

Мы остановились.

– Они закрываются на следующих выходных, – тихо сказал он и посмотрел вниз. Так что я, наконец, тоже снова посмотрел вниз. И вот тогда я понял.

Мы стояли над сценой. Я посмотрел вниз сквозь освещающие фонари на сцену. Далеко под нами, примерно в пятнадцати метрах, я увидел двух актёров,

расхаживающих между декорациями, которые были созданы под вид шикарной гостиной. Это выглядело здорово, потому что там, где мы стояли, можно было видеть верхнюю часть задней стенки декораций, так что было видно обе стороны: переднюю часть, покрытую причудливыми обоями, с вырезанным в ней большим окном, и заднюю часть из простой фанеры с деревянными опорами, подпирающими установку. Актёры находились под очень ярким светом, который резко контрастировал с темнотой на другой стороне. В тени на ящиках из-под яблок сидели два рабочих сцены, одетые в чёрное и почти ничего не делающие.

– Мне нравится так смотреть на них, – сказал мистер Дрю.

– Да, это здорово, – ответил я тем же тихим голосом.

– О, это больше чем «здорово», Бадди, – ответил он.

– Да?

Мистер Дрю облокотился на перила мостика, всё ещё глядя вниз сквозь запутанный лабиринт тросов и верёвок.

– У них есть свои роли, которые надо играть. Они делают так каждое шоу.

Каждое, что они делают на сцене, повторяется. – В этот момент зрители рассмеялись, приглушённо махнув рукой в сторону короткого занавеса перед нами. – Ты слышал это?

Конечно, я слышал.

– Да.

– Зрители каждый раз смеются в этой части. Они под влиянием. Они не знают, что будут смеяться именно в этот момент в спектакле, но они будут. Это их судьба. – Настала очередь мистера Дрю смеяться.

Было интересно слушать, что он говорил. Это была правда. И другой способ мышления. Запутанный способ, к которому я на самом деле не привык.

– Кто всё контролирует? – спросил он меня, впервые повернувшись, чтобы взглянуть на меня. Я посмотрел на него. Он был в тени, и выражение его лица было трудно прочесть. Я не был уверен, следует ли отвечать на этот вопрос, но попытался ответить как можно лучше.

– Актёры? – спросил я.

Мистер Дрю покачал головой и снова посмотрел вниз.

– Не актёры, Бадди. Им нужно говорить, что делать. Помнишь?

Я вспомнил.

– Ладно, эм. Тогда, наверное, человек, который говорит им?

– Постановщик, – сказал мистер Дрю.

– Да, постановщик.

Мы ещё немного понаблюдали за актёрами. Один из них упал на тахту, не расплескав свой напиток, а затем вдруг под ним открылся люк, и он исчез под сценой. Зрители смеялись и аплодировали.

– Радость. Веселье. Удовольствие. Всё это скоординировано и тщательно спланировано. Все это знают, и все работают вместе. Это работает, потому что они доверяют видению.

Я кивнул.

– Ты знаешь, что это? – спросил он меня.

– Что, «видение»? – ответил я.

– Да.

– Конечно.

– Что это?

Я посмотрел на него, и он пристально смотрел на меня.

– О, э-э, это иметь мечту, наверное. Хотеть чего-то и видеть это так, как будто оно реально. Как когда люди говорят о видениях, которые у них были, иногда о религиозных или иногда о тех случаях, когда они больны, и поэтому видят вещи, и... – я остановился, потому что, могу сказать, я бредил. Я знал, что никому не нравится моя болтовня.

– Продолжай.

– Но, э-э, то, как об этом говорите вы, звучит, как видеть что-то в своём воображении и хотеть, чтобы это произошло.

Мистер Дрю улыбнулся и щёлкнул пальцами.

– Именно. Воплощать свою мечту в реальность.

– Мечты оживают, – машинально сказал я. Я видел это на плакате с Бенди достаточно раз.

– Так и есть, Бадди. Так и есть. – Он снова посмотрел на сцену, и я взглянул тоже. – Но они не сбываются без работы. И амбиций. Ты должен бороться за свои мечты. Усердно бороться.

Теперь я не мог понять, говорил ли мистер Дрю сам с собой или нет. Но затем он совсем перестал говорить, поэтому мне не пришлось беспокоиться о том, что это было. Поначалу его молчание заставляло меня чувствовать себя неловко, но я привык к нему и стал получать удовольствие от того, что мне довелось побольше посмотреть спектакль. Я не знал, что происходит, или кем притворялись актёры, и даже почему зрители смеялись. Но было что-то по-настоящему захватывающее в наблюдении с этого ракурса. Оно также заставило меня испытать то пустое чувство, то, когда я понял, что упускал что-то, о чём я не знал, что упускал.

Я никогда не видел спектаклей. Я всегда думал, что огней на Бродвее и Таймс-Сквере было достаточно. Что-то вроде картины, наверное. Но и внутри зданий была магия. Я никогда не об этом не задумывался. До этого момента.

Внезапно всё моё тело дёрнулось вперёд, руки потеряли хватку на перекладине, а ноги выскользнули из-под меня. Я подумал, что сейчас упаду на сцену. Треснувшись головой об один из фонарей, приземлюсь на землю, скрутив под собой ноги. Это была такая яркая мысль, что на мгновение мне показалось, что это

произошло. Я закричал от страха и боли, которых на самом деле не чувствовал, а затем мир снова оказался в фокусе, и я понял, что всё ещё нахожусь на мостике. Мистер Дрю смеялся, очень сильно. Тут я заметил, что его рука сжимала мою рубашку сзади. Держала меня.

Я посмотрел вниз. Актёры смотрели на меня снизу вверх. Или, по крайней мере, в темноту. Магия прекратилась. Всё закончилось. На тот момент.

– Прости, Бадди, ужасная шутка. Я не должен был этого делать. Но теперь ты понимаешь, что я имею в виду? – спросил мистер Дрю, протягивая мне другую руку и помогая встать.

– Что? – спросил я. Я запыхался, хотя никуда не ходил. Я всё ещё пытался понять суть шутки.

– Когда все работают вместе, всё идёт гладко. Когда один человек этого не делает, всё останавливается.

– Вы меня толкнули? – спросил я.

– Не-а. Я тебя немного подёргал, всё в шутку, Бадди. Как инициация.

Понимаешь?

Я не понял, но мне стало легче от того, что это была шутка и он не подверг меня опасности, хотя мне показалось, что подверг. Теперь, когда я успокоился, это было даже забавно. Я представил, что, наверное, выглядел довольно глупо, думая, что вот-вот упаду замертво и так крича. В то время как был в безопасности.

Очень глупо.

– Я купил этот театр, – сказал он.

– Вы сделали что?

– Это. Всё это моё. – Он сделал жест рукой по тёмному пространству.

– Это впечатляет, – это было всё, что я мог сказать.

Он кивнул и сделал шаг ко мне.

– Это всё ещё секрет, так что никому не говори. Мне нужно кое-что выяснить, но всё меняется, Бадди. Всё. – Он положил руку мне на плечо и пристально посмотрел на меня.

– Это хорошо, – сказал я, но я имел в виду это как вопрос.

Мистер Дрю улыбнулся и кивнул.

– О да, Бадди. Это очень хорошо.

9

Сначала я не мог поверить, что меня не уволили. Мисс Ламберт тоже не могла в это поверить, когда я вернулся вниз и сел за свой стол.

– Так, я не поняла, – сказала она, склонившись надо мной. – Похоже, ты ему нравишься, да?

Я кивнул.

Она тоже кивнула.

– Ладно, хорошо, я всё поняла. И ты можешь пользоваться доверием мистера Дрю, но тебе потребуется время, чтобы заслужить моё, – сказала она, хлопнув в ладоши.

Я снова кивнул.

– Итак, – сказала она. – Проведай Сценарный Отдел и узнай, есть ли у них новый сценарий.

Я мгновенно вскочил на ноги, готовый показать, что вера мистера Дрю в меня не была напрасной. Готовый показать мисс Ламберт, что я не тот, с кем у неё могут быть проблемы.

– Понял, – сказал я. Я сразу же направился к лифту.

– Бадди! – крикнула она мне вслед.

– Да?

– Продолжай работу над ковбоем Бенди, – сказала она. – Надеюсь, оно стоит всего этого. – Выражение её лица было таким же суровым, как всегда, и всё же, наконец, я получил своё первое задание по рисованию. Я был в ужасе от мысли, как мне удастся выполнить его хорошо, так как я даже не смог по-настоящему нарисовать его изначально, но я был так взволнован, что меня не уволили и дали разрешение рисовать, что не мог сдержать широкую улыбку.

– Да, мэм!

Остаток дня был потрачен на выполнение обязанностей посыльного, что меня совершенно не беспокоило, потому что я не мог на самом деле работать над ковбоем Бенди. Я был взволнован тем, что наконец-то получил возможность рисовать, делать больше, чем просто вот так везде бегать, но в то же время я не мог сделать того, что

сделал мой дед, и разве люди не заметят разницу в способностях, если я начну рисовать свои собственные вещи?

– Что ж, ты в трудном положении, – сказала Дот после того, как я всё это объяснил. Она сделала глоток корневого пива и откинулась на спинку сиденья. Я не хотел признаваться ей в этом, но она слышала, как меня чуть не уволили, и настояла, чтобы мы снова вместе пошли в бар, чтобы она могла передать мне свой сценарий о ковбое Бенди и услышать полную историю. Которую я ей рассказал. У меня не получалось ничего от неё скрыть.

– Да, – сказал я. – Мне нужно практиковаться, но я не думаю, что смогу спокойно провести ночь.

Дверь позади нас распахнулась, и я поднял глаза, заметив Джейкоба, Ричи и пару парней из Бухгалтерии, заходящих в бар. Я немного сгорбил плечи. На самом деле я не хотел, чтобы они меня видели. Я не знал почему. Может быть, я был немного запуган. Они исчезли в толпе возле стойки, и я посмотрел на Дот.

– Итак, я занялась тем парнем Томом, – сказала она.

– О! – Я и забыл, что спрашивал её об этом.

– Да, что ж, это очень интересно. Он работает в компании под названием «Gent». Кажется, он занимает в ней довольно высокую должность. Похоже, он работает напрямую с мистером Дрю над какой-то машиной.

– С мистером Дрю?

– Я не знаю, что это, даже не могу выяснить, где это. Но я буду продолжать расследовать.

– Что за машина?

Дот пожала плечами и сделала глоток.

– Может быть, более эффективный способ съёмки мультфильмов?

Я кивнул.

– Может быть.

– Вы только посмотрите, как эти двое уютно устроились! – Джейкоб внезапно сел рядом со мной, поставив своё пиво так, что пена соскользнула через край и выплеснулась на стол.

Дот закатила глаза.

– В такую жару мне не хотелось бы уютно устраиваться с кем-либо. Без обид, Бадди.

– Что правда, то правда, – ответил Джейкоб, снимая шляпу и вытирая пот со лба пёстрым платком. – Ну что, Бадди, – спросил он, – нравится работать в студии?

– Это интересно, – ответил я.

– Ну, скажу так: я рад, что тебя не уволили. И я рад, что ты сделал тот рисунок. Потому что иногда такое трудно заметить. Поверь мне, я знаю. Люди будут недооценивать тебя на каждом шагу, мак. – Он посмотрел на Дот. – Верно?

– Абсолютно. – Она кивнула.

– Если кто и знает, каково это, когда тебя игнорируют, так это женщина и чернокожий. Поверь нам. – Он поднёс свой стакан к Дот, и она чокнулась с ним своим. У неё это выглядело так игриво, как я когда-либо видел её. Но на самом деле это не было игриво в некотором смысле.

– У тебя есть девушка, Бадди? – спросил Джейкоб, сделав глоток.

– Нет, – ответил я.

– Серьёзно? У такого красивого парня, как ты?

– Я не слишком сосредоточен на этом прямо сейчас, – сказал я. Дело в том, что я вообще не сосредотачивался на этом. Конечно, в районе было несколько девушек, которые мне нравились, но у меня не было времени приглашать их на свидания - и денег не было тоже. А теперь с этой новой работой и всем остальным... Кроме того, мне было очень неудобно говорить об этом с работающими со мной людьми. С любимыми людьми.

– Знаешь, можно сосредоточиться сразу на нескольких вещах, – сказал Джейкоб.

– Я знаю, мне просто... нужно привести кое-какие вещи в порядок. – И я живу дома со своей мамой. И делю кровать со своим дедом. И мне нужно стать профессиональным художником за одну ночь.

– А как твоя личная жизнь? – спросил он, поворачиваясь к Дот.

Она ничего не сказала, только посмотрела на свой напиток.

– Выглядишь грустной, Красные Башмачки. Я сказал что-то не то?

Она слегка рассмеялась и посмотрела на него.

– Не называй меня так. И нет, просто я не встречаюсь с кем-либо. Я не готова.

– Не готова? – спросил я.

Дот тяжело вздохнула.

– Вы двое. Парни. Напористые, всегда задающие вопросы. Не люблю отвечать на них, но вы любите их задавать.

– Прости, – сказал я. В этот момент я потерял всю суть разговора. Я правда не знал, что я делал или должен был сказать.

– Да ладно, Дот, – сказал Джейкоб, подталкивая её локтем.

– Я сказала «нет», Джейкоб, – твёрдо сказала она, глядя на него сверху вниз.

– Ладно, ладно, я понимаю, меня не хотят видеть. – Он встал, взял своё пиво и сделал глоток. – Увидимся на страницах воскресных комиксов. – Он покачал головой, как будто мы оба были сумасшедшими, а затем проскользнул в толпу к столу с другими парнями.

Дот на мгновение посмотрела на меня, потом оперлась локтями на стол и слегка сгорбилась.

– Я не люблю говорить об этом.

– Я не виню тебя, – ответил я.

Она сделала ещё одну паузу, затем сделала глоток газировки. Она снова посмотрела на меня.

– Мой муж погиб на войне, – совершенно спокойно ответила она.

– Ты была замужем? – спросил я. Я знал, что суть не в этом. Я также знал, что не должен был так удивляться. Многие девушки в моём районе, те, с которыми я рос, уже обосновались и содержали дом. Но в Дот было что-то такое, что выглядело... ну, не так, как у них.

– Недолго. Мы стали встречаться в старших классах. Потом ему исполнилось восемнадцать, его призвали на службу. Мы поженились в здании суда как раз перед тем, как ему пришлось уйти. – Она медленно крутила остатки своей газировки по дну стакана. – Месяц спустя он умер. Ещё через месяц закончилась война.

Я не знал, что сказать. Я не знал, почему она делится этим со мной. Особенно после всего того, что она сказала о парнях, которые слишком напористые.

– Мой папа погиб на войне. Рано. В 42 году. – Это было всё, что я мог придумать, что сказать. Даже если я не хотел думать об этом изначально.

Тогда она посмотрела на меня и грустно улыбнулась.

– Мне жаль, Бадди.

– Мне тоже жаль. Если хочешь...

– Нет, я не хочу сейчас об этом говорить.

Я чувствовал себя очень неловко. Я не знал, как продолжить разговор, как будто всё было нормально. Я не знал, хотела ли этого Дот. Я не знал ничего. Как можно вот так просто сменить тему? Ты просто... меняешь её?

– Итак, что, ты думаешь, я должен делать? – спросил я, попытавшись.

Дот на мгновение посмотрела на меня.

– Ты имеешь в виду ковбоя Бенди?

Я кивнул, радуясь, что мы оказались на одной волне. Радуясь, что это сработало.

– Думаю, тебе просто нужно практиковаться. Наверное, тебе следует спросить своего деда, может ли он тебя научить.

– Я не могу, – сказал я, помотав головой и допивая Колу одним глотком.

– Почему?

– Он едва говорит по-английски.

– На каком языке он говорит?

– На польском.

Дот подумала об этом.

– Не думаю, что вам необходимо говорить на одном языке. То есть, всё было бы иначе, если бы речь шла о писательстве, но рисование... оно универсально. Разве он не может просто, ну, показать тебе?

Я пожал плечами. Я не знал. Возможно, и может. Но это была не самая большая проблема. Самой большой проблемой было то, что он вообще был здесь. Что он напугал меня, занял моё пространство, что мама даже не сказала мне, что он приедет. Что у нас теперь был ещё один, кого надо кормить. Что он злил меня. Трудно было просить об одолжении кого-то такого.

Но, может быть, она была права.

Может быть, не имело значения, как я к нему относился.

Придерживайся своего видения. Будь амбициозным. Мечты оживают.

Делай то, что должен.

– Я подумаю об этом. Он недавно приехал в Штаты и совсем запутался.

Возможно, он не сможет мне помочь, даже если я попрошу.

– Ты еврей, верно, Бадди? – спросила Дот.

Я почувствовал очень знакомую напряжённость внутри. Этот защитный щит раскрылся надо мной. Я немного выпрямился, но постарался, чтобы в моём голосе звучала небрежность.

– Да. Это проблема? – В голосе не звучала небрежность. В моём голосе звучала злость, и я знал это.

– Нет, конечно. – сказала Дот. – Просто ты сказал, что твой дед из Польши.

– Мы из Польши, – огрызнулся я в ответ. Очевидно, так оно и было.

Дот подняла руки.

– Не волнуйся. Прости. Я не хочу переходить на личности.

– Ну, я уже рассказал тебе, что мой папа умер, и что я еврей, но да, давай не будем переходить на личности. – Я не мог не злиться. Я просто знал, что она осуждает меня. Я знал это. Как хулиганы в школьном дворе, когда я был ребёнком. Как те же хулиганы, но уже выросшие. Обзывающие меня, пока я шёл по их району. Я ненавидел это.

Дот покачала головой.

– Я поняла. Прости. – Она толкнула от себя стакан через весь стол. – Я пойду. – Затем она встала, просто вот так. А потом развернулась и ушла.

Я чувствовал себя плохо. Защита исчезла, и я вскочил на ноги, погнавшись за ней наружу. Она уже прошла полквартиры, двигаясь так же быстро, как и обычно. Наконец я догнал её и схватил за плечо. Она резко обернулась и посмотрела на меня убийственным взглядом.

– О, – сказала она, выражение её лица смягчилось, – это ты.

– Послушай, я не хотел тебя расстраивать, – сказал я.

– Я знаю.

Я посмотрел на неё.

Она посмотрела на меня.

– Ты всё ещё сердишься на меня? – спросил я.

– Я вовсе не сержусь. Я плохо себя чувствую. Я расстроила тебя. Я подумала, что должна уйти. Кроме того, уже поздно. – Она посмотрела на меня так, словно это я был тем, кто делал что-то странное.

– О, я просто подумал, что ты убежала.

– Нет.

Нет. Тогда ладно.

Я пожелал спокойной ночи, и она ответила мне тем же, и тогда я впервые узнал о её прямоте.

Твоей прямоте.

Однажды ты сказала мне, что тебе нравится добавлять подтекст в своих сценариях, но у тебя не было времени на подтекст в реальной жизни. Я всегда помнил об этом.

Так что на всякий случай, Дот, я ещё не всё понял и, следуя твоему всегда удивительному примеру, скажу прямо: Ты должна спасти их.

Ты должна остановить его.

* * *

Это были выходные, но для мамы они не имели особого значения. Она сидела у окна за швейной машинкой рядом с кухонным столом и делала пиджак для м-ра Шварца. Должен был признать, что у меня всё ещё была идея взять себе выходной. Вместо этого я потратил последние пару недель, занимаясь делами для мамы, покупая продукты, платя молочнику, и всё такое.

Я думал о том, что сказала Дот, когда вдруг мой дед прошёл мимо в своей изношенной куртке и шляпе.

– Куда ты идёшь? – спросил я.

Он посмотрел на меня так, как и обычно.

– Куда он? – спросил я у мамы.

Она не оторвала взгляд от своей работы.

– Наверное, в библиотеку.

Я обернулся, и дед уже открыл дверь. У меня появилось это чувство «сейчас или никогда».

– Эй, дед, я пойду с тобой.

Мама подняла глаза. Она улыбнулась мне, и улыбка была маленькой, но очень полной. Это была благодарность. Я не понял этого, но она это оценила.

Я не потрудился застегнуть пуговицы, раз уж мы собрались в библиотеку. Она была всего в квартале отсюда, и все остальные тоже были в майках. Было слишком жарко, чтобы беспокоиться об этом. Я надел обувь и придержал для него дверь. Выйдя на лестничную площадку, он пристально посмотрел на меня. Затем кивнул.

Когда мы вышли в густой полуденный воздух под жарким полуденным солнцем, я всё ещё не был уверен, хочу ли просить его о помощи. Очевидно, моя интуиция решила, что это хорошая идея, и Дот сказала доверять своей интуиции. Но в то же время, как он вообще сможет мне помочь?

Я напомнил себе, что он предложил «научить» меня. Может быть, я должен ценить это. Но всё равно.

Мы пересекли улицу, чтобы избежать открытого пожарного гидранта, разбрызгивающего воду на местных детей, и я никогда не думал, что буду одним из тех, кто перейдёт из-за этого улицу. Наверное, это означало, что я становлюсь старше.

– Весело, – сказал он, указывая на детей, визжащих и смеющихся в воде.

Библиотека представляла собой четырёхэтажное кирпичное здание на углу. Мама и её маленькая девочка сидели на ведущих туда ступеньках, и читали книгу детских стишков. Девочка помахала мне, когда я проходил мимо, и я помахал ей в ответ. Внутри воздух был немного прохладнее благодаря вентиляторам на потолке, которые медленно вращались над нами, и высоким белым стенам из камня. Это было приятное облегчение.

Тишина тоже успокаивала. Даже не было слышно гула города. Это было похоже на то, как когда мама выключала радио, когда приходило время ложиться спать.

Я последовал за своим дедом к задней части стеллажей. Казалось, у него была цель. Мы добрались до детского отдела, и там он остановился, чтобы просмотреть коллекцию. Он внимательно осматривал каждую книгу, снимал её с полки, открывал обложку и пролистывал страницы, а затем осторожно и аккуратно ставил её на место. Это был длительный процесс, но за ним было интересно наблюдать.

В конце концов он собрал небольшую стопку книг. Три книги с картинками (включая книгу «Любопытный Джордж») и «Пеппи Длинный Чулок». Только тогда, когда он посмотрел на меня и кивнул, довольный своей коллекцией, до меня дошло, что он делал.

Он учился английскому языку.

Конечно.

Если он мог научить себя чему-то столь сложному, то я не должен бояться просить его. По крайней мере, так шёл ход моих мыслей.

– Дед? – прошептал я, пока мы шли к стойке библиотекаря.

Он посмотрел в мою сторону.

– Ты можешь научить меня рисовать лучше? – Он остановился и посмотрел на меня. – Ну, как бы, – сказал я, показывая рукой, делая вид, что рисую на листе бумаги. – Рисование.

Он улыбнулся.

– Рисование.

– Да. Ты можешь помочь мне? – спросил я.

Он не кивнул и не ничего не сказал. Он просто положил книги на стойку и сказал библиотекарьше за ней.

– Оставьте для меня?

Она кивнула.

– Конечно, м-р Ангер.

Она знала его. Разумеется, она знала.

– Пойдём, – сказал он мне, и я последовал за ним. На этот раз он подошёл к лестнице, и мы очень медленно поднялись по ней.

Мы поднялись на второй этаж, прошли вдоль стеллажей, а затем остановились. Мы были в отделе искусства. Я должен был догадаться. Мой дед ещё раз внимательно осмотрел книги, не торопясь. Он улыбнулся им и дотронулся так, будто у него были тёплые воспоминания о каждой из них. Затем он начал снимать книги с полки. И передавать их мне. Одну за другой, одну за другой.

Стопка стала тяжёлой в моих руках, и когда я смотрел на названия, я не был точно уверен, зачем держал их, если не хотел изучить всё об истории рисования. Древний Рим. Древняя Греция. Эпоха Возрождения. Да Винчи. Моне. Ни одной книги о том, как рисовать. Ничего такого.

Дед остановился и посмотрел на меня. Затем он сказал:

– Хорошо. – И повернулся к лестнице.

– Дед, это всё, конечно, здорово, но на самом деле я не хочу быть таким уж художником-художником. Я просто хочу научиться рисовать мультфильмы. – Я сказал всё это, зная, что он, скорее всего, не понимал.

– История. Хорошо, – ответил он.

История хорошо.

К тому времени, как мы добрались до дома, я весь вспотел, но дед только начинал. Он сел за кухонный стол и посмотрел на меня.

– Бумага, – сказал он.

Поэтому я захватил бумагу, ручку и чернила из нашей комнаты и принёс их ему.

Он пододвинул к себе толстую маленькую книгу, на обложке которой было написано «История Искусства». Я открыл её. Слова были мелкими и плотно собранными на каждой странице. Казалось, это невозможно прочесть. Мне было скучно просто листать страницы.

– Читай и практикуйся. Сегодня, круг. – Он потянулся к одной из больших глянцевых книг и открыл её. Он нашёл страницу с глянцевой фотографией картины. Женщина сидела с каким-то подавленным видом, держа на коленях щенка. Дед посмотрел на меня и указал на картину. Потом он начал воссоздавать картину на странице кругами. И овалами. И другими геометрическими фигурами. У неё не было ни черт лица, ни рук, ничего. Это было почти так же, как если бы она была тенью самой себя.

– Видишь? – сказал он.

– А, круги, – сказала мама, заглядывая мне через плечо. Я посмотрел на неё. – Начинаете с основ. – Я кивнул. – Воды? – спросила она.

Я снова кивнул.

Подойдя к раковине, она сказала:

– Знаешь, я всегда говорила, что ты унаследовал свои художественные способности от деда.

– Кому? – спросил я, наблюдая, как рисует мой дед.
– Всем, – ответила она, ставя на стол два мутных стакана воды.
– Только не мне, – сказал я. – Я не помню, чтобы ты когда-нибудь много о нём говорила.

– Я говорила, – ответила она. – Может быть, ты не помнишь.

– Ты не говорила. – Я снова чувствовал себя раздражённым. Вспомнил, как она просто пригласила этого незнакомца остаться с нами, даже не поговорив со мной об этом. Даже не предупредив меня об этом.

Я услышал, как она вздохнула.

– Пойду куплю продукты на ужин. – Она развернулась и ушла.

– Бадди, – сказал мой дед, и я в шоке оглянулся. Я никогда раньше не слышал, чтобы он произносил моё имя. – Хорошо, теперь работай.

Он протянул мне немного бумаги и подвинул книгу, перелистнув на другую страницу. Было странно видеть эти красочные картины в чёрно-белых тонах. Они ощущались лишь на половину.

– Работай.

Он передал мне ручку и внимательно посмотрел на мою страницу. Наконец я кивнул.

– Круги? – спросил я.

– Да. Круги.

10

Это было весело. Да. Учиться у деда. Конечно, это было удручающе, и конечно, иногда даже скучно, всё было таким формальным, что я не мог рисовать то, что хотел. Но да, это также было и весело. И чем больше он радовался, когда я узнавал что-то новое, тем лучше шли дела. Через несколько дней он добавил к урокам кое-что большее. Мы всё ещё делали круги, но перешли к линиям. Линиям, которые помогают с перспективой. Не спрашивайте, откуда он знал это слово, просто знал.

Мы нарисовали несколько линий, которые шли рядом друг с другом к середине страницы. Затем мы нарисовали такие вещи, как прямоугольники- здания и конусы- деревья вдоль линий. Мы делали их короче ближе к центру страницы. И это работало! Казалось, что «деревья» уходят всё дальше.

– Пирамида, – сказал дед. – Перспектива.

Он показывал на картину да Винчи. С Девой Марией, сидящей на камнях и держащей Младенца Иисуса.

Я кивнул.

– Пирамида, – сказал я в ответ.

Мы продолжали практиковаться вместе после работы, на выходных, и в своё свободное время в студии я тоже практиковался. Я не мог сдать мисс Ламберт никаких ковбоев Бенди, и я чувствовал, что она иногда смотрит на меня, осуждает меня, сомневается во мне. Я в самом деле хотел оправдать себя перед ней. Теперь, в некотором роде, больше, чем перед мистером Дрю. Я чувствовал, что она считала, что я не лишился работы не потому, что заслужил её. Я чувствовал, что она думает, что я просто нравлюсь мистеру Дрю. Что это было что-то вроде клуба парней.

Я подумал так, потому что она сказала это однажды. Просто «клуб старых парней» и совсем не мне, но я услышал это. И задумался об этом. Вспомнил, как мистер Дрю выгнал её в тот день из своего офиса. Я был сильно растерян. Что это было? Разве он не уважал талант? Или, может быть, уважал, но был более снисходителен к людям, которые были похожи на него? Кто *напоминал* ему его?

Нет, нет. Я не хотел так думать.

В любом случае, я решил, что пришло время начать рисовать немного Бенди и планировал попросить деда дома о помощи. Я был взволнован и уже мчался через вестибюль в конце дня, когда услышал знакомый голос:

– Бадди!

Я притормозил и обернулся. Мистер Дрю стоял у стойки регистрации с широкой улыбкой на лице.

– Сэр! – в шоке сказал я. Я тут же направился к нему.

– Куда ты так быстро несёшься, на свидание? – со смехом спросил он.

Я почувствовал, как мне в лицо ударил жар, как всегда, когда люди задавали такие личные вопросы.

– О нет, сэр, нет возлюбленной.

Мистер Дрю кивнул в ответ на это.

– Может, это и к лучшему. Сейчас нам важно сосредоточиться на работе.

– Да, – сказал я. Наверное. На самом деле это было не совсем так, но также было и верно. Откуда у меня возьмётся на это время?

– Есть кое-что для тебя. Прошу прощения за задержку, но я дал тебе кое-что дополнительно в качестве компенсации. – Он протянул мне белый листок бумаги.

Я посмотрел на него.

Моя зарплата.

Моя первая зарплата.

Прошло три недели, и, да, думаю, было уже пора, но я был настолько занят всеми этими делами с рисованием и ложью, а затем делал всё возможное, чтобы скрыть ложь, о которой я, похоже, забыл. Об основной причине всего этого.

Деньги.

Сорок баксов.

Целых сорок долларов.

В моих руках.

– Надеюсь, этого достаточно; мы никогда не говорили о том, сколько тебе платил Шварц. Хороший урок, Бадди. Всегда говори числа.

Всегда говори числа.

Сорок баксов.

Мне казалось, что я не могу дышать.

– Это хорошо, – удалось мне выдавить из себя.

– Хорошо! – ответил мистер Дрю. Он от души хлопнул меня по спине, и я закашлялся. – Ну же, мы празднуем!

Празднуем?

Даже не дожидаясь, пока я что-нибудь скажу, он направился к двери, и я последовал за ним на улицу в палящий зной. Почему-то на этот раз он не казался совершенно невыносимым. Почему-то было даже приятно.

Я догнал мистера Дрю и встал рядом с ним, пока он быстро шёл по тротуару.

– Куда мы идём? – спросил я.

– Праздновать, – ответил он, снова улыбаясь.

Да, но я хотел знать, как и где. Я не стал переспрашивать. Я не должен был этого делать. Я просто должен был доверять ему. И да, я доверился ему.

Мы прошли пару кварталов и свернули на юг. В итоге мы пришли в ресторан с ярко-красным навесом. На нём было написано «У Сарди».

– Кажется, я слышал об этом месте, – сказал я, когда мы вошли в тёмно-красный интерьер помещения.

– Надеюсь, что так, – со смехом ответил мистер Дрю.

– А, мистер Дрю, постоянный столик? – спросил хозяин у стойки.

– Безусловно, – ответил мистер Дрю, и, когда он протянул руку для рукопожатия, я заметил, как между ними мелькнула долларовая купюра.

– Прошу за мной! – сказал он с сияющей улыбкой.

Мы последовали за ним в заднюю часть ресторана и к столику на двоих прямо у стены, полной карикатур на известных людей.

– Это Синатра! – сказал я, присаживаясь.

– Когда-нибудь, парень, это будем мы, – сказал мистер Дрю.

– Ну, по крайней мере, вы, – ответил я. Я не заметил, как на это отреагировал мистер Дрю, я оглядывался по сторонам, широко раскрыв глаза. Повсюду на стенах были рисунки известных людей. И я был почти уверен, что здесь были некоторые по-настоящему известные люди, сидящие в павильоне театра, но я их не узнавал. Мужчины в костюмах, женщины в платьях, обедают перед тем, как увидеть шоу.

Я поднял голову и посмотрел на карикатуры. Я узнал Лорен Бэколл. Она была нарисована действительно искусно. У меня на самом деле не было желания быть на одном из рисунков, но что, если бы здесь был один из моих рисунков? Чтобы все могли его видеть? От этого во мне появилось волнение.

К нам подошёл официант в красном пиджаке.

– Напитки, джентльмены?

– Подайте мне старомодный коктейль, – сказал мистер Дрю. – Бадди?

Он посмотрел на меня, и я понял, что если бы я захотел, то мог бы заказать то же самое. Но я просто не мог.

– Газировку? – спросил я официанта. – Колу?

Официант улыбнулся мне так, словно я сделал самый идеальный выбор из всех, что когда-либо кто-либо делал, и быстрыми шагами отправился за нашими напитками.

– Бадди, ты должен начать пить как мужчина, – сказал мистер Дрю.

– Мне, э-э, мне нужно сделать кое-какие дела, когда я вернусь домой. Должна быть ясная голова, – ответил я. Мне это показалось странным. Как то, что я пью, делает меня более мужественным? Разве я не был мужчиной просто потому, что был им?

Всё же мне было как-то не по себе.

Официант вернулся с нашими напитками и так же быстро ушёл.

– Как Ламберт относится к тебе? – спросил мистер Дрю, поднимая свой стакан и делая глоток. Он закрыл глаза и вздохнул. – Это прекрасно, – сказал он про напиток.

Я потягивал Колу через трубочку.

– О, она замечательная. Разрешила мне работать над ковбоем Бенди, – ответил я.

– Хорошо, хорошо. Ну, если она будет слишком много важничать, дай мне знать.

Она может быть проблемной, – ответил он.

Я не думал о ней именно так. Считал просто серьёзной.

– Что ж, я верю, что у тебя большой потенциал, Бадди, правда. Я вижу, как усердно ты работаешь. То, как ты носишься по студии. Уверен, ты видишь множество разных вещей. – Он подмигнул мне.

– Э-э, не совсем, сэр, мне просто нравится выполнять свою работу.

Я не совсем понимал, что он имел в виду под «множеством вещей», но сделал большой глоток Колы, пытаясь избавиться от кома в горле. В любом случае, это не ложь, я ничего не видел. Только слышал. Слышал разговоры.

О машинах.

И чернилах.

Мистер Дрю наклонился вперёд через стол, словно собирался рассказать мне секрет.

– Если увидишь что-нибудь... интересное... или что-то, о чём, по-твоему, я должен знать, скажи мне.

– Обязательно. – Конечно, тогда я почувствовал, что должен просто рассказать ему всё в тот момент. Особенно о Томе и Сэмми. Но это будет связано с Дот. А она любила хранить секреты. Чувствовала, что это необходимо. У неё должна была быть веская причина на это, даже если я её не понимал. Но в этот короткий момент я просто знал, что не могу рассказать ему.

Пока что.

– Хорошо, – сказал мистер Дрю. Он откинулся на спинку стула, когда официант подошёл к нашему столику.

– Готовы сделать заказ? – спросил он.

Я посмотрел на меню, которое ещё даже не открывал.

– Э-э...

– Мы будем стейки, средней прожарки, и не скупитесь на пальчиковый картофель, – заявил мистер Дрю, возвращая своё меню. Официант рассмеялся так, будто мистер Дрю произнёс лучшую шутку, которую он когда-либо слышал. – И ещё один, – сказал мистер Дрю, постукивая по пустому стакану.

– Ещё одну Колу, сэр? – спросил официант, поворачиваясь ко мне.

Я выпил только половину того, что было в стакане.

Мистер Дрю рассмеялся.

– Давай, Бадди, поживи немного!

– Да, – сказал я официанту.

– Очень хорошо, сэр.

И он снова быстро исчез.

Пока мы ждали еду, мистер Дрю начал говорить. Я не имею в виду такие разговоры, какие мы вели ранее. Он *говорил и говорил*. Так же, как в театре. Так же, как в день, когда он нанял меня. Я начал привыкать к этому, слушать, как он говорит. В его словах было много о философии личной жизни. Ему нужно было поделиться этим. Я мог слушать, даже если не всегда понимал, о чём он говорит.

– Вот почему я написал книгу. Это всё иллюзия, понимаешь. Жизнь. Существование. Всё это здесь. – Он постучал пальцем по голове и сделал большой глоток нового старомодного коктейля, который появился перед ним. – Люди думают, что существуют правила, но правила – это вещи, созданные человеком. Созданные, чтобы поддерживать порядок в обществе. Это не плохо, но это также не то, на что люди вроде нас должны обращать внимание.

Он всегда так делал, говорил «нас». Я не был уверен, что отношусь к таким людям. Но мне нравилось, как это звучит.

– Не понимаю, – ответил я.

Прямо в этот момент принесли стейки, и я уставился на них с открытым ртом. Я не хотел так делать, и когда официант засмеялся, я сжал челюсти, чувствуя себя неловко. Но они были огромными. Самые большие куски мяса, которые я когда-либо видел. Этим можно было бы легко накормить меня, маму и деда за один ужин.

– Выглядит потрясающе, – сказал мистер Дрю официанту, который просиял и ушёл. Затем он повернулся ко мне и улыбнулся. – Не бойся, Бадди, налетай!

– Я не боюсь, – ответил я, взяв вилку и нож. Но, честно говоря, я немного боялся.

Я отрезал кусочек и съел его. Это был самый невероятный вкус, который я чувствовал за очень долгое время. Мягкий и сочный, точное нужное количество аромата. Это казалось почти неправильно, что еда может быть такой вкусной, но не у всех была возможность попробовать её. Нет. Не почти неправильно. Это было неправильно.

– Говорят, что правила для того, чтобы их нарушали, – сказал мистер Дрю, усердно пережевывая еду. – Но я сказал, почему не переписать правила? Зачем их нарушать, когда можно их контролировать? Всё это значит иметь контроль над нашими собственными судьбами.

Я кивнул, взяв картошку. Она была другая на вкус, в ней была какая-то энергия.

– Хрен, – ответил мистер Дрю, не дожидаясь моего вопроса. – Изумительно, не правда ли?

– Да, – ответил я с набитым ртом.

И затем он продолжил говорить. Это был ужин, на котором мистер Дрю хотел поговорить о глубоких вещах, которые я на самом деле не понимал, и на котором всё,

чего хотел я, это попробовать еду. Я хотел насладиться. Сохранить всё это в своей памяти. Честно говоря, я его почти не слушал. Я снова услышал слово «видение». И больше речей об иллюзиях. Но после его третьего старомодного коктейля я был почти уверен, что даже мистер Дрю на самом деле не совсем понимал, что он пытается сказать.

К тому времени, как мы добрались до чизкейка на десерт, я уже не думал, что мой желудок сможет выдержать ещё больше еды. И, определённо, я не думал, что мой мозг сможет выдержать ещё больше речей мистера Дрю.

Наконец всё закончилось, и мы оба откинулись на спинки стульев. Мистер Дрю перестал говорить, я перестал есть. Мы оба просто сидели. Наевшиеся.

– И *вот это* жизнь, – сказал мистер Дрю.

– Или её хорошая иллюзия, – ответил я, на самом деле не задумываясь. Но, наверное, всё, что он мне говорил, каким-то образом проникло в мой мозг.

Мистер Дрю показал на меня и начал сильно смеяться. Сильнее, чем я когда-либо видел, чтобы кто-то смеялся раньше. Он наклонился вперёд, согнулся и смеялся так сильно, что из его глаз текли слёзы, но смеха не было.

– Боже, о, Бадди, – сказал он, вытирая лицо салфеткой. – Ты хорош, парень. Ты хорош.

Я тоже улыбнулся, хотя чувствовал себя более нервным, чем когда-либо.

Официант подошёл с тонкой чёрной книжкой.

– Как только будете готовы, сэр. – Он протянул книжку мистеру Дрю.

– Великолечно, да, Бадди? – спросил мистер Дрю, вытягивая через стол руку.

– Да? – спросил я.

– Ты должен подписать чек, – объяснил он.

Я уставился на него. Он уставился в ответ.

И тут до меня дошло.

Я медленно вытащил свою зарплату из кармана, когда официант протянул мне ручку.

– Э-э, сколько? – спросил я.

Мистер Дрю открыл маленькую чёрную книжку.

– С чаевыми, скажем, даже пятнадцать.

Я застыл. Пятнадцать долларов. За один приём пищи.

– Деньги приходят с ответственностью, Бадди. Так это и работает.

– Да... с-сэр, – заикался я, всё ещё глядя на число «пятнадцать».

– Ну же, парень, у нас обоих есть дела, – сказал мистер Дрю. Тон его голоса стал серьёзным, почти раздражённым.

Я медленно взял у официанта ручку и расписался на обороте чека. Я передал его ему.

– Очень хорошо, сэр, – сказал официант. – Я принесу вам вашу сдачу.

Я уставился на мистера Дрю, моё сердце бешено колотилось. Я надеялся, что он не заметит паники в моих глазах.

– Вот, что я называю празднованием, верно, парень? – спросил он с широкой улыбкой.

– Да, сэр, – тихо ответил я.

– А теперь не трать столько каждый раз, когда получаешь зарплату. – Он засмеялся. – Это безответственно.

– Да, сэр, – повторил я. Я едва мог произносить слова.

Мистер Дрю оглянулся через плечо. Я заметил, что он начинал терять терпение. Он тяжело вздохнул.

– Послушай, Бадди, ты не против, если я вернусь в офис? У меня встреча с кем-то через полчаса.

Он просто уходит от меня? Я имею в виду, наверное, почему нет, верно? Ужин закончился. Мне не нужна была помощь в том, чтобы добраться домой или ещё в чём-нибудь.

– О да, конечно.

Мистер Дрю бросил на стол салфетку и, резко кивнув, встал.

– Отлично. Так держать, парень. Увидимся завтра. – И с этими словами уже он стал уходить быстрыми шагами, по пути пожав руки официанту и хозяину.

Все смеялись.

Я, правда, не знал, что было такого смешного.

– Ваша сдача, сэр, – сказал официант, подходя и протягивая мне маленькую чёрную книжку.

– Спасибо.

Я открыл её. Двадцать пять баксов. Это всё ещё большие деньги. Но их было больше. Гораздо больше.

Я сунул купюры в карман и выскочил из этого ресторана так быстро, как только мог. Поехал домой на метро, держа руку в кармане. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь стащил всё остальное.

Я вернулся домой как раз в тот момент, когда мама убирала со стола. Дед улыбнулся мне, стоя у раковины, и махнул мыльной рукой в мою сторону.

– Бадди! Я думала, ты будешь дома к ужину, – сказала мама, увидев меня.

– Я тоже, – ответил я. *Взбодрись, Бадди, ты не можешь дать им понять, как себя чувствуешь.* Я посмотрел на пыльные занавески, кучу грязной посуды, старую кушетку, на которой спала мама. Нет, это не помогало избавиться от чувства вины. – Мистер Дрю взял меня отпраздновать. Сегодня я получил зарплату.

– Наконец-то! – сказала мама. Она улыбнулась мне. – Я уже начинала беспокоиться.

– Да, я тоже. В любом случае, вот. – Я быстро положил кучу мятых купюр на стол.

– Ого, Бадди, – сказала мама, уставившись на них.

От этого я с трудом сглотнул.

– Да, двадцать пять баксов. Но теперь их будет больше, когда он мне доверяет. – Ложь. Теперь их будет больше, когда у меня не будет никаких изысканных ужинов. – Это всё твоё.

Мама осторожно взяла деньги, разглаживая каждый доллар. Она протянула мне десять.

– Тебе что-то нужно, новая одежда. Может быть, возьмёшь одному из своих новых друзей кусок пирога.

Я хотел убежать, мне было очень стыдно.

– Нет, мама, пожалуйста. Не в этот раз. Может быть, в следующий раз, – сказал я. А потом ушёл в свою комнату так быстро, как мог. Спрятался внутри. Моё сердце не колотилось, но болело.

Такого стыда я раньше никогда не испытывал. Я был очень зол на себя. И на весь мир тоже. Все эти люди в том ресторане, они все могут позволить себе поесть там, у них не было проблем из-за одного приёма пищи. Это было несправедливо. Это было просто несправедливо.

Больше никогда, сказал я себе. По крайней мере, пока я не смогу себе это позволить. Пока я не смогу взять маму и купить ей модное платье. Взять, конечно, и деда тоже. Достать ему новый костюм. Новую рубашку с длинными рукавами, которые ему очень нравились.

Больше никогда.

Пока.

11

Это было из-за труб. Теперь я это знаю. Мой маленький уголок Художественного Отдела, в котором никто не хотел сидеть. Тот, что находился далеко от любого источника света. Дело было не просто в том, что он был маленьким и тесным. Это было из-за того, что трубы в здании шли вверх по стене и над головой. Они издавали лязгающий звук, когда температура менялась или когда где-то поворачивался вентиль. Но я не считал это чем-то, что раздражало меня. В конце концов, наша квартира была полна медленных скрипящих звуков из-за постоянного регулирования фундамента здания. В детстве я всегда думал, что квартира живая, что она дышит и вздыхает, холодная зимой и потная летом.

Так что трубы, издававшие странный шум, когда я сидел и работал в своём уголке в ту ночь, на самом деле даже не заставляли меня моргнуть. Не заставляли меня посмотреть наверх.

Пока у них это не получилось.

Всё началось с шумом. Как в поговорке. Но на этот раз буквально. Я сидел, сгорбившись, работая над перспективой. Рисуя много линий. Получалось не очень хорошо; день был длинный, и я устал. Но я был полон решимости. Я задержался допоздна после того, как все остальные ушли. Полон решимости сделать всё правильно. И каждый раз, когда я немного уставал или мне становилось скучно, я представлял себе, как мистер Дрю толкает меня через край мостика. Да, может быть, это было не лучшее, что можно представлять, и, возможно, люди скажут, что у него странный способ мотивации персонала, но я чертовски уверен, что он не имел в виду ничего плохого. В конце концов, на прошлой неделе мы ужинали вместе, разговаривали как настоящие друзья. Это была просто шутка.

И всё.

Но всё же, это сработало. Это взбодрило меня, заставило сосредоточиться. И вот в какой-то момент я уже клевал носом, мои веки немного отяжелели, когда я внезапно представил, что падаю на пол сцены, и в тот самый момент, когда я ударился об неё, громкий, сильный удар! лязгнул над моей головой. Меня так далеко отбросило в сиденье, что я чуть не опрокинулся. Моё сердце колотилось, и, когда

тени в Художественном Отделе снова стали отчётливо видны, я действительно не мог сказать, почудился ли мне этот звук, или он был на самом деле.

Пока он не прозвучал снова.

Я инстинктивно встал. Это не была работающая неисправно печь. Это было что-то другое. Но что это было, я понятия не имел.

Ну, единственное, что я знал, так это то, что это было не моё дело. Поэтому я сел обратно и сосредоточился на своей работе.

Тогда начались стоны.

Они не были похожи на шум деревьев. Или на скрип половиц, когда сосед решает воспользоваться ванной. Они были похожи на животное, как когда воет в переулке голодная собака. Но не совсем так. Похоже на это, но также и на то, как когда кошка видит врага и издаёт этот звук глубоко изнутри.

И, возможно, они также смахивали на низкую ноту, сыгранную на скрипке.

Они не были похожи ни на что, что я слышал раньше.

И мне стало интересно.

Я также вспомнил, что сказал мистер Дрю. Эта инициатива была важна. Была поздняя ночь, тёмная летняя поздняя ночь. Остальные ушли домой, и мисс Ламберт пришлось снова включить свет, когда она поняла, что я всё ещё здесь. Конечно, я сделал это специально. Чтобы показать мистеру Дрю и всем остальным, что у меня была целеустремлённость. И с учётом этого, поскольку я был единственным, кто остался в здании, и что-то странное происходило в студии мистера Дрю, в этой студии, которая так много значила для него, то, конечно же, это был мой долг - разузнать, в чём дело.

Я немного посидел молча, прислушиваясь. Затем снова раздался этот решительный удар, и я вскочил на ноги. Я не собирался раздумывать, я просто собирался действовать. Даже если это немного пугало меня. Я не знал точно, с чего начать, но решил, что котельная была самым подходящим местом, и направился к лифту. Спускаясь в подвал, я вдруг осознал, насколько я был одинок. Все этажи были пусты, работал только один источник света, всем остальным были глубокие тени. Может быть, это было слишком смело. Может быть, я задержался слишком поздно.

Слишком поздно.

В подвале царил кромешная тьма, и мне пришлось ощупывать стену, чтобы найти выключатель. Я немного расслабился, когда коридор залился светом, выглядя вполне нормально. И я чувствовал себя увереннее, когда шёл к котельной.

Я уже был там однажды, разыскивая уборщика Уолли, поскольку один из туалетов был переполнен. Уолли обосновал здесь что-то вроде импровизированного офиса, так что его можно было найти там, если он не совершал обход. Но сейчас было уже поздно, поэтому, естественно, когда я попробовал открыть дверь, она была заперта. Я правда не подумал об этом.

Снова раздался громкий удар. Я поднял взгляд и только потом понял, что зашёл слишком глубоко. Похоже, что звук шёл вовсе не от печи. Что было хорошей новостью, учитывая, что я не мог попасть к ней. Вместо этого он прозвучал так, будто был прямо надо мной, этажом выше. И почти в подтверждение этой мысли, прямо над моей головой раздался ещё один удар. С досок в потолке на меня посыпалось немного пыли.

Тут до меня донёсся вой. Как стоны, но более огорчённо. Он уже звучал не так, будто проблема была с сантехникой, а гораздо больше похоже на что-то живое. От этого волосы на руках встали дыбом, но это ещё больше побудило меня к действию. Если это был кто-то в беде, а не просто поломка в трубах, то мне нужно было поторопиться. Мне нужно было помочь.

Я щёлкнул выключателем и прыгнул обратно в лифт. Я нервничал, наблюдая, как медленно опускаются стены, пока поднимался. Когда появился пол следующего этажа, я заметил, что дышу прерывисто. И когда лифт остановился, я уже начал сомневаться в своей уверенности в своём плане. Но я вышел в тёмный коридор и щёлкнул выключателем. И снова свет заставил меня чувствовать себя немного менее неуверенно.

Вой снова донёсся до меня. Казалось, он исходил из дальнего конца коридора. От осознания того, что я на правильном пути, у меня внутри всё перевернулось. Я не уверен, был ли это страх или волнение.

Наверное, страх. В Музыкальном этаже было что-то такое, из-за чего я никогда не чувствовал что-либо, кроме беспокойства.

Раздался громкий глухой удар. Я ждал. Затем вновь начались стоны.

Что ж, на этот раз я определённо был на правильном этаже.

Не уверен, что это хорошо.

Идя на звук, я вспомнил, как был здесь в первый раз, как потерялся в лабиринте коридоров. Когда я свернул за угол и наткнулся на лестницу, ведущую вниз, я почувствовал, как меня охватил ужас.

У подножия лестницы висел указатель со словом «Лазарет», написанным на нём. Лазарет? Не знал, что в студии он был.

Я медленно спустился по лестнице, которая скрипела под моими ногами, и вошёл в фойе Лазарета.

Комната была довольно большой, с крепкими деревянными стульями, кроватью в углу и столом, заваленным графиками возле стены. Стены, как правило, были пустыми, за исключением пожелтевшего плаката, который без особых раздумий поместили рядом с зоной ожидания. Это был рисунок с Бенди в костюме врача, Элис Энджел в униформе медсестры и Волком Борисом, лежащим на носилках, с названием «Горшки и Бедлам», написанным этим типичным шрифтом мультфильмов по Бенди.

Грохот.

На этот раз он был громче и доносился из коридора наверху. Это заставило меня снова сосредоточиться. Я не знал, что меня больше нервировало, сам звук или отсутствие представления о том, что это может быть. Я надеялся, что это просто какая-нибудь ненадёжная сантехника. И я в самом деле надеялся, что это были не нарушители. Я не был крепким парнем, не думаю, что смог бы от кого-то отбиться.

И всё же. Я пошёл на звук. Я немедленно включил свет в коридоре и увидел ряд дверей, идущих вдоль каждой стороны. Я ждал. И ждал. Но, конечно, теперь, когда мне это было нужно, не было ни лязга, ни воя. Ничего.

Я решил, что единственной вещью оставалось проверить каждую комнату. Если они были не заперты. Не верилось, что они будут открыты. Но первая дверь открылась, и я увидел небольшой офис с несколькими столами и стулом.

Я проверил ещё две комнаты, все были такие же. Затем был офис побольше. В нём на стене висела пара дипломов в рамках, и тогда мне стало интересно, кому они принадлежат.

Я закрыл за собой дверь. Она издала громкий звук, громче, чем я ожидал, а затем, сразу же, я услышал его. Снова вой. Но на этот раз это был скорее крик. Как будто кто-то, кто бы это ни был, услышал меня. Дал мне знать о себе.

Этот кто-то был ближе к концу коридора.

За дверью.

С двумя длинными досками, пересекающими её сверху, образуя букву "X". Как будто дверь была защищена от бурь или чего-то ещё. За исключением, конечно, того, что эта дверь была внутри здания.

Внезапно что-то ударилось о дверь. Она затряслась. Раздался громкий удар, и в щели под дверью появилась и тут же исчезла тень.

Определённо кого-то держали внутри. Или это было... что-то? Я заметил, что задержал дыхание, и теперь выдохнул, жадно глотая воздух.

Что-то? Как животное? Как... призрак?

Это было глупо. Мне просто нужно было увидеть его своими глазами, понять, что это что-то имеет смысл. Не давать своему воображению превращать вещи в нечто большее, чем они есть на самом деле.

Вой раздался снова, на этот раз явно из-за двери. Вместе с ним было что-то, что казалось другим. Как будто грустным, как будто как плач. Но не плач человека. Плач животного. Оно звучало беспомощно, и я чувствовал себя плохо из-за этого. Примерно настолько же плохо, насколько я боялся его.

Я медленно наклонился и попробовал открыть дверь. Она была заперта. Конечно заперта. Кто будет держать дверь незапертой, если за ней находится нечто подобное?

Замок должен был быть зна́ком. Даже не зна́ком, на самом деле. Это была не магия, не послание высшей силы. Это была запертая дверь. А запертая дверь означает «Держись подальше».

Если только у тебя нет ключа.

Я подумал о Дот. Подумал о её ключе.

Маловероятно, что копия ключа от *этой* двери будет просто валяться где-нибудь поблизости. Особенно, когда все остальные двери были открыты. Это была комната, в которую не *следовало* входить. Мне стало интересно. Я никогда не спрашивал её, но тот факт, что Дот могла легко открыть комнату в подвале, а затем кладовку, похоже, означал, что это был один из тех ключей, которые могли открывать много замков: мастер-ключ.

В следующие мгновения в моей голове пронеслось множество мыслей. Были опасения, и, конечно, чувство, что я не должен этого делать, но в то же время - я не могу сказать вам, почему - я чувствовал это стремление. Я даже не чувствовал, что это имеет какое-то отношение к мистеру Дрю. Мне нужно было всё прояснить.

Оказавшись в Письменном Отделе, осматривая стол Дот, я решил, что она будет впечатлена мной и не будет возражать, если я сделаю это. Она, наверное, поддержала бы меня, если бы была здесь. Вероятно, имела бы с собой ключ на случай, если бы случилось что-то подобное. Тут он и лежал. В нижнем ящике её стола между страниц копии «*Полного Собрания Сочинений сэра Артура Конана Дойля*».

Я не помню, как вернулся к двери с «X» на ней. Я не помню, какие у меня были мысли. Может быть, когда-то я и помнил их, но из-за того, как работает мой разум сейчас, всё перепуталось, так что я не знаю наверняка.

Я просто знаю, что был там.

Перед дверью.

С ключом.

Что бы это ни было внутри, оно снова услышало меня, потому что вновь ударило о древесину, и, казалось, затрясся весь коридор. Теперь завывание было более настойчивым.

Я вставил ключ в замок и *бам!* Снова, оно бросилось к двери, угрожая разбить её вдребезги и потрясти меня до глубины души. Я тяжело сглотнул.

Я повернул ключ.

Щёлк.

Тишина. Никакого воя. Ничего.

Я сделал глубокий вдох, повернул ручку двери и толкнул её. Дверь со скрипом приоткрылась, и я толкнул её сильнее, пока просто не решился и не распахнул её настежь.

Я сразу же щёлкнул выключателем.

Я стоял в дверях, глядя в пустую комнату. Она была похожа на мини-операционную. И всё было везде и всюду. Мусор на полу, мусорное ведро сбито на бок. На столешнице лежали странные хирургические инструменты, а в углу был деревянный стул, разбитый на куски.

Чего здесь не было, так это... кого-то или чего-то.

– Привет? – сказал я. Я заметил, что именно это люди обычно говорят, когда неуверенно входят в какое-нибудь место. Даже если, возможно, услышать «привет» в ответ, это не совсем то, чего хочется.

В этот момент я не был уверен, чего хочу. Но пустой комнаты определённо не было в планах.

Я осторожно вошёл в комнату, а затем быстро проверил за дверью, потому что там всегда прячутся люди, за дверью. Но там никого не было. Никого нигде не было. Поэтому я стоял прямо перед открытой дверью, в замешательстве, один, и чувствовал себя ещё более неловко. Я почувствовал, как по спине пробежала дрожь, словно холодная рука медленно провела пальцами вверх по позвоночнику.

Вдруг свет потускнел. Или я не должен точно говорить «потускнел». Я бы сказал, это было больше похоже на то, будто тени стали проникать в комнату. Они двигались медленно, так что я подумал, что, наверное, лампочка вот-вот погаснет, но потом я посмотрел вниз и увидел темноту, просачивающуюся вокруг моих ног. Я поднял ногу, подумав, что это что-то мокрое, но это была просто тень.

Просто тень.

Я поднял глаза и увидел, как она ползёт вверх по стенам. По потолку. Покрывая комнату в капаящую черноту. Будто комната была полна пролитых чернил.

Я обернулся, чтобы посмотреть в коридор, и, без сомнения, чернота сочилась из двери.

Я затаил дыхание и замер на месте. Я был в состоянии оцепеневшей паники. Я никогда не видел ничего подобного, и не думаю, что кто-либо другой, возможно, видел. Я не знал, что это значит и как происходит, но я знал одну вещь.

Это всё казалось чем-то угрожающим. Опасным.

Как будто капающие тени были самым злом.

Я не знаю, как объяснить, как чувствуется зло. Я просто почувствовал его. Я просто понял.

Мороз пробежал у меня по коже.

Весь свет погас. В комнате. В коридоре. Тени побеждали, и я едва мог разглядеть дверной проём, всего в нескольких шагах перед собой.

Мне следовало просто уйти.

Но страх приковал меня к месту. Страх темноты. Страх теней.

И нарастающий ползущий страх. Щекочущий в задней части моей шеи.

Страх того, что что-то было в комнате вместе со мной.

Мягкое влажное дыхание. Тихое и спокойное, но отчётливое. Где-то позади меня. И теперь я также слышал звук шарканья по полу, словно кто-то волочит ноги, ковыляя и прихрамывая.

Затем наступила тишина.

Раздался внезапный грохот, когда что-то упало на столешницу позади меня, затем звон металла, упавшего на пол. *Хирургические инструменты*, подумал я.

Острые, аккуратные лезвия на полу. Я всё ещё не мог пошевелиться. У меня мелькнула мысль, что если я не буду двигаться, если я не издам ни звука, то, может быть, что бы это ни было, не увидит меня.

Снова послышалось шарканье по полу. Оно становилось громче по мере того, как что бы это ни было приближалось. И затем, когда я стоял там, пытаюсь быть невидимым, я почувствовал его присутствие. Не просто услышал его. Я *чувствовал* его прямо у себя за спиной. Оно наклонилось.

Горячее влажное дыхание у моей щеки.

А затем был какой-то другой хриплый звук. Быстрые вдохи.

Оно обнюхивало меня.

Я не был невидимым. Мне нужно было бежать. Мне нужно было бежать быстрее, чем когда-либо в своей жизни.

Ну же, Бадди, беги.

Беги!

Я двинулся к двери, выкорчёвывая одну ногу, как будто вытаскивал её из густой грязи. Я протянул руку к дверному проёму, чтобы попытаться подтянуться дальше. Я не понимал. Я не застрял физически. Но мой разум заставлял моё тело действовать таким образом.

Существо позади меня издало странное рычание, как будто оно что-то осознало. Я почувствовал, как оно отстраняется от меня.

Внезапно на мою спину навалилась какая-то тяжесть, толкнув меня вперёд, а за этим последовали тяжёлые шаги, пробежавшие мимо меня. Меня толкнули, и я тяжело рухнул на землю. У него была та же сила, которую я видел у двери, и оно выбило из меня весь воздух. Но я недолго оставался лежать лицом в пол. Я быстро встал. Наконец мой разум отклеил мои ноги от земли, и я выбежал в коридор вслед за звуком шагов.

В оцепенении я огляделся по сторонам. В одной стороне был тупик. В другой был коридор, который вёл обратно в зал ожидания. Там ничего не было. Я подбежал к главному столу и резко остановился перед ним.

Опять.

Ничего.

Именно тогда я заметил вокруг себя яркий свет. Отсутствие чернильных теней. Я обернулся, и действительно, коридор тоже был ярко освещён. Слегка задышавшись, я медленно вернулся в комнату. Никаких теней.

Ничего.

Я потёр руки, осознав, что теперь они болели от падения, и заметил разорванное колено в брюках. Теперь у меня осталась одна рубашка и две пары брюк. На мне была единственная рубашка, которая была чистой и неплохо подходила для работы. Это не должно было беспокоить меня именно тогда, из всех вещей. Но оно беспокоило.

Волна усталости окутала мой страх в объятия.

Бродя по ночному Нью-Йорку, моей единственной мыслью было вернуться домой. Вглядываясь в тёмные тени переулков и сквозь решётчатые витрины магазинов, я чувствовал ужас, не похожий ни на что, что я когда-либо чувствовал. Я не понимал, что только что произошло. В той комнате не было ничего, и всё же что-то дышало на меня. Толкнуло меня.

Может быть, это была игра воображения? Я настолько устал? Я и правда упал? Я споткнулся? Такое было не в первый раз. «Клоунские ноги», – дразнили меня в школе.

Но что были за звуки? Грохочущая дверь? Растущие тени? Это было реально. Более чем реально. Те тени были живые, я был вполне уверен. Дышащие, существующие.

Это был не сон. Это была не ложь. Я слышал звуки. Я видел, как тряслась дверь. И меня толкнули на пол. Всё это произошло. Я знал, что так оно и было. Я не собирался сомневаться в своём разуме.

Тогда я был уверен в своём разуме как никогда.

Я помню это чувство.

Как будто я испытываю это чувство снова.

Я прошёл весь путь домой. Это заняло у меня чуть больше часа, но мне было это необходимо. Мне нужно было время, чтобы успокоить свои нервы, войти в привычный ритм, увидеть других людей просто людьми, а не кошмарами. Тени преследовали меня, но я шёл быстро. И к тому времени, когда я добрался до дома, страх был очень мал, и усталость взяла верх. Это было хорошо. Мне просто нужно было поспать.

Я поднялся по лестнице и ввалился в нашу тёмную квартиру. Все уже легли спать. Хорошо. Мне не хотелось разговаривать с дедом или пытаться убедить маму, что всё в порядке.

Я осторожно открыл дверь в свою комнату, чтобы не разбудить старика. Лёжа на своей стороне кровати, с освещающим его лицо уличным фонарём, он выглядел почти как труп. Интересно, дышит ли он? Я не стал себя сдерживать - я провёл рукой перед его носом и ртом и почувствовал слабый тёплый воздух.

Спасибо и на этом. Я сел на свою сторону кровати, лицом к закрытой двери, и мне снова представилась запертая дверь в студии. Нет. Я потряс головой. Я больше не буду думать об этом этой ночью. Я медленно стянул подтяжки с плеч и откинул их назад, выгнув шею и услышав очень приятный хруст.

Я вздохнул.

Затем что-то сильно схватило меня сзади.

Я с криком вскочил и, обернувшись, увидел, что дед сидит, уставившись на меня своими пустыми глазами, широко раскрытыми и пугающими. Его рот был открыт в чём-то похожем на страх или страдания.

– Что? – спросил я слишком громко, но моё сердце бешено колотилось. – В чём дело?

Он медленно поднял руку и указал. Указал прямо на меня.

– Дед, это я. Это Бадди. Даниэль. – Я приложил руку к груди и постучал по ней. – Это просто я. Твой внук.

Он продолжал показывать, его указательный палец слегка дрожал. Выражение его лица оставалось застывшим.

Я склонился, чтобы попытаться, что? Утешить его? Я подумал, что, может быть, ему было плохо видно, так что, если он увидит меня вблизи...

– Видишь, это просто я.

Ещё одним внезапным движением он схватил меня за воротник обеими руками. Его скорость поразила меня. Он тянул меня за рубашку. Я слышал, как стали трещать швы вдоль плеча.

– Прекрати это, дед, прекрати! – Отстранение только усугубило ситуацию, и его длинные костлявые пальцы сжались только крепче. – Прекрати это!

– Снимай! – хрипло сказал он.

– Что?

Ему наконец удалось просунуть пуговицу через отверстие.

– Ты должен видеть, ты должен видеть. – Теперь он был настроен решительно, но я наконец понял и положил руки поверх его дрожащих.

Он не отпускал меня, и когда я попытался встать прямо, расслабившись, он растянул рубашку. Он продолжал тянуть меня, пока, наконец, я не смог выдернуть руки из рукавов, высвободившись из ткани и пошатываясь в сторону двери.

Дед держал рубашку на коленях и смотрел на неё.

Я уставился на него широко раскрытыми глазами в своей пожелтевшей майке.

– Что с тобой, старик? – Я хотел крикнуть, но не хотел будить маму, поэтому с шипением прошептал это.

– Смотри, – сказал мой дед. Я посмотрел на себя. Я увидел только себя. И дырку на колене моих брюк.

– Нет. *Koszula*.

Я поднял голову. Он держал мою рубашку свёрнутой на коленях, а затем старческими трясущимися руками и тонкими, как карандаш, пальцами поднял мою рубашку, чтобы я мог её видеть.

И я увидел.

И я уставился.

– Смотри, – сказал мой дед.

Свет с улицы проникал сквозь рубашку, делая её полупрозрачной. Так, что я мог легко видеть заднюю часть рубашки. И мог разглядеть на ней тёмный теневой след.

Я протянул руку и взял у него рубашку. Он без проблем дал мне её взять.

– Видишь, – удовлетворённо сказал дед и откинулся на подушку.

Отпечаток руки.

Именно там, где меня толкнули.

На задней части моей рубашки.

Большой, чёрный, пропитанный чернилами отпечаток руки.

12

Сегодня я не знал, что это было.

Сегодня я смотрел на эти страницы и не помнил, зачем они были здесь. Чем должен был быть этот предмет. Это сбило меня с толку.

Я должен был сильно покопаться в своём разуме.

Пять чувств:

Осязание: неровные края страниц.

Обоняние: чернила и бумага.

Вкус: нет вкуса совсем.

Слух: пустая тишина.

Зрение: слова на страницах.

Слова на страницах. Бадди. Дот. Мама. Дед.

Джоуи Дрю. Моя история.

Это не только моя история, но и твоя тоже, Дот. Хотел бы я иногда сказать это с твоей точки зрения. Хотел бы я знать, почему ты поверила мне и разыскала меня в тот первый раз. Хотел бы я, чтобы ответ был больше, чем просто твоей «интуицией».

Хотел бы я понимать тебя так, как ты, кажется, понимаешь меня.

Может быть, всё это была ложь.

Но ты никогда не была лжецом. В этом-то и дело, верно? Ты решила не лгать.

Люди могут делать такой выбор.

Хотел бы я знать, почему ты поверила мне, когда я рассказал о Лазарете. О существе в темноте. О моей рубашке. Было глупо не принести её с собой на работу на следующий день, но это не имело значения, потому что ты мне поверила. Это была не просто какая-то мрачная сказка.

Это было реально.

Ты пошла со мной в коридор Лазарета во время обеда. Я показал тебе комнату. Там, конечно, ничего не было, но от этого ты не перестала верить мне. От этого тебе только захотелось исследовать больше.

Ты, Дот, всегда задавала вопросы.

Она действительно всегда задавала их. На случай, если это читает кто-то другой. На случай, если это читает не она. Она отлично умела задавать вопросы.

– Что насчёт Сэмми и Тома? – спросила она, быстро пряча в карман свой мастер-ключ после того, как я вернул его ей. Похоже, она совсем не возражала, что я взял его, но, может быть, это потому, что она была очень заинтересована тем, что я нашёл.

– Что насчёт них?

– Что насчёт того разговора, который ты подслушал? О чернилах? – Я покачал головой, не зная, что и думать. – Ну же, Бадди. Эти парни скрывают свои мысли о чернилах таким странным образом, а потом у тебя на спине появляется пропитанный чернилами отпечаток руки. Может быть, никакой связи и нет, но правда ли кажется, что её нет? Я так не думаю.

Верно.

Было кое-что, о чём я ей не сказал. Потому что мне было как-то не по себе. Я не полностью доверял тому, что видел, и ненавидел делать поспешные выводы, выглядя глупо. Но если кто и будет слушать меня, так это Дот. Поэтому я рассказал ей о том, что было после разговора. О том, как я пошёл к Сэмми и увидел рядом с ним бутылочку с чернилами и чёрное пятно в уголке его рта.

– Как будто у него во рту была ручка? – спросила она.

Теперь я чувствовал себя ещё более противоречивым, говоря это.

– Может быть, но, кажется, я помню, что в бутылочке было больше чернил, а потом, когда я снова посмотрел, их стало меньше. – Я не хотел говорить об этом прямо.

Я волновался, что она будет смешно смотреть на меня, но вместо этого она сразу же спросила:

– Ты думаешь он выпил их? Они же *ядовитые*, разве нет!?

Она задала вопрос, который я не осмеливался задать себе.

– Не знаю.

– Что ж, с этого и надо начинать. Сначала Сэмми, а затем этот Том.

Я кивнул.

– По очереди, – сказала она.

Я снова кивнул.

* * *

В конце дня мы с Дот решили пойти в Музыкальный Отдел, чтобы осмотреться. Это был первый раз, когда я чувствовал себя по-настоящему уверенным в одном из её планов, главным образом потому, что это был план, который мы составили вместе. В тот момент я мог сделать вид, что ничего не произошло. Так бы сделали и многие другие в студии. Если бы они вообще знали, что происходит что-то странное. Но я не

мог. Отчасти это определённо было желание произвести впечатление на мистера Дрю и дать ему понять, что в его студии что-то происходит. Но отчасти это было и моё собственное любопытство. Моя собственная нужда.

Было также что-то в моей дружбе с Дот, в том, как она общалась с людьми, все эти прямые вопросы, которые она задавала. Это заставило меня задуматься, почему люди не разговаривают побольше вот так. Почему люди не бывают такими прямолинейными всё время. Дот заставила меня начать задавать вопросы, и теперь я хотел знать ответы.

И вот я снова оказался в Музыкальном Отделе. Дот мельком взглянула на меня, когда мы шли по коридору к лестнице в Лазарет. Как будто у нас был секрет. Хотя так и было. Я попытался ответить ей похожим взглядом, но только как-то нахмурился, я не мог этого сделать. Было что-то, что всегда заставляло меня чувствовать себя некомфортно в Музыкальном Отделе. Коридоры казались излишне тёмными и пустыми. Музыканты здесь занимались записью не всё время, поэтому большое пространство, необходимое для них раз в месяц, просто оставалось жутким и пустым в остальное время.

Кроме того, я никак не мог выбросить из головы ту первую встречу с Сэмми. Если это можно назвать встречей. Его тело, пропитанное чернилами. Как он корчился на полу. Чернила у него в ушах, во рту, в глазах.

– Ты в порядке, Бадди? – спросила Дот, когда мы вошли в большую комнату. Сцена была завалена инструментами, как всегда. Но теперь это зрелище почему-то беспокоило меня ещё больше. Создавалось впечатление, что музыканты были здесь, а потом вдруг просто исчезли. Из ниоткуда. В никуда.

– Да. – Я попытался ободряюще улыбнуться ей, но потом вспомнил, что ужасно умею дарить людям ободряющие улыбки. – Как думаешь, что мы ищем?

– Не знаю. – Она подошла к столу у дальней стены. Я никогда не видел, чтобы Сэмми сидел там, понял я, когда она начала открывать ящики и просматривать бумаги. Я видел его только у своей дирижёрской стойки на краю платформы. – Здесь почти ничего нет, – сказала она.

– Может быть, в кладовке?

Дот встала, закрыла ящик и кивнула.

– Хорошая мысль. Хочешь посмотреть, пока я закончу здесь? – спросила она, уперев руки в бока.

Я вспомнил, как пытался оттереть эти чернила, вспомнил, как Сэмми кричал на меня, вспомнил горячее влажное дыхание на своём лице с прошлой ночи.

– Нет, – ответил я.

Дот на мгновение посмотрела на меня. Затем сказала:

– Хорошо, этим займусь я. Посмотри, нет ли здесь ещё чего-нибудь подозрительного. – И она решительно зашагала своей целенаправленной походкой обратно в коридор.

Я стоял, восхищаясь её храбростью. И тут до меня дошло:

– Дот!

Она высунула голову из-за угла.

– Да?

– Хочешь, чтобы я... я имею в виду... идти в одиночку... – Я даже не мог сформулировать предложение пойти с ней для защиты, потому что выражение её лица заставляло меня чувствовать себя глупо. Конечно, с ней всё будет в порядке. С ней всегда всё было в порядке.

Она покачала головой и вздохнула. А затем снова исчезла.

Когда я обернулся и посмотрел вокруг, я вспомнил, что быть одному в Музыкальной Комнате тоже не доставляло мне особого удовольствия.

Я осторожно поднялся на сцену и обошёл инструменты, заглядывая в их футляры, пытаюсь увидеть, не выглядит ли что-нибудь неуместным. Но я не был музыкантом. Откуда мне было знать, что нормально, а что нет? Всё, что я мог сказать, это то, что выглядело жутко, а что нет, и, в то время как доски сцены скрипели подо мной, а мои шаги отдавались эхом, из-за которого казалось, будто кто-то был в комнате со мной и шёл с той же скоростью, ничего не выглядело странным.

Просто... всё ощущалось странным.

В конце концов я добрался до дирижёрской стойки Сэмми. Я подумал, что, может, на ней будет немного чернил, или ещё что-нибудь, может быть, даже пролитые чернила. Но всё, что на ней было, это его музыкальные ноты. Я знал, что это были именно они, потому что он накалякал «Музыкальные Ноты» на обложке. Это было достаточно трудно увидеть, чёрные чернила на чёрной обложке. Я немного приподнял стойку, и на ней блеснули чернила. Что меня заинтриговало. Потому что обычно чернила не были такими блестящими. Возможно, они были всё ещё влажными. Я очень осторожно коснулся конца буквы «М». Я слишком устал быть покрытым чернилами, от Сэмми. От отпечатка руки. Мне такого больше не нужно. Особенно сейчас, когда на мне была одна из рубашек деда, а мои собственные закончились.

Сухо.

Я приподнял стойку ещё больше, но медленно, просто чтобы посмотреть. Я заметил что-то в нижнем углу. Я взял книгу и взглянул на неё поближе. Теперь я чувствовал себя самоуверенно. То, что я видел, было похоже на... это было похоже на пару рогов Бенди. На верхнюю часть головы Бенди без круга. Это было очень сложно объяснить. Рисунок мерцал и исчезал на свету. И выглядел так, будто он чуть не соскользнул с обложки.

Я не мог себя сдерживать, мне нужно было увидеть больше.

Поэтому я открыл книгу.

Внутри были ряды строк с музыкальными нотами, бегущими по ним. По верху проходила надпись «Бенди и Пираты». Вот над чем работал наверху Ричи. В этом не было ничего необычного, кроме как видеть музыку таким образом. Я никогда не видел партитуру раньше. Это было интересно. Но не странно.

Я перевернул страницу. Там было написано «Песня Элис».

Ещё одну. «Джиги Банды Мясников».

И ещё одну. «Ночная Жизнь Бориса».

Я забыл, что вообще что-то ищу, пока снова не перевернул страницу и чуть не выронил книгу. Ошеломляющая разница между обычной музыкой и этим была как удар под дых. Очень шокирующе.

Это были, если мягко выразиться, каракули. Но дело было не только в этом. Они были больше похожи на глубокие царапины, наспех нарисованные изображения с чернильными пятнами и мазками, и всё это выглядело так, словно тот, кто их делал, был маньяком. Как будто торопился, как сумасшедший. Как будто было нужно закончить изображения на бумаге, прежде чем что-то случится. Я понимал это чувство.

Я не понимал, на что смотрю.

В центре страниц был большой схематичный символ, которого я никогда раньше не видел, - круг с вырезанным кусочком и пучком линий, обрамляющих его, и ещё один круг вокруг всего этого. Сэмми рисовал поверх этой страницы так много, что бумага почти порвалась посередине. Чернила блестели, как чернила на обложке, но они были такими же сухими. Но не это пробрало меня до мозга костей. Вся правая страница была занята чем-то, что я мог описать только как рисунок деформированного Бенди. Но у него было очень мало общего с милым мультяшным персонажем. Его конечности были длинными, почти как у богомола, с руками, на которых были когти, а не милые белые перчатки. Ещё хуже было его лицо, наполовину скрытое... что это было? Это была кровь? Рисунок был чёрно-белым. Было трудно сказать, что это такое. Всё, что я мог видеть, это насколько длиннее были теперь его дьявольские рога, насколько наполнилась острыми зубами его улыбка. Его глаза полностью скрывала капающая чёрная слизь.

Кровь.

Нет.

Чернила?

Страницы были заполнены другими набросками, вещами, которые я не мог полностью распознать. И также словами. «Мечты сбываются», как на плакате с Бенди. И ещё «Освободит». Не помню, чтобы видел такое раньше.

Больше символов, и всё, казалось, соскальзывало со страницы. Как будто Сэмми рисовал это, когда его оттаскивали.

Изображения тоже как будто отпадали.

Я посмотрел вниз. Иллюзия того, что что-то капает со страницы, была настолько сильной, что я ничего не мог с собой поделать.

Я уставился на землю на достаточно долгое время. Ничего. Конечно ничего. Просто потёртый деревянный пол, покрытый царапинами. Я поднял голову и потряс головой, собираясь положить книгу обратно на стойку. И вдруг я увидел символ на пюпитре. А затем ещё больше. А потом просто круги и линии, разрозненные, но повсюду, покрывающие дерево. Покрывающие, я увидел, посмотрев пониже, всё сверху донизу. И я также заметил маленький набросок Бенди. И слова «Он нас». Я осторожно положил книгу обратно на стойку, где я её нашёл.

«Он нас».

И это идеально сочеталось с «Освободит».

– Бадди, мне нужно тебе кое-что показать.

Я чуть не выпрыгнул из собственной кожи. Я повернулся и уставился на Дот широко раскрытыми глазами. Страх струился по моим венам, и она это видела. Я знал, что она это видела.

– Что? – спросила она.

Я не мог говорить, я просто указал на книгу. Дот обошла меня, чтобы посмотреть. Некоторое время длилась тишина, пока я наблюдал, как она аккуратно водила пальцами по изображениям, склонившись над бумагой и внимательно рассматривая её.

– Что ты задумал, Сэмми? – сказала она себе.

– Странно, да? – смог я наконец-то сказать.

– Это за гранью странного, – ответила Дот, выпрямляясь и встречая мой пристальный взгляд. – Пойдём со мной.

Я кивнул и последовал за ней, как всегда, когда она это говорила. Мы направились по коридору к той кладовке. У меня всё внутри сжалось, как будто кто-то протянул руку через моё горло и сжал желудок, когда я увидел деревянную дверь. Простую медную дверную ручку. Я посмотрел вниз. Чёрные чернила всё ещё просачивались в коридор, где я не смог их очистить. Рука внутри меня сжалась ещё сильнее.

– Всё в порядке, Бадди, – сказала Дот. – Здесь безопасно. Но ты должен это увидеть.

Она открыла дверь.

И мы уставились.

Перед нами, от чернильного пола до потолка, занимая все окрашенные чёрным полки, стояли бутылочки.

Прозрачные, стеклянные, *пустые* бутылочки из-под чернил.

– Эй! Что это вы, ребята, делаете?

Я никогда раньше не видел, чтобы Дот оборачивалась от неожиданности. Казалось, её ничто никогда не волновало, но на этот раз она была встревожена и,

развернувшись, быстро закрыла дверь кладовки. Джейкоб шёл к нам по коридору. Он не выглядел сердитым, но у него было очень напряжённое выражение лица. Может быть, даже беспокойное.

– Пытаемся найти Сэмми, - сказал я, когда Дот промолчала.

– Хорошо, ладно, Бадди, ты нужен им в вестибюле, – сказал он, не особо заботясь о том, что мы ответили.

– Я?

– О да, – сказал Джейкоб.

– Зачем?

– Я... – Он остановился. Он выглядел смущённым. Что было не совсем обычным для Джейкоба. На самом деле, я никогда не видел никого, кто чувствовал бы себя ещё более комфортно в своей собственной шкуре. Перемены в нём заставили и меня чувствовать себя некомфортно.

– В чём дело?

– Думаю, это твой дед, – сказал он, протягивая руку за голову и почёсывая затылок.

Рука, сжимающая меня внутри, мгновенно освободила меня, но вместо того, чтобы почувствовать облегчение, я почувствовал, что теперь дышу слишком свободно. Я увидел яркие звёздочки в уголках своего зрения, прежде чем стряхнул их и сразу же бросился к лифту. Я слышал, как Дот и Джейкоб подходят ко мне сзади.

Оказавшись внутри:

– Ты уверен? – спросил я.

– Нет, – ответил Джейкоб, – но он пожилой и просит позвать тебя, и он... ну, он немного похож на тебя.

Я не хотел, чтобы он уточнял это. Не со всеми оскорблениями, которыми я был завален в детстве.

– Ладно, – всё, что я сказал.

Я не подготовился к внезапной остановке, и мои зубы снова стукнулись друг о друга. Впервые за несколько недель со мной такое случилось. Я был недоволен собой. Но на самом деле у меня не было на это времени. Я бросился по коридору в вестибюль.

– Бадди! – произнёс счастливый, громкий и очень знакомый голос.

Он был здесь, его держал за локоть Уолли, который совсем не походил на какого-нибудь страшного охранника. Он даже держался другой рукой за свою метлу.

– Дед, что ты здесь делаешь? – спросил я, бросаясь к нему. – Теперь можете его отпустить. Вы что, думаете, что он собирается захватить это место?

Уолли покачал головой в мою сторону.

– Никогда не знаешь наверняка, – пожал он плечами.

– Ты в порядке? – спросил дед, пристально глядя на меня. Внимательно рассматривая моё лицо.

– Разумеется, конечно, со мной всё прекрасно. Послушай, тебе нельзя быть здесь. Как ты вообще... – Я почувствовал, что Дот стоит рядом со мной.

– Бадди, – прошептала она.

– Не сейчас, Дот.

– Бадди, он здесь.

– Кто... – Я поднял глаза и увидел, что рядом с мисс Ламберт за стойкой регистрации был мистер Дрю. Он откинулся назад, скрестив руки на груди. Выражение его лица было неразборчивым.

– Мистер Дрю! – в изумлении сказал я.

– Что всё это значит? – спросил он. Он улыбнулся, но я не был уверен, что это была счастливая улыбка.

– Ничего, это просто мой дед... – быстро сказал я. Настала моя очередь схватить его за руку. Но в этот момент дед выскользнул из моей хватки и подошёл к плакату с Бенди на стене. Он внимательно смотрел на него. Затем он подошёл к нему ещё ближе.

– Что он делает? – спросила Дот.

– Он... смотрит. Так он обычно смотрит.

Дед повернулся ко мне и указал на плакат.

– Ковбой! – сказал он.

Я сделал резкий вдох. Нет, нет. Мне нужно было быстро вытащить его отсюда. Прежде чем он каким-нибудь образом проговорится, что он настоящий художник. Каким-нибудь образом. С его словарным запасом из трёх слов.

Я быстро подошёл к нему и взял за локоть.

– Ну же, дед, пора домой.

Дед посмотрел на плакат ещё раз, затем на мистера Дрю. Потом обратно на меня.

– Босс?

Я кивнул.

Услышав это, мистер Дрю медленно оттолкнулся от стола и подошёл, внезапно просяив.

– Здравствуйте, сэр. Я Джоуи Дрю. Приятно познакомиться. Ваш внук очень талантлив. – Он протянул руку для рукопожатия.

Мой дед на мгновение задержал взгляд на его руке, а затем взял её. Но не пожал. Он поднёс руку к лицу и внимательно посмотрел на неё. Он перевернул её и коснулся внутренней стороны ладони мистера Дрю. Мистер Дрю посмотрел на меня с озадаченной улыбкой. Я улыбнулся в ответ и надеялся, что это был правильный выбор. Что делал мой дед?

Наконец он поднял глаза на мистера Дрю.

– Босс, – снова сказал он. Мистер Дрю кивнул. И в этот момент дед наконец-то пожал ему руку.

Затем он выпустил её так, как будто забыл, что держал её, и снова повернулся ко мне.

– Приятно познакомиться с твоей семьёй, Бадди, но мы здесь так не делаем. Пора ему идти домой, – сказал мистер Дрю. Он повернулся и ушёл, заставив меня снова чувствовать себя неловко. Как будто что-то пошло не так. Как будто я попал в неприятности.

– Тебе лучше забрать его домой, – сказал Джейкоб, глядя вслед мистеру Дрю. – Пока мисс Ламберт не начнёт до вас докапываться.

– Да, иди, Бадди, – сказала Дот.

– А как же... – Я остановился. Я, очевидно, не мог сказать то, что хотел. Не перед всеми. Но мы только начали наше расследование.

– У нас есть время, – сказала Дот.

На самом деле, я так не думал, но опять же, какой у меня был выбор?

– Давай, дед, отведём тебя домой, – сказал я. Я мог бы рассказать об этом маме, попросить объяснить ему, почему люди в Нью-Йорке так не делают. Не появляются в местах таким образом. Конечно, это было в его духе, не так ли? Просто внезапно появляться.

Дед с улыбкой кивнул, а затем повернулся, чтобы оглядеть всех присутствующих.

– Рад был с вами познакомиться, – сказал он.

– Нам с вами тоже, – сказала Дот.

Он улыбнулся ей, затем посмотрел на меня и подмигнул.

О нет, старик, нет. Всё совсем не так. И всё же я почувствовал, как мне в лицо ударил жар.

Я вывел его из здания на оживлённую улицу. Он остановился и некоторое время смотрел на поток машин, а затем перевёл взгляд на возвышающиеся над нами здания. Я тоже поднял голову.

– Сюда, – сказал он. Он повернул налево, что было не тем путём. Это был север.

– Нет, дед, – сказал я, но он вдруг зашагал быстрее. Что удивило меня, потому что обычно он не спешил никуда идти. Я предположил, что это из-за того, каким он был немощным. Но теперь я понятия не имел. Потому что этот человек был *быстрым*. У меня не было другого выбора, кроме как последовать за ним, и когда я догнал его, то попытался остановить.

Но он не останавливался.

Он повернул направо. Я понятия не имел, почему и каков был его план. Если у него вообще был план. Мы пересекли Бродвей, все мигающие огни и сигналившие гудки, и продолжали идти в тишине, казалось, целую вечность, но, скорее всего, прошло не более десяти минут, пока мы не остановились. По какой-то причине.

Дед улыбнулся.

– Здесь, – сказал он, показывая пальцем. Ему нравилось показывать.

Я посмотрел на фасад перед нами.

Было поразительно, как он выделялся на фоне окружающих зданий. Был очень современным. Никакого другого описания у него не было. Сплошной прямоугольник, состоящий из прямоугольников из стекла внутри прямоугольников из бетона. Я не мог решить, хорошо ли это выглядело. Я просто знал, что это выглядело очень необычно.

– Где мы? – спросил я.

Дед посмотрел на меня как на сумасшедшего. Он покачал головой и повёл меня в тихое фойе.

– Искусство, – тихо сказал он, когда наши шаги эхом отдались по цементному полу.

Искусство?

Наконец мой взгляд упал на вывеску. Музей Современного Искусства.

Оу.

Искусство.

У меня не было времени на искусство.

– Ну же, дед, – сказал я. Мой голос был тихим, но звучал очень ясно и громко. Я взглянул на женщину, сидящую за справочным столом.

Но он не переставал идти, а я никак не мог остановить его. Похоже, никто не остановил бы, потому что никто не сказал ни слова, хотя мне казалось, что мы должны были заплатить, чтобы войти. Мы просто продолжали идти.

Я чувствовал себя ещё более нервным. Это не входило в планы. Неужели он не понимает, что происходит что-то серьёзное? Он должен был понимать, поэтому и пришёл, чтобы проверить меня. Из-за прошлой ночи. Из-за отпечатка руки. И всё же...

Наконец мы остановились, и он сел на скамейку перед картиной.

Я сел рядом с ним.

Перед нами был холст. Похоже, это был берег реки или что-то в этом роде. Оно выглядело странно. Оно было тем, чем и было, но это были ещё и...

– Точки? – спросил я.

– Чтобы создавать искусство, нужно создавать что-то новое, – сказал дед. – Видеть мир иначе. Понимаешь?

Я кивнул. Полагаю, что да. Может быть? Правда, я не знал, какое это имеет отношение к мультфильмам.

– Не красивая картина. Большая картина. История. Мышление. Разум. Душа. – Он очень старался общаться. И я слушал. Конечно же я слушал. Я чувствовал себя глупо. Не только из-за того, что я многого не знал об искусстве или даже о мире, но и из-за того, что я многого не знал о деде. Не только о его жизни в Польше и всём таком, но и о том, как он думал. И что он думал.

– Дед, мне нужно идти.

– Босс, – сказал он, кивнув.

– Да.

– Чернила.

– Что?

Он взял меня за руку и указал на чернила на моём пальце. Он поднял свою руку и показал мне точно такое же место на ней. От того, что он мне помогает, предположил я.

– Чернила, – сказал он. Я кивнул.

– Да. Я всё ещё практикуюсь.

Затем он положил руку мне на спину. Широко растопылив пальцы.

– Чернила, – снова сказал он.

Моё дыхание участилось, я почувствовал, что он касается того же места, которого касались прошлой ночью. Почувствовал, как его рука толкает меня в спину. Он мягко улыбнулся, убрал руку и поднял её передо мной.

– Не эта рука, рука босса, – объяснил он.

– Хорошо, – сказал я, не до конца понимая.

– Чернила.

Я кивнул. Да, конечно, у мистера Дрю тоже были чернила на руках. Он тоже был художником. По крайней мере, именно это он имел в виду, когда мы впервые встретились. Я имею в виду, он ведь придумал Бенди, разве не так?

Разве не так?

– Чернила босса такие же чернила, – сказал дед.

– Такие же чернила? – Как что? Как отпечаток руки? Нет, я точно знал, что это был не мистер Дрю.

– Чернила плохие.

Я уставился на него. Я хотел, чтобы он объяснил. Мне нужно было понять. Ещё несколько дней назад всё это было бы для меня чепухой. Я бы посмотрел на него, как на сумасшедшего старика.

Но не после того, что случилось прошлой ночью.

Не после тетради Сэмми.

– Чернила плохие, – сказал я.

Дед опустил свою руку и торжественно кивнул.

Чернила плохие.

13

Я не видел Дот до конца дня. К тому времени, когда я вернулся в офис, до окончания рабочего дня оставалось всего несколько часов. И я по-настоящему поработал. Я засиделся допоздна, но не так, как прошлой ночью. Я больше не остался бы в студии один, это уж точно. Когда я увидел, как Ричи откинулся назад и хрустнул костяшками пальцев над головой, я понял, что мне тоже пора собираться. И я был счастлив это сделать.

Когда я вернулся домой, дед уже спал, и мне пришлось пробираться мимо него, чтобы взглянуть на наши рисунки. Я подумал, что, может быть, пришло время попробовать нарисовать просто лошадь. Может быть. Я стоял над комодом, немного сгорбившись, так что у меня болела шея, и копировал лошадь с картины, сначала в виде кругов, а затем медленно рисуя поверх них. Придавая им настоящие черты.

Это вроде как получалось.

Получалось лучше, чем моё старое ослиное толстое собачье лошадиное существо с той первой попытки. Но я всё ещё чувствовал, что мне предстоит продвинуться намного дальше. Особенно после посещения картинной галереи. Чем больше я узнавал, тем больше понимал, что чего-то не знаю.

Что-то похожее я чувствовал о студии.

О чернилах.

* * *

На следующий день я был усталым - я почти не спал. Мысли не оставляли меня в покое, и я ненавидел это. Я ненавидел так много думать. Чем больше я думал, тем больше путался в мыслях. Вроде того, что чем внимательнее я смотрел на ту картину в музее, тем меньше я видел саму картину.

Я больше не видел общей картины.

Я был благодарен тому, что у меня оказалось не слишком много доставок, которые надо было сделать в студии. Казалось, что мисс Ламберт видела, как я был не настроен на это. Как будто она дала мне перерыв. Я решил попрактиковаться в

рисовании Элис сегодня. Потому что я совсем по-настоящему не пытался. И она была милой. Рисовать её было весело.

Мне нужно было немного повеселиться.

Я вообще делал это когда-нибудь?

Я был первым, кто увидел Сэмми.

Он нёсся по узкому коридору, который был рядом с моим столом, и я сразу же превратился из усталого в испуганного. Я решил, что он узнал, что мы с Дот расследуем вещи о нём. Что он узнал, что мы видели странные рисунки в его нотах, пустые бутылочки в его кладовке. Что он пришёл, чтобы устроить драку. И я не знал, что мне тогда делать, потому что, во-первых, я не думал, что драка считается чем-то профессиональным или чем-то, чем люди занимаются в верхней части города, а во-вторых, потому что я был паршивым бойцом всю свою жизнь. Мне удалось выиграть только несколько ссадин, потому что меня было очень трудно опрокинуть.

Вместо этого он пронёсся прямо мимо меня, даже, похоже, не заметив, что я сижу там, в своём тёмном углу, и ворвался в светлую комнату Художественного Отдела.

Мисс Ламберт медленно поднялась из-за стола с хмурым взглядом. Она могла видеть гнев на его лице. Это было трудно не заметить. Наверно, вы смогли бы увидеть этот гнев даже с вершины Эмпайр-Стейт-Билдинга.

– М-р Лоуренс, – осторожно произнесла она.

– Эбби, – ответил он.

Она прикусила нижнюю губу, но ничего не сказала. Я вспомнил, как Сэмми называл человека из «Gent» Томом, а не м-ром Коннором, и я подумал, не было ли это его привычкой. Не вёл ли он себя так со всеми. Или, может быть... Как там Джейкоб выразился в баре о женщинах и чернокожих, не получающих того же уважения, когда они вынуждены работать вдвое усерднее? Я думал об этом, поворачиваясь в сиденье, чтобы посмотреть, что будет дальше.

– Чем я могу вам помочь?

– Где мои чернила?

Я выпрямился в своём сиденье.

– Ваши чернила? – спросила мисс Ламберт.

– Чернила. Куда они делись?

Выражение лица мисс Ламберт теперь уже выглядело не подозревающим, а обеспокоенным.

– Вы просите одолжить немного чернил Художественного Отдела? Вы можете просто попросить их, м-р Лоуренс. Вам не нужно так себя вести.

Сэмми громко фыркнул и засунул руки в карманы. Он в ярости отрицательно покачал головой и, несколько раз плотно сжав губы, сказал:

– Чернила в вашей кладовке.

– Мы не храним чернила в кладовке.

Ладно, это было странно. Мы *не* хранили чернила в кладовке? Тогда зачем Музыкальному Отделу полная чернил кладовка, когда люди, которым они действительно нужны, художники, держат кладовку под замком? Но я не думаю, что имеет смысл поднимать эту тему сейчас. Я определённо не хотел напоминать ей о той истории с воровством. Не после того, как у меня появился второй шанс. Кроме того, может быть, она лгала, чтобы не впутывать Сэмми в наши дела. У него и вправду были странности с чернилами. Безусловно.

Сэмми собирался что-то сказать, но не говорил. Казалось, он боролся с тем, чтобы заговорить. Из него вырвалось странное бульканье, как будто слова хотели вырваться наружу, но он сдерживал их.

– Послушайте, мы храним наши чернила здесь, под моим столом, в сейфе. Я могу дать вам бутылочку, если хотите. Но вам нужно успокоиться. Это не стоит того, чтобы так злиться.

Сэмми покачал головой, его шея была так напряжена, что всё его тело бешено завертелось из стороны в сторону. Затем он пронёсся мимо меня обратно по тёмному коридору. И исчез.

– Что, чёрт возьми, это было? – спросила мисс Ламберт. Джейкоб встал с широко раскрытыми глазами и поднятыми бровями.

– Парень слетел с катушек. Хотите, я проверю кладовку?

Мисс Ламберт кивнула.

– Да, пожалуйста, спасибо.

Джейкоб одарил её ослепительной улыбкой и прошёл мимо меня. Затем он улыбнулся и мне, и я на мгновение подумал, насколько впечатляющим было то, что он мог так широко всем улыбаться, и эта улыбка всё равно казалась настоящей. Как будто он был искренне рад видеть тебя. Моя улыбка выглядела так, как будто мне было больно. Или как будто меня мучили газы. Я смотрел, как он идёт по коридору, и задержал дыхание. Я не задерживал его нарочно, и я не знал, почему я вообще изначально задержал его. Я не знал, что я хотел, чтобы он нашёл. В любом случае, я подумал, это было странно.

Он вернулся довольно быстро и с улыбкой сел за свой стол.

– Нет, ничего. Парень свихнулся.

Мой желудок скрутило тугим узлом. Я не понимал, что происходит. Почему в нашей кладовке не было чернил? Почему все они были в Музыкальном Отделе?

– Бадди, – позвала меня мисс Ламберт. Я встал слишком быстро, и ноги заскользили подо мной, когда я постарался не упасть.

– Чудная работа ног, – рассмеялся Ричи.

Я кивнул, но ничего не сказал.

– Возьми с собой тот набросок ковбоя Бенди, – сказала мисс Ламберт.

Я снова кивнул, потянулся к столу, взял листок бумаги и поспешил к ней.

– Итак, у нас есть идея с ковбоем Бенди, и Сценарный Отдел хотел бы получить несколько образцов набросков для вдохновения. Думаешь, ты справишься с этим? – спросила она. В её глазах мелькнула улыбка, заставившая меня подумать, что она, возможно, действительно гордится мной. Или волнуется за меня. Я определённо волновался за себя.

– Конечно, – сказал я как можно спокойнее и протянул ей листок.

Она посмотрела на него и кивнула.

– Да, что-то вроде этого, но убедись, чтобы изображение было по центру. Нам нужна целая лошадь, не хотелось бы потерять копыта или что-то ещё. Мы можем принять решение, что мы покажем, позже. Хорошо? – Она вернула мне листок.

Я в подтверждение кивнул, но был немного озадачен.

– Тогда сделай мне, может быть, штук шесть разных идей с ковбоем Бенди.

Я снова кивнул.

– Это всё. – Она отпустила меня, и я вернулся к своему столу.

Теперь я нервничал. Я много практиковался с тех пор, как мой дед впервые нарисовал ковбоя Бенди. Но шесть разных сцен с Бенди? Могу ли я сделать такое?

И что она имела в виду под «целой лошадью»? Неужели мой дед что-то забыл?

Я положил рисунок на стол и посмотрел на него. Странно. Она была права.

Рисунок был в самом низу, ноги были обрезаны. Это не имело никакого смысла.

Может, я что-то не так помню? Я был уверен, что он нарисовал ноги. Я был уверен, что рисунок был прямо в середине страницы, как один элемент из серии анимации.

Удивительно, как часто мы думаем, что наш разум подшучивает над нами. Что когда происходят странные и невозможные вещи, мы считаем, что каким-то образом ошибаемся.

Но иногда вещи бывают странными и невозможными.

И мы не проводим никаких связей, пока не становится слишком поздно.

Я не провёл связь тогда. Я сделал это позже, и я не знаю, должен ли я рассказать вам об этом сейчас или подождать, пока это произойдёт. Какой смысл ждать?

Нет. Я не могу перепрыгнуть так сильно. Если я прыгну вперёд в истории, я могу забыть вернуться назад. Воспоминания могут измениться. Я боюсь, что они уже изменились. Действительно ли я ходил в музей искусства и смотрел на картину Сёра с моим дедом, или же мы говорили об этой картине на кухне, смотря в одну из его книг?

Я знаю, что он приходил ко мне в тот день, и я знаю, что он беспокоился. Но, может быть, он просто пошёл домой после этого.

Может быть, это имеет больше смысла.

Может быть, лошадь и не соскальзывала со страницы.

Может быть, я подумал о тетради Сэмми тогда, а не позже. Вспомнил, как выглядели там рисунки, как будто они тоже соскальзывали.

Может быть, я провёл связь тогда.

Теперь не всё имеет для меня смысл.

Но всё же я помню это. Я помню, как сидел, смотрел в одну точку и чувствовал себя испуганным и растерянным, а потом услышал:

– Мне никогда не надоест этот ковбой, он каждый раз заставляет меня улыбаться.

Я повернулся уж слишком быстро, напрягая шею, чтобы увидеть мистера Дрю, стоящего надо мной.

– Мистер Дрю! – быстро сказал я и встал.

– Привет, сынок. В восторге от ковбоя Бенди? – спросил он с улыбкой.

– Несомненно, сэр. Спасибо.

– Хорошая идея - это хорошая идея. – Он просто продолжал улыбаться мне, и я не был уверен, должен ли я что-то сказать в ответ на это, потому что, ну, мне нечего было сказать, кроме...

– Спасибо. Но на самом деле это всё из сценария Дот...

– Итак! Какое-то время ты работал на м-ра Шварца. Ты говорил, что твоя мама шьёт для него костюмы, – сказал мистер Дрю, прислоняясь к стене возле моего стола.

– Да. – Что?

– Значит, ты разбираешься в костюмах, – сказал он. Это был не вопрос.

Никогда не думал об этом в таком ключе. Мне казалось, что я гораздо лучше разбираюсь в сумках, в которых носил с собой костюмы. Но, думаю, я достаточно видел то, как мама делала их, чтобы хоть как-то в них разбираться.

– Конечно, – ответил я. Мне это показалось хорошим ответом. Не совсем да. Не совсем нет.

– Отлично, пойдём со мной, – сказал он, хлопнув в ладоши.

Я посмотрел на мисс Ламберт, которая внимательно наблюдала за нами. Она медленно кивнула, несмотря на неодобрительный взгляд, давая своё разрешение, хотя в этом случае я никак не мог сказать «нет». Она тоже это знала. Конечно.

– Да, сэр, – ответил я.

Было странное чувство, когда я шёл за ним в лифт, и все смотрели на нас. Джейкоб выглядел так, будто вот-вот расхохочется, и я решил, что, возможно, это было из-за моего выражения лица. Я знал, что выглядел ошеломлённым. Я чувствовал себя ошеломлённым.

– С твоим дедом всё хорошо? – спросил мистер Дрю, пока мы спускались в вестибюль.

– О, да, с ним всё в порядке.

– Семья может быть утруждающей, – сказал он со смехом.

– Да, я имею в виду, всё стало иначе. Он теперь рядом.

– Он недавно переехал к тебе? – спросил мистер Дрю.

Я кивнул.

– Ах да, обязательства. Я понимаю. Но не давай им сдерживать тебя. Пожилые люди заставляют чувствовать себя виноватым, но ведь они жили своими мечтами, не так ли? Так почему ты не можешь?

Я подумал об этом.

– Да, это так. – Я попытался вспомнить, что мама рассказывала мне много лет назад. – Мои родители пытались убедить его поехать с ними в Штаты, когда я только родился. Он отказался. Наверное, у него были свои дела.

Мистер Дрю постучал пальцем по стене лифта.

– Именно. – Он на мгновение замолчал, и мы слушали напряжённый звук цепей, опускающих нас. – Ну, он кажется приятным пожилым человеком. Просто не могу допустить, чтобы он снова вот так прервал рабочий день. – Он рассмеялся. Как будто это была шутка.

Но он говорил об этом серьёзно.

– Да, конечно. Он просто беспокоился обо мне, – сказал я. А затем вздрогнул. Потому что, конечно же, следующим вопросом будет:

– Беспокоился?

Вот же блин.

Я стоял и напряжённо думал. Я был готов солгать о чём угодно, но опять же, почему я просто не рассказал мистеру Дрю о том, что видел? Он был бы очень благодарен. Может быть.

Почему я чувствовал, что он, может быть, не будет благодарен?

– Это личное, – в итоге сказал я. Это звучало очень глупо.

– Я понимаю, парень, понимаю. Но я всегда здесь, – сказал он, положив руку мне на плечо. – Если тебе нужно о чём-то поговорить, дверь моего офиса всегда открыта.

Я вдруг почувствовал, что, может быть, я действительно хочу поговорить с ним. О моих амбициях и, возможно, о том, что я мог бы сделать как часть компании в будущем. Но не только об этом. Я хотел рассказать о моём деде и о том, как я был растерян, когда моя мама просто свалила его нам на голову. И почему было несправедливо то, что ей приходится так много работать. И как я теперь был вынужден носить его рубашки, потому что я не мог позволить себе ничего больше. На мне всё ещё было слишком много вины, чтобы тратить деньги на себя. Не сейчас, во всяком случае.

Я, конечно, не сказал ничего из этого. Я просто последовал за ним через вестибюль и сел в ожидавшую нас машину. Внутри было очень чисто и пахло кожей. Сиденья были мягкими на ощупь. Кроме того, там было так много места, что я мог почти полностью вытянуть ноги.

– Хорошая машина, правда? – сказал мистер Дрю, улыбаясь мне.

– Очень хорошая машина, сэр, – сказал я.

Он подмигнул мне, а затем откинулся на спинку сиденья, повернув голову к окну. Так что я сделал то же самое и наблюдал, как мой город проносится мимо

необычным, новым способом. За всю свою жизнь я нечасто бывал в машинах. Конечно, я проезжал в задней части грузовика Зипа квартал или два, даже ехал на бампере старого потрёпанного драндулета Ника. И я брал такси время от времени, но не так уж часто и всегда за чужой счёт. Так что видеть мир с улицы, хоть раз стать частью потока транспорта, а не просто уворачиваться от него, знаете, заставило меня почувствовать себя по-настоящему важным. Заставило меня чувствовать себя хорошо.

Мы проехали по Пятой авеню и остановились перед магазином напротив парка. Я вышел на тротуар. Женщина в большой шляпе чуть не налетела на меня, а я чуть не раздавил её маленькую белую пушистую собачку своими большими клоунскими ногами.

– Что думаешь? – спросил мистер Дрю, когда мы смотрели на переднюю часть небольшого шикарного магазина костюмов. В витрине стоял идеально сшитый костюм в тонкую полоску с блестящими чёрными лоферами, которые блестели на послеполуденном солнце.

– Я думаю, к чему вы заговорили о м-ре Шварце, – ответил я.

Мистер Дрю рассмеялся и хлопнул меня по спине.

– Заходи, Бадди, – сказал он.

Мы вошли внутрь. Было темно, но я не видел никакой пыли, летающей в лучах света. Вместо этого всё сияло, даже деревянные стеллажи. Во всём этом было какое-то свечение.

К нам подошёл лысоватый мужчина в маленьких круглых очках и простом тёмно-синем костюме. На шее у него была намотана измерительная лента, и это выглядело так хорошо, что я подумал, что, возможно, это была новая тенденция в моде, вроде того, что люди носят на улице.

– Мистер Дрю, входите, – сказал он. – Давайте посмотрим, как вам подойдёт этот смокинг.

Тогда я понял лучше. М-р Шварц не делал модных нарядов. У него было немного клиентов.

Я ждал, пока мистер Дрю переоденется в свежий чёрный смокинг, и удивлялся, насколько он был аккуратным и чистым. Он стоял, широко раскинув руки, пока портной измерял его лентой, делая небольшие заметки в блокноте.

– Всё так же меряете людей, – усмехнулся мистер Дрю.

– Конечно, мистер Дрю, – ответил портной.

– Что-нибудь выяснили?

– У некоторых людей очень длинные руки, – ответил портной.

Мистер Дрю от души рассмеялся.

Затем он повернулся ко мне.

– Как я выгляжу, Бадди?

– Очень хорошо, – сказал я. Я ощутил острую боль внутри, сидя в зудящей рубашке моего деда. И в брюках с зашитой на колене дырой.

– Мы устраиваем вечеринку, от студии. Большое шикарное сборище. Отель на крыше. Танцоры. Работы. – Мистер Дрю широко улыбнулся.

– Звучит великолепно, – сказал я. Потому что так оно и было.

– Нужно хорошо выглядеть. Нужно, чтобы все они думали... – он сделал паузу. – Нужно, чтобы все они *знали*, Бадди. Знали, что мы серьёзно относимся к делу. К расширению во всех смыслах.

– Театр, – сказал я, вспоминая.

Мистер Дрю посмотрел на меня и кивнул.

– Именно.

– Значит, дела в студии идут хорошо, – сказал я, чувствуя облегчение.

Мистер Дрю как-то смешно посмотрел на меня.

– Что ты под этим имеешь в виду?

– О, ну, понимаете. Люди говорят, что... ну... как бы... – Я замолчал, потому что смешное выражение лица сменилось каким-то ещё более странным. Более суровым.

– Кто говорит?

Я взглянул на портного, который на мгновение приподнялся на прилавке, чтобы написать что-то в своём блокноте. Его взгляд скользнул вверх по мне, а затем вниз.

– Э-э, никто, на самом деле. Просто, когда меня поймали, когда я брал вещи из кладовки, и мне сказали, что мы не можем позволить себе тратить материалы и... ну... знаете...

– Мисс Ламберт? Да, ну, она хороший работник, но она женщина, Бадди, – сказал мистер Дрю, глядя вперёд и вытягивая в сторону шею.

– И что это значит?

– Это значит, что они не всегда разбираются в бизнесе.

Я не был уверен, что верю в это. Мама прекрасно разбиралась в деньгах и много работала. И Дот, казалось, знала обо всём, что происходило в студии. Иногда даже больше, чем, похоже, знал сам мистер Дрю.

– Послушай, это правда, парень, – продолжал мистер Дрю. Теперь он смотрел на себя в зеркало, и казалось, будто он разговаривает со своим отражением. – Всегда найдутся люди, которые попытаются тебя сломить. Это может быть саботаж - это легко, потому что ты можешь увидеть его прямо перед своими глазами. Это могут быть слухи и сплетни. Но самое худшее - это предательство, Генри, самое худшее. Когда считаешь, что кто-то понимает план, когда считаешь, что кто-то является частью команды. Когда принимаешь кого-то и делишься с ним всеми своими видениями будущего. Это всё равно что делиться частичкой своей души, парень.

– Видение - это важно, – ответил я, вспоминая случай на мостике в театре. Но я не мог игнорировать странность того, что меня называли «Генри». Люди всё время путались - чёрт, даже я путал имена своих друзей по соседству, хотя знал их с самого

рождения. Но это имя... то же самое имя было вырезано на моём столе. Это немного пугало меня.

Мистер Дрю повернулся ко мне. У него был такой глубокий взгляд, как ничто больше. Смотрящий сквозь мои глаза, даже не в них.

– Именно, ты понимаешь это, понимаешь. – Он сошёл с маленькой платформы, на которой стоял, и подошёл ко мне. – Бадди, ты идёшь на эту вечеринку.

– Я иду?

– Я приглашаю тебя. Ты должен видеть, что мы делаем. Ты должен быть частью этого.

Я хотел быть, и был в восторге от этого. Я не знал, нужно ли мне ею быть, но я был только за.

– Знаешь, что ещё тебе нужно? – спросил мистер Дрю.

Я отрицательно покачал головой. У меня был список потребностей в моей жизни: деньги, безопасность, еда. Но я не думаю, что мистер Дрю имел в виду именно это.

Мистер Дрю улыбнулся мне.

– Тебе нужен смокинг.

* * *

Раньше мне никогда не шли костюмы. Ну, это было не совсем так. Мама всегда выпускала мне рубцы и имела волшебный способ продлить жизнь всей моей одежды, заставляя меня стоять как манекен в витрине магазина. Но раньше у меня не было смокинга, и я определённо не покупал его в шикарном магазине в Верхнем Ист-Сайде. Смокинг был сделан не с нуля, как у мистера Дрю. Это был один из тех, которые возвращали портному по какой-то причине, один из тех, которые он перепродавал. Поэтому он выпустил низ брюк, что всегда мне делали, и немного подтянул талию, причём сделал это так быстро, что нам с мистером Дрю почти не пришлось ждать, прежде чем мне вручили красивую чёрную сумку с торчащей из неё вешалкой.

Обычно я носил такие сумки для других людей. Но эта была моей.

И это всё меняло.

– Что думаешь, парень? – спросил мистер Дрю, когда мы забрались обратно в его машину.

– Я думаю, это прекрасно, спасибо, сэр. – Я всё ещё был в шоке от всего этого.

– Это ничто, – сказал мистер Дрю, махнув рукой. – Итак, парень, где ты живёшь?

В тот момент я не знал, что сказать. Не то чтобы я не знал ответа, просто...

– Эй, Бадди, – сказал он, положив руку мне на плечо. – Я знаю, каково это. Тебе не нужно стыдиться.

Я посмотрел на него. Трудно было не стыдиться. Дело было не только в том, что я рос в своём районе или был беден. Это уже было достаточно плохо. Дело было в том, что я жил в многоквартирном доме, квартиру в котором делил с мамой и дедом. Где все квартиры на моём этаже и одна внизу делили между собой одну маленькую ванную комнату. Где вода иногда отключалась по случайным причинам, а свет жужжал слишком громко.

Как я мог этим гордиться?

– Нижний Ист-Сайд, – сказал я.

– Отлично! – Он наклонился вперёд, чтобы поговорить с водителем, а я откинулся назад, желая исчезнуть на своём сиденье.

Вскоре мы тронулись, и мистер Дрю заговорил о том, что Нью-Йорк был величайшим городом в мире, и что Лос-Анджелес не имел никакого отношения к тому, что мы делаем здесь с анимацией, и что актёры здесь намного лучше, и как он любит времена года и ненавидит пальмы. И я не мог согласиться или не согласиться, потому что я никогда не покидал город, и в любом случае, тем сильнее сжимался узел внутри меня, чем ближе мы подъезжали к моему району.

В который мы в итоге и приехали. Я ненавидел его уродливость. Какими высокими были здания. Как они выглядели, будто могут упасть друг на друга. Постиранное бельё, свисающее с окон, продуктовые лавки вдоль узкой улицы. И люди. Очень много людей, кричащих друг на друга. Даже если они не злились. Просто шум, жара и этот запах. Этот запах, о котором я вам говорил. Мочи. И рвоты. И пота.

– Какая твоя улица, Бадди? – спросил мистер Дрю.

– Вы уверены? – сказал я. Мне совсем не хотелось показывать её ему.

– Разве ты не хочешь показать этим людям, как выглядит настоящий успех? Разве ты не хочешь, чтобы они увидели, к чему приводит усердная работа? Они должны восхищаться тобой, Бадди, – сказал мистер Дрю, когда мы проезжали мимо Мясной Лавки Зингера.

Насколько мне было известно, все в моем районе работали не покладая рук. Насколько мне было известно, они работали до изнеможения. Вот почему мы были районом сгорбленных спин, загорелой кожи и худых угловатых лиц. Вот почему здесь никогда не было тихо. Люди суетились даже в два часа ночи. Но я понял, в чём, он имел в виду, дело. Дело в том, что мне удалось выбраться, и этому можно было позавидовать. Я чертовски уверен, что обошёл тех, кто смог выбраться до меня. Была разница между хорошей усердной работой и плохой усердной работой.

По крайней мере... именно это я чувствовал тогда. В тот момент. В той шикарной машине с моим новым смокингом я чувствовал себя - ну, сейчас мне стыдно за это, но в тот момент я чувствовал... превосходство.

Я направил мистера Дрю к входной двери нашего дома. Было трудно добраться туда с людьми, которые начали собираться, и водителю пришлось двигаться

медленно. Из окон выше высунулись головы, и я заметил, как Тимми Шарп выбежал из магазина своего отца, чтобы заглянуть в машину. Я помахал ему, и он выпрямился, крикнув:

– Бадди Левек в этой машине! – Что ж, это только ещё больше приблизило толпу, и я увидел, что выражение лица мистера Дрю теперь было уже не такое счастливое. Оно было обеспокоенным. Может, он боялся, что мы можем сбить кого-нибудь машиной.

Нет, это не так. Это то, что я сказал себе тогда.

Но это моя история, и мне больше не нужно выдумывать ложь. Не после того, что я знаю сейчас.

Это было не беспокойство.

Это было отвращение.

Мы остановились.

– Ну, тебе лучше убраться отсюда, Бадди. Твои поклонники ждут, – сказал он. Он улыбался, но теперь казался нетерпеливым. И я был сбит с толку, потому что, в конце концов, это была его идея.

Я кивнул, взял сумку и выскользнул из машины. Почти в тот момент, когда мои ноги коснулись тротуара, мистер Дрю уже стал отъезжать. Я не винил его в том, что он хотел уехать от всего этого. От этого мне стало ещё более стыдно.

– Эй, Бадди, могу я заказать три таких? – спросил Тимми, указывая вслед машине мистера Дрю.

Я улыбнулся, но не знал, что сказать. Я не был силён в шутках.

– Кто это был, Бад? – спросила Молли О'Нил.

– Мой босс, – ответил я, пытаюсь протиснуться сквозь толпу, чтобы добраться до своей двери.

– Ты работаешь в той шикарной студии, верно? – спросил Тимми.

– Да.

– Ты ведь вспомнишь нас потом, правда? – крикнул м-р Голдман с другой стороны улицы. – Эй, Бадди, ты ведь вспомнишь нас потом!

Я помахал ему и улыбнулся. Я прошёл в дверь.

– У Билли вечеринка в субботу, ты должен прийти, – сказала Молли.

– Может быть, – сказал я, но этого не произойдёт. Я не собирался идти на одно из сборищ Билли, где люди пьянели и всегда вспыхивали драки.

Затем я закрыл дверь. Наверное, можно сказать, что я закрыл её перед их носом, но они не отходили, и я чувствовал себя ошеломлённым. Мне всегда хотелось произвести впечатление на соседей, но я не представлял, сколько чувств это вызовет во мне.

В основном я мог думать только о лице мистера Дрю и о том, как быстро он уехал. От этого у меня разболелась голова.

Я добрался до пустой квартиры и был рад этому. Мне не хотелось ни с кем разговаривать, объясняя «как прошёл мой день». Мне также не хотелось практиковаться в рисовании. Я просто хотел лечь на кровать и смотреть в потолок. Я аккуратно повесил смокинг в шкафу рядом с двумя выцветшими костюмами деда.

Я подошёл к кровати и уставился на неё. Я посмотрел на комод. На страницы с рисунками на нём. Я переполз через кровать и схватил пачку, прежде чем перевернуться и лечь на спину, глядя на потёки над головой. Ребёнком я воображал, что это река, и создавал в своём воображении маленькие города, которые жили вдоль неё. Придумывал дома и даже выбрал один для себя, мамы и папы. Когда-нибудь мы будем жить там, где хватит места для всех. Места, чтобы дышать.

Я взял один из своих рисунков. Один из пухленьких ангелочков с какого-то потолка где-то в Европе. Сначала это были круги, но теперь всё выглядело почти как на картине. Никогда бы не подумал, что буду рисовать пухленьких ангелочков. Никогда бы не подумал, что это необходимо. Но теперь я понимаю всё лучше. Простые линии, из которых получался Бенди, всё ещё основывались на человеческих фигурах. На классических ракурсах. Мне удалось нарисовать его идущим, и это выглядело как настоящая ходьба.

Я заметил, что одно из моих крыльев ангелочка было на странице только наполовину. Это не имело для меня никакого смысла. Почему я мог не нарисовать крыло полностью? Это было частью упражнения.

Я сел. Это напомнило мне ковбоя деда с этого полудня. То, как он соскользнул со страницы.

Я посмотрел на следующий листок в своей руке, и на следующий. Неужели я схожу с ума? Разве они все не кажутся немного другими? Разве все рисунки соскальзывали?

Или это просто мой разум? Может, это просто мой разум куда-то ускользал...

Я бросил страницы на пол рядом с собой и прикрыл глаза рукой. Всё казалось горячим. Моя рука, моя голова, мой мозг.

Мне просто нужно было, чтобы всё остыло.

Чтобы все остыли.

Конечно, этого не произойдёт.

Говорят, со сковородки в огонь.

Прямоком в пламя.

14

Время шло. Говорят, что когда дела идут хорошо, время движется быстрее; когда дела идут плохо, оно движется медленнее. Я это заметил. Но иногда мне кажется, что время принимает свои собственные решения.

Я не могу сказать, сколько времени прошло здесь. В капающей темноте. Я не могу сказать, всё это произошло только вчера или же много лет назад. Или, не знаю, происходило ли всё это вообще.

Я хочу рассказать о Сэмми. О том, когда он исчез. Я хочу дойти до этой части истории. Но дело в том, что мы замечаем, что кто-то пропал, только спустя время. Как будто часы тикают как обычно, а потом вдруг пропускают тик. И мы поднимаем взгляд. И мы ничего не слышали на самом деле. Но что-то внутри нас это заметило. Что-то заставило нас приподняться. И удивиться.

С Сэмми всё было не так. Не совсем. Это был не маленький пропущенный тик. Хотя для музыкального руководителя это имело бы некоторый смысл. Смешным образом. Но это было не смешно.

Всё началось через две недели после того, как я получил смокинг. После того, как мистер Дрю пригласил меня на вечеринку. Я направлялся в свою самую нелюбимую часть студии, Музыкальный Отдел, когда столкнулся с той странной скрипачкой, с которой я виделся в свой первый день. Я так и не узнал её имени. Музыкантов можно было встретить нечасто, и, в любом случае, у меня от неё были мурашки по коже. Она всегда выглядела как призрак.

Её волосы всё ещё были прямыми и чёрными, и она была в той длинной чёрной юбке и свитере, хотя, да, возможно, погода была на градус прохладнее теперь, когда настал сентябрь, но на самом деле температура не сильно изменилась. Она не остановилась. Я даже не был уверен, что она заметила меня. Она обошла меня и пошла дальше, вот и всё.

Но позже в тот же день я услышал, как Дэйв говорил о том, что музыканты оказались заперты в Музыкальной Комнате.

– В чём проблема? – спросил Ричи, закатывая мятый рукав и почёсывая бицепс. – Возьми мастер-ключ.

– Я так и сделал. Похоже, кто-то забаррикадировал дверь, – ответил Дэйв. Мы все смотрели на него. Старик никогда не говорил, казалось, даже не помнил, что мы были здесь. – Это всё, что я знаю, – добавил он, и затем, как будто отключившись, вернулся к работе, перелистывая две страницы, чтобы убедиться, что изменения в рисунках руки Бориса от кадра к кадру были правильными.

– В этой истории должно быть что-то ещё, – сказал мне Джейкоб.

Что-то связанное с чернилами, подумал я, но вслух ничего не сказал. Потому что это было странно, говорить такое.

Три дня спустя, когда прошло достаточно времени, но не так много, чтобы люди это заметили, Тоби из Бухгалтерии упомянул, что Сэмми не пришёл за своей зарплатой. Опять же, мы, рабочие, знали об этом только потому, что сам мистер Дрю метался по зданию, сердито бормоча об этом. Опрашивая людей, которых встречал по пути. Мне не казалось, что гнев соответствовал ситуации, но потом подумал, что, возможно, у него на уме было нечто большее, чем просто пропавший музыкальный руководитель.

– Это из-за машины, – сказала Дот, когда мы обедали.

– При чём здесь она? – спросил я. Она всегда говорила такие вещи ни с того ни с сего.

– Что-то работает не так. Я слышала, как он кричал на Тома.

– Он кричит на всех, – ответил я.

– Да. Но поверь мне. Мы хотим ответов? Нам нужно найти эту машину, – сказала она.

Я не мог с уверенностью сказать ей, что не был заинтересован в дальнейшем расследовании. То, что существо рядом с Лазаретом больше не вызывало у меня любопытства, просто заставляло меня держаться подальше. После похода в магазин костюмов с мистером Дрю, всё, чего я хотел, так это рисовать и показывать мистеру Дрю, что я могу. Я просто хотел работать.

Но потом Сэмми пропал.

Официально.

Его не было больше недели. Но когда появилась полиция и начала разговаривать с людьми, мы поняли, что это было большее, чем просто то, когда кто-то берёт выходной.

Вопросы были прямыми.

– Когда вы видели его в последний раз? – И тогда я вспомнил, что в последний раз я видел его, когда он ворвался в Художественный Отдел в поисках чернил. Мне стало очень не по себе.

Но потом дела приняли другой оборот.

Я помню, как пришёл на работу, снаружи была полиция, а студия была закрыта. Я помню, как Ричи сказал мне, что кто-то вломился и разнёс всё к чертям. Что они расследуют возможную кражу со взломом. Я помню, как мистер Дрю выскочил из

машины и стал кричать в лицо детективу что-то о саботаже. Видеть, как он кричит, было ещё хуже, чем видеть, как выходил из себя м-р Шварц. Чем видеть, как даже выходил из себя Сэмми. Это было неприятно и немного пугающе. Особенно по сравнению с тем, каким он обычно казался.

Я помню, как нашёл Дот во всём этом беспорядке. Или, может быть, она меня нашла.

– Думаешь, это кража со взломом, Бадди? – спросила она.

– Нет, конечно, – сказал я даже более уверенно, чем это чувствовал.

– Значит, ты пойдёшь со мной сегодня вечером, когда все уйдут. Чтобы проверить это, – сказала она. Она даже не спросила. Если бы она спросила, я бы, наверное, сказал «нет». С другой стороны, я всё ещё мог сказать ей, что не хочу. Она не имела никакой власти надо мной.

Факт в том, что, несмотря на все мои опасения, мне всё ещё было любопытно. Но дело было не только в этом. Видеть мистера Дрю таким расстроенным, видеть, как он трясётся от ярости и то, как он оказался за пределами собственной студии. Что ж, это заставило меня захотеть всё исправить. И если мы с Дот сможем выяснить, что произошло, разгадать тайну, он будет благодарен за это. В конце концов, у меня были амбиции.

А у Дот был ключ.

* * *

Полицейские ограждения всё ещё стояли в тот вечер. Но полиции не было. Студию никто не охранял.

– Мы правда хотим это сделать? – спросил я. Я даже не смог бы нарисовать более зловещую картину, если бы попытался. И в данный момент, ну, я начинал понимать, что мои усилия в рисовании были не такими уж впечатляющими. Спокойствие. Тёмный вид здания. Надпись «Не входить». Дело в том, что даже уличный фонарь над головой был тёмным. Перегорела лампочка или что-то в этом роде.

Дот не очень волновала атмосфера, она была в реальном мире.

– Готов? – спросила она. Она легко проскользнула под лентой, пересекающей входную дверь, и открыла её, прежде чем я даже успел перебежать улицу и броситься за ней. Она была маленькой, но быстрой.

Внутри студия сильно напоминала мне тот день, когда я впервые увидел её. Когда произошло отключение электричества. От этого я стал чувствовать себя странным образом лучше, потому что это было что-то знакомое. Но от этого я не стал чувствовать себя в полной безопасности.

Дот включила фонарик.

Потому что она взяла с собой фонарик.

Потому что она всегда думает наперёд.

– Не думаю, что нам стоит включать свет. Мы же не хотим привлечь внимание к зданию, – сказала она и пошла дальше. – И держись подальше от окон, хорошо?

– Да, – сказал я, что было не совсем правильным ответом, но сейчас я чувствовал себя очень неуютно. Я знал, что Дот была уверена, что за всем странным и жутким в студии стоит Сэмми. И я хотел доверять ей, как и большинству других вещей.

Но я не мог забыть дыхание на своём лице.

Большой отпечаток руки на моей рубашке.

Для меня не имело смысла, что всё это был... ну... человек...

И для меня также не имело смысла, что это был не человек.

Однако я не хотел её пугать. И я не хотел пугать себя. Но я боялся того, что пряталось в тёмных углах.

Мы вошли в лифт. Это были странные ощущения. Чувствовать движение, но видеть только Дот и часть освещённого потолка. Трудно было поверить, что мы вообще двигаемся. Дот ничего не говорила, но выглядела такой же решительной, как и всегда, держа фонарик чуть ниже плеча. Её очки создавали большие тени вокруг глаз, обрамляя их так, что казалось, будто она была в маске. Она была супергероем.

Лифт с лязгом остановился, и мы вышли в тёмный коридор. *Вот мы и снова здесь*, подумал я. Мы шли по знакомому коридору, и Дот светила фонариком по сторонам, чтобы можно было видеть больше, чем просто дорогу.

– Бадди, смотри, – сказала она. Свет уловил блеск чего-то на стене. Она подошла ближе, но в этом не было необходимости. Я и так знал, что это было. – Чернила, – сказала она. Она провела лучом фонарика по стене от нас. Свет становился ярче и открывал нам густые следы чернил, как будто их провели рукой, но размером побольше. В конце стены виднелись более крупные брызги, как будто кто-то бросил в неё ведро с чернилами. Вылил их на пол и разбрызгал повсюду.

– Неудивительно, что они всё закрыли. Я даже не знаю, как они станут это убирать. Это был кто-то злой, – сказала Дот.

– Ты думаешь, это сделал Сэмми? – спросил я.

– А кто же ещё? – она продолжила идти.

Я не думал, что это сделал Сэмми.

В этом я чувствовал себя более уверенным. Сэмми не мог сделать всё это, а потом просто исчезнуть. Это сделал кто-то другой... а затем сделал что-то с Сэмми.

Как только я подумал об этом, я услышал его.

Теперь мне интересно, действительно ли это произошло именно так. Что я подумал, а потом услышал дыхание. Может быть, сначала я услышал дыхание. В этом было бы больше смысла. Я не настолько умный.

Сначала я подумал, что это мой разум играет со мной злые шутки. Как с чернилами, соскальзывающими с бумаги. Но потом Дот остановилась и сказала:

– Тсс. – И я понял. Я понял, что она тоже это слышала.

Мы остановились и стояли в полной тишине.

Вот только мы не могли стоять в тишине.

Не со звуком влажного дыхания, преследующего нас откуда-то сзади. Не с внезапным ударом по полу. И ещё одним.

Я заметил, что свет фонарика Дот тускнеет. Какой подходящий момент, чтобы погаснуть. Я обернулся и увидел освещённое светом лицо Дот, которая в ужасе уставилась на то, как в луч стали заползать тени. Могло показаться, что вода собиралась вокруг нас, но я знал, что это была не вода.

Ещё один удар и ещё.

Дыхание становилось всё громче и громче.

Свет становился всё тусклее и тусклее.

– Бежим! – громко прошептал я и подтолкнул Дот. Я даже не думал об этом, я просто побежал. И она побежала. Не спрашивая почему, не пытаясь придумать лучший план. Она просто побежала. И я побежал.

Оставшийся свет отскакивал от стен, так что трудно было сказать, в каком направлении мы двигались. Он скользнул по плакату, и вдруг с него нам улыбнулся Бенди, словно выскочил из-за угла. Я ахнул, но плакат вскоре был позади. Как и дыхание, которое становилось всё громче и громче. Дыхание тяжело дышащего. Дыхание большого крупного животного, которое преследовало нас. И догоняло.

Я едва разобрал слово «Музыкальная», как Дот крикнула:

– Сюда!

Мы бросились к двери Музыкальной Комнаты и, как бы мы ни попали внутрь, как бы мы ни прошли в неё, мы были внутри, и дверь захлопнулась за нами. Я тяжело прислонился к ней, задыхаясь, с исходящим отовсюду страхом.

– Бадди, смотри, – тихо, но настойчиво сказала Дот. Она направила фонарик мне под ноги. Я посмотрел вниз. Тени просачивались под дверь, и её свет снова замерцал.

Я быстро отскочил от двери, вбежав в комнату и врезавшись в Дот, которая немного оступилась. Я инстинктивно схватил её за руку, чтобы не отстать. Она не сопротивлялась. Её свет, всё ещё мерцая, осветил стену.

Больше чернил.

Затем она повернулась, чтобы осветить комнату.

Сломанные стулья и пюпитры. Инструменты были разбросаны по всей комнате.

И чернила.

Чернила повсюду.

– Ты его слышишь? – прошептала она. – Я не слышу.

Я напряг слух, прислушиваясь к влажному дыханию, к шагам.

– Нет. Посвети снова на дверь, – прошептал я в ответ.

Она посветила и ахнула. Мы оба мгновенно отступили назад, всё ещё держась друг за друга. Чёрные тени стали ещё длиннее и теперь, похоже, тянулись вверх, словно взбираясь по лучу фонарика. Как пальцы, пытающиеся схватить нас.

– Выключи его, выключи! – в панике сказал я.

Я слышал, как она возится с фонариком, а потом раздался щелчок. Мы стояли там, в крошечной темноте. Единственное дыхание, которое я слышал, это наше. Я крепко сжался, готовясь к тому, что тени найдут нас, обернутся вокруг нас.

Ничего не произошло.

– Что *это было*? – сказала Дот волнующимся шёпотом.

– Это было существо. То существо из Лазарета, – прошептал я в ответ, отчаянно пытаюсь говорить и при этом не шуметь.

– Я не понимаю, – прошептала Дот, её рука дрожала в моей. – Это не имеет никакого смысла. Тени, звуки.

– Тсс!

Она мгновенно затихла. Я не знал, что именно услышал, но это пробудило мои чувства. Я закрыл глаза. Несмотря на крошечную тьму, я закрыл глаза. Пытаюсь услышать сквозь темноту, как будто сама темнота была густым и приглушённым звуком.

Очень тихо.

Слишком тихо.

– Как думаешь, оно ушло? – спросила Дот.

Грохот.

Мы оба закричали.

– Включи свет! – сказал я, и за моей спиной послышалось паническое движение, когда Дот стала возиться с фонариком. Луч был тусклым, очень тусклым, когда падал на пол.

Но его было достаточно, чтобы разглядеть тело, покрытое густыми чернилами, на полу перед нами.

– Бадди, – ахнула Дот.

Я наклонился. Я уже испытывал такое раньше. Я испытывал то же самое чувство раньше. В Музыкальной Комнате. Склонившись над телом, покрытым чернилами.

Голова дёрнулась, и я налетел на Дот. Она споткнулась, и свет на мгновение задрожал.

Я уставился на тело.

Оно подпирало себя руками, согнутыми в локтях, выставив лопатки. Завеса волос упала на лицо, теперь с чернилами, стекавшими по ним, как будто сами волосы были чернилами.

Я знал эти волосы.

– Он здесь, – прохрипел знакомый голос.

Голова внезапно повернулась, а затем тело с неприятным ударом рухнуло на деревянный пол.

– Что это такое? – спросила Дот, её голос был высоким и дрожал.

– Скрипачка, – ответил я, с трудом выговаривая слова.

– Кто?

Я потянулся к Дот. Мне был нужен фонарик. Мне был нужен свет. Я был в полной панике, и всё, что я знал, так это то, что он был здесь. *Оно* было здесь.

Каким-то образом Дот поняла и вложила фонарик в мою трясущуюся руку. Я резко провёл им по комнате, едва улучив момент, чтобы увидеть, что углы были пусты, игнорируя приближающиеся тени, тусклый свет, мерцание. В каждом направлении, во все возможные стороны. Я провёл лучом вниз, вокруг и обратно к двери, и беспорядок в комнате сделал всё это похожим на лихорадочный сон, как будто у меня кружилась голова.

Ничего. Никого.

Я остановился, слабый луч света снова упал на скрипачку.

– Откуда она взялась? – прошептала Дот. – Она не могла просто появиться.

Я отрицательно покачал головой. Без понятия.

– Её как будто... – Я не закончил свою мысль.

Последовала пауза, а затем Дот закончила мою фразу:

– ...сбросили.

Медленно и с глубоким вздохом я навёл мерцающий слабый луч вверх над нами и посмотрел.

Что-то мокрое. Чёрное. Стекающее. Фигура. С чем-то острым, сверкнувшим на свету. Острым, как зубы.

А потом фонарик погас в тених.

15

Вой. Тот же вой из Лазарета, но на этот раз больше похожий на рёв. Он прорвался сквозь темноту, пронзил мой мозг, и я почувствовал, как меня охватывает знакомое парализованное чувство. Я был в ловушке. Это было оно. Это было оно. Дот взяла всё в свои руки и сильно дёрнула меня за руку, чтобы я пошевелился, а затем последовал за её бешеным рывком через комнату, когда ту заполнили громкий удар, звуки царапанья и влажного дыхания. Мы продолжали бежать, от всего, не зная, что происходит и где мы. Мы сильно врезались в край сцены, упали на пюпитры, выронив фонарик, и я попытался подтянуться вперёд, всё ещё держа её за руку.

– Бадди, стой, стой, послушай, – сильно прошептала она мне на ухо.

Я не мог остановиться, не осмеливался остановиться. Нам нужно было как-то уйти отсюда.

– Послушай.

Я скрёб по сцене, чувствуя занозы под ногтями.

– Стой! – Она выкрикнула это. Вслух. Так громко, что кто-нибудь или что-нибудь могло услышать.

Я остановился. Я остановился, даже несмотря на то, что всё моё тело тряслось. Даже несмотря на то, что всё во мне требовало, чтобы я бежал.

Тишина.

Не та ужасная тишина, что была раньше.

Другая тишина.

Я услышал Дот в тишине. Я услышал, как она что-то искала, а затем... появился сплошной луч света.

Я повернулся, чтобы посмотреть на неё, на её лицо, всё ещё в тени, но теперь видимое в полосе света. Было очень приятно снова видеть её лицо. Она кивнула мне, чтобы показать, что с ней всё в порядке, а затем повернула луч.

Скрипачка исчезла.

Существо исчезло.

Осталось только чёрное чернильное пятно.

Дот посветила фонариком вверх.

Ничего.

Только больше чернил. Немного капающих. Теперь я слышал это. Слабые капли время от времени.

Она ещё раз осмотрела комнату с фонариком, но даже когда она это сделала, я понял, что мы оба знаем, что, что бы это ни было, что бы за существо это ни было, оно исчезло. Тени исчезли.

Наконец Дот повернулась, снова направив луч вниз, и спросила:

– Ты в порядке?

Я не знал, как ответить на этот вопрос. Мне не было больно. Но страх, ужас от того, что мы видели. Мне казалось, что я был не в порядке. Как будто внутри. Например, когда у человека внутреннее кровотечение.

Внезапно в комнате вспыхнул свет, ослепив меня. Я поднёс руку к лицу. Что сейчас произошло? Моё сердце бешено билось, и я не мог сглотнуть. В ужасе от этого зверя.

– Норман? – позвала Дот.

Я убрал руку от лица. Было ещё слишком светло, чтобы что-то разглядеть, но я увидел рядом с собой Дот, которая смотрела вверх на заднюю стену. Я тоже посмотрел. Всё, что я увидел, это яркий белый круг света надо мной. Мерцающий.

– Норман, это ты? – снова крикнула Дот.

– Привет, маленькая леди, – раздался сверху знакомый голос.

– Какого чёрта ты здесь делаешь? – Она заслонила глаза от света, и я сделал то же самое.

– Ну, сейчас я могу задать вам тот же вопрос, – сказал он.

Я уставился на яркий свет. Это казалось неправильным, как будто мы разговаривали с проектором, а не с реальным человеком.

– Ты видел это? Ты видел, что произошло? – спросила Дот.

Последовала пауза.

– Вы двое в порядке? – ответил он.

– Мы в порядке. Ты видел, что произошло? – спросила Дот.

– Не в этот раз, – сказал он. – Но слышал. Поэтому я и пришёл.

Дот повернулась ко мне.

– Пойдём поговорим с ним. – Я тут же покачал головой. Вход в Проекционную Будку находился за дверью. Ни за что. Я ни за что не выйду из этой комнаты, не сейчас, не с чем-то снаружи. – Давай, здесь безопасно, – сказала она успокаивающим голосом. – Нам просто нужно следить за светом.

– Безопасно? – спросил я. Я не мог в это верить. – Ты шутишь? Мы должны выбраться отсюда!

– Вам двоим, наверное, стоит немного подождать, прежде чем возвращаться к лифту, – сказал Норман. – Она права насчёт света.

– Откуда вы знаете? – спросил я, резко обернувшись. Я в злости крикнул это ему. Что вообще кто-то из нас на самом деле знал об этом существе? Всё это не имело смысла с самого начала, так откуда им знать, что снаружи мы будем в безопасности?

– Я знаю, – сказал Норман.

– Ну же, – сказала Дот. Я снова покачал головой, но, конечно, я не мог удержать Дот. И я определённо не собирался оставаться. Я последовал за ней к двери, и она осторожно открыла её, посветив фонариком за угол. Она снова посмотрела на меня.

– Всё хорошо, луч спокойный. – И тут я с замирающим сердцем выскочил из Музыкальной Комнаты вслед за Дот, поднялся по лестнице на небольшой балкон, который служил Проекционной Будкой Нормана, и быстро захлопнул за собой дверь.

На меня нахлынула волна облегчения, но вместо страха меня на самом деле поразила реальность всего, что с нами произошло. Это существо. Это чернильное существо. Скрипачка. Её тело на полу. Лежащее там. Было слишком много всего, слишком много. Я смотрел из будки на комнату внизу, крепко держась за перила. Мигающий, ослепляющий свет проектора образовывал идеальный прямоугольник на задней стене Музыкальной Комнаты. Он мерцал и освещал комнату, раскрывая беспорядок ещё более детально. Чернила на стенах, на полу.

Это место на полу. Где была скрипачка. Я перегнулся через перила и пригляделся. Чернильное пятно выглядело смазанным, как будто её тело утащили... куда-то. Пока чернила не были видны всё слабее и слабее, а затем исчезали.

– Привет, Норман, – услышал я голос Дот. Она казалась такой же измученной, как и я. Я повернулся и увидел, что она сидит на ящике, заполненном металлическими плёночными бобинами. Мне было некуда деться, поэтому я неловко прислонился к перилам.

– Теперь вы довольны? Видите, что происходит, когда всё время скрываешься? Вы двое и ваша скрытность, – сказал он, качая головой. Он сделал глоток из кружки, но я не был уверен, что в ней было кофе.

– Ты следил за нами? – спросила Дот.

Норман рассмеялся про себя.

– Никогда не видел, чтобы парочка подростков скрывалась так, как вы двое, и при этом совсем не дурачилась.

Я подавился воздухом и стал кашлять.

– Чувствительный парень, да? – спросил Норман, глядя на Дот.

– Это довольно грубо, – сказала она в ответ.

Норман пожал плечами.

– Ты знаешь, что происходит? – спросила она.

Он снова пожал плечами. Дот тяжело вздохнула.

– Норман, ты позвал нас сюда. Я думала, ты хочешь поговорить.

– Ну, – сказал он, медленно делая ещё один глоток из кружки и откидываясь на спинку стула. Это выглядело очень непринуждённо и совсем не так, как я себя чувствовал. И это только заставило меня ещё больше напрячься.

Норман на мгновение задумался, и в этот момент я подумал, как он похож на персонажа из комиксов. Старый джентльмен, сидящий на своём крыльце. У него был шейный платок вместо галстука.

– Если я скажу, что вы правы, что дальше? – Его морщинистое лицо светилось в мерцающем проекторе, а густые брови были такими острыми в середине, что это придавало ему почти дьявольский вид.

– Дальше ты расскажешь нам, – сказала Дот.

Норман взглянул на меня, окинул быстрым взглядом. Как люди делали в первую неделю, когда я был здесь. Но это было так, как будто он раньше не смотрел на меня по-настоящему.

– Ты хочешь об этом знать? – спросил он меня.

– Конечно. – Это был простой ответ. Я чувствовал напряжение и был уверен, что мы должны немедленно уйти отсюда, но всё же, если мы собираемся ждать, пока что-то не случится, тогда, да, конечно, мы хотим знать, что, чёрт возьми, происходит.

– Конечно, – сказал себе Норман. Он сделал ещё один глоток. – Он говорит это вот так, зная, что именно он навлёт на нас это существо. Конечно. Конечно.

Мне стало холодно, словно температура упала, и была зима. Как будто, если я заговорю, моё дыхание застынет.

– Что вы имеете в виду? – Но я знал, что он имел в виду. Он имел в виду Лазарет. Существо в комнате с запертой дверью. Дверью, которую я открыл.

Я выпустил его.

Я.

Это всё была моя вина.

– Что вы двое знаете о чернилах? – вместо этого спросил Норман.

– Мы знаем, что Сэмми помешан на них, – сказала Дот.

– Значит, не так уж и много, – сказал Норман.

– А что вы знаете? – спросил я, стараясь держать себя в руках.

– Всё.

Дот заёрзала на стуле, и я не мог сказать, было ли это потому, что она была взволнована, что может узнать правду, или раздражена тем, что он так уклонялся от вопросов.

– Расскажите нам, – попросил я.

– Что именно? – спросил он.

– Всё, – сказал я.

– Да, – сказала Дот с резкостью в голосе.

– Ладно, ладно, успокойтесь. Вы ведёте себя так, будто вам есть куда идти. Когда мы все знаем, что никому здесь, в этой студии, идти некуда.

Я не понял, что это значит.

– С начала, Норман, – сказала Дот.

Норман кивнул.

– С начала. – Он откинулся назад с кружкой и положил ноги на край стола, на котором стоял проектор. – Знаете ли вы что-нибудь о Генри?

16

Генри.

Имя, которое преследовало меня с самого первого дня. Имя, вырезанное на моём столе. Имя, которым назвал меня мистер Дрю, когда мы примеряли смокинги. Я предположил, что это было имя просто какого-то бывшего сотрудника, и кому вообще нужно о нём знать?

– Бывший деловой партнёр мистера Дрю, – сказала Дот. – Помог основать Студию Джоуи Дрю. Он создал Бенди.

– Создал Бенди? – в шоке сказал я. – Я думал... я имею в виду... я всегда считал...

– Многие люди так считают, – сказал Норман. – Не похоже, чтобы мистер Дрю их поправлял.

От этого мне стало неприятно. От этого подтекста.

– Он создал трёх главных персонажей, не так ли? – спросила Дот.

– Бенди и Бориса. Даже Элис, хотя её начали показывать только после ухода Генри. Да. Он был талантливым художником. И к тому же порядочным парнем. Насколько это вообще возможно для людей.

– От тебя это звучит как настоящий комплимент, – сказала Дот.

Норман громко рассмеялся.

– Наверное.

– Но какое отношение Генри имеет к чернилам? – Я хотел услышать продолжение истории, мне не нужно было знать о Генри и мистере Дрю.

– Что ж, Генри ушёл. Вы все это знаете. Он ушёл, желая проводить больше времени со своей женой Линдой. Ну, понимаете, такая работа может... отнимать время.

– Конечно, – ответила Дот.

Я кивнул, но с трудом сглотнул. Я подумал обо всех этих поздних ночах. Я подумал о попытке проявить себя. Я подумал о том, как давно я не разговаривал с мамой по-настоящему.

– И как, по-вашему, такой человек, как Джоуи Дрю, воспринял это?

– Воспринял что? – спросил я.

– Уход. У мистера Дрю было видение. Но Генри, у него был талант. Талант пропал, что теперь? Ничего личного, но, может быть, мистер Дрю воспринял всё как есть. Может быть, он решил, что ему не нужен Генри. Никогда не был нужен. Был нужен только талант.

Ничто из этого не имело никакого смысла, и со всем тем, что только что произошло, мыслью о каком-то монстре за дверью, и этим чувством, этим комком в горле при слове «видение», я просто не мог сопоставить всё вместе.

– Хорошо, значит, мистер Дрю нанимает талантливых людей, мы это знаем, – сказала Дот.

– И мы знаем, что с мультфильмами некоторое время всё было в порядке, после ухода Генри. Элис когда-то была популярна. Как и её оригинальная актриса, Сьюзи. Ты когда-нибудь встречалась с ней? – спросил Норман у Дот.

– Один раз, – ответила она.

– Милая девушка. – Он допил свой напиток и поставил кружку на стол. – Но всё же. Это длилось недолго. Со всем талантом в мире, и это длилось недолго. Он начал тратить деньги на парк развлечений, который никогда не построит.

Конечно, Норман тоже знал об этом.

– И на театр, – сказал я, обращаясь больше к самому себе.

– Какой театр? – спросил Норман.

– Студия начинает терпеть неудачи, – сказала Дот, возвращая нас обратно к теме разговора.

Норман кивнул.

– Ему нужно что-то, что-нибудь. Чтобы студия снова попадала в газеты. Чтобы снова привлечь инвесторов.

У меня в голове щёлкнуло.

– Машина, – сказал я. – Том Коннор.

– Да, – сказал Норман, глядя на меня. – Значит, вы знаете и о машине, – сказал он, как будто одобряя это.

– Вроде того, – ответил я. Я не мог не оглянуться через плечо, просто чтобы проверить, был ли свет всё ещё таким же ярким.

Он был.

– Мы знаем, что есть такая. Мы знаем, что Том Коннор работает над ней, – сказала Дот.

– Работал, – поправил Норман.

– Работал? – спросил я.

Норман поднял бровь.

– Работал.

Наступило молчание, когда, я полагаю, мы должны были спросить его, почему. Но затем Дот задала другой вопрос. Возвращая нас обратно к теме разговора. Как она всегда делала.

– Какое отношение машина имеет к чернилам?

– Чернила нужны для её работы.

– Труба, – выпалил я.

– Какая труба? – спросила Дот.

– Мне это показалось странным в тот первый день, когда Сэмми был весь покрыт чернилами, и мне пришлось их убирать. Они были из прорвавшейся трубы в кладовке. По трубе текли чернила. Но как...

Норман перебил меня:

– Я не знаю как, и я не знаю, что происходит. Всё, что я знаю, так это то, что все эти чернила входят и выходят, и когда они выходят, то каким-то образом становятся другими.

– Другие чернила. – Я подумал об этом. Теперь, когда кусочки начали собираться воедино, вещи стали иметь больше смысла в моём запутавшемся разуме. Я мог раскрыть больше проблем. – Чернила, которые искал Сэмми..., от которых он сходил с ума... – осторожно сказал я, глядя в глаза Дот.

– Да, – сказала она. – Конечно. Какое ему было бы дело до обычных чернил? Они везде. Мы анимационная студия. У нас они есть повсюду.

– Повсюду, – сказал я.

– Машина, – сказала Дот, поворачиваясь к Норману и наклоняясь вперёд. – Ты сказал, что мистеру Дрю нужны чернила для машины. Норман, что делает машина?

Я затаил дыхание в ожидании ответа. Я почти чувствовал, что не хочу его знать.

Норман только покачал головой. Он убрал ноги со стола и сел ровно.

– Хотел бы я знать. Я вижу только то, что замечаю. И мистер Дрю, и тот парень Том Коннор, они были ещё более скрытными, чем вы двое. Я просто знаю, что Сэмми больше не Сэмми. Чернила, ну, я не знаю, но мне кажется, что чернила взяли над ним контроль. Я думаю, это чернила забрали его.

– Ты думаешь, он жив? – спросила Дот.

– Не знаю, но скажу вам одну вещь. У этих чернил есть свой собственный разум. Идут туда, куда им вздумается...

– Соскальзывают со страниц, – сказал я, думая о своём ковбое Бенди. Думая о тетради Сэмми. Думая о...

Такой паники я не испытывал раньше никогда, даже когда монстр гнался за нами. Что-то инстинктивное и глубоко внутри, что-то, что прошло мимо моего желудка и прямо в позвоночник, настигло меня в момент чистого раскалённого добела осознания.

– У меня чернила, – сказал я. – Я взял бутылочку из кладовки, из тайника Сэмми.

– Ну, сейчас студия уже переполнена ими. Мистер Дрю позаботился об этом, – сказал Норман.

– Нет, он не может таким заниматься, это несправедливо! – крикнул я, но тут же вспомнил, как мой дед смотрел на руку мистера Дрю, вспомнил слова «Чернила

плохие». Нет, всё не так. Этого не может быть. – Вы же сами говорили, что он нанимает талантливых людей, – сказал я Норману, – что у него есть видение, так что он ни в чём не виноват. Это всё тот Том Коннор. Или, может быть, Сэмми. – Меня всего трясло. Все мои чувства в страхе были смешаны вместе. Я не мог их различить. Я не мог отделить своё представление о чернилах от разговора о мистере Дрю или от существа, скрипачки и теней. Хватающих, цепких теней. Всё это было просто одним большим шаром страха.

– Бадди, успокойся, – сказала Дот.

– Я не могу, ты не понимаешь. Я должен идти! – Да, я должен был идти.

– Всё в порядке, Бадди, мы должны подождать ещё немного, – сказала Дот, вставая и подходя ко мне, мягко кладя руку мне на плечо.

– Я не могу! Неужели ты не понимаешь? У меня чернила. У меня чернила дома. Они в моей квартире. – Я убрал с себя её руку и выбежал из Проекционной Будки. Меня не волновало, что я мог сделать ей больно. Меня не волновало, что Норман мог подумать, что я сумасшедший. И меня не волновало, что существо может найти и поймать меня. Меня ничего не волновало, потому что я не думал. Я ни над чем не раздумывал. Я просто действовал.

Я бежал домой.

17

Я не знаю, как добрался до него и сколько времени это заняло. Я не знаю, ехал ли я на метро или бежал всю дорогу. Я не запыхался, когда добежал до него, но я был весь мокрый от пота, то ли от страха, то ли от жары, я не мог точно сказать.

Я не знаю.

Я просто знаю, что был дома. И я ворвался в тёмную квартиру. И я не слышал ни тишину, ни звука моих тяжёлых ног, топающих по деревянному полу, а слышал только своё сердце, прогоняющее кровь через моё тело, стучащее в ушах.

Я забежал в свою комнату.

Мой призранный дед лежал, как всегда, на спине, в свете уличного фонаря он казался очень бледным, одни кожа да кости. Я обошёл кровать и подошёл, чтобы посмотреть на рисунки. Они лежали так, как я их и оставил, разбросанными по полу, но когда я лихорадочно перебирал их, замечая изменения, я начинал чувствовать тревогу.

Я опустился на колени, чтобы собрать их. Но как только я это сделал, во мне снова начал пульсировать страх. Они были пустыми. Все листы на полу были пустыми. Я перевернул их, осмотрел с обеих сторон. Просто чистая белая бумага.

Я в ужасе поднял голову. Тогда я и увидел. Дорожка из чернил тянулась по краю одеяла, по длинным рукавам ночной рубашки деда, вверх по шее, направляясь ко рту. Как вены, или как река крови, только поднимающаяся вверх. В его сторону. Пальцы. Тянущиеся к нему.

– Нет! – закричал я. Я подскочил к деду и встряхнул его. Подтянул его в сидячее положение. Его глаза широко раскрылись, и он начал метаться, цепляясь за мои руки, держащие его. Он кричал от ужаса или от боли. Или и от того, и от другого.

– Всё хорошо, всё хорошо! – сказал я, но он не переставал двигаться, и это было нехорошо. Он всё ещё был покрыт чернилами. Я протянул руку, пытаюсь стереть чернила с его шеи своей рукой, но он схватил меня за запястье и сильно оттолкнул, сильнее, чем мог бы толкнуть человек его возраста. Я упал на спину.

– Какого чёрта! – каким-то образом мама оказалась в комнате, на кровати, и потянулась к своему отцу. – Папа! – Она крепко, но нежно обхватила его лицо руками. – Папа, *wszystko w porządku!*

Я мог только наблюдать, слегка задыхаясь, как старик наконец успокоился и посмотрел в глаза моей мамы. Он медленно протянул руку и обхватил её лицо, так что они оба прижались друг к другу.

– Ирена, – мягко сказал он.

– *Tak*, Папа, *tak*, – сказала она. – Ирена.

Затем он медленно улыбнулся. И кивнул. Он посмотрел на меня.

– Бадди.

Я улыбнулся в ответ, потирая запястье там, где он схватил его.

– Да, – сказал я.

Он снова кивнул.

– Всё в порядке, – наконец перешла мама с польского. Она посмотрела на меня. – Что произошло?

Тогда я увидел чернила на щеке деда.

– Чернила, – сказал я, подходя. – Нам нужно смыть чернила.

Она увидела их и посмотрела на свою руку. На ней тоже были чернила после того, как она схватила его, а затем положила её ему на лицо.

– Какого чёрта... – тихо повторила она. Она снова посмотрела на деда, и тогда я понял, что она это увидела: чернила, бегущие по простыне, по его руке, по рукаву рубашки, по шее. – Что всё это значит, Бадди?

– Я всё объясню, когда мы смоём их с него. Давай снимем эту ночную рубашку. – Я показал деду, чтобы он поднял руки.

Она кивнула и объяснила ему, что мы делаем. Намного легче общаться с ним, когда умеешь общаться с ним.

Мы сняли ночную рубашку, и, конечно же, чернила просочились под неё, оставив тонкую дорожку из чернил от его шеи до самых пальцев. Я взял его за предплечье и посмотрел на них, на эту блестящую, живую черноту. Я потёр большим пальцем и размазал их. Было хорошо.

Я взял ночную рубашку, так как она была испорчена, и начал оттирать чернила с руки деда.

– Бадди, не надо, – сказала мама.

Но я не слушал, потому что это не имело смысла. У нас не было времени. Мы должны были смыть все чернила.

Всё это.

Нельзя было терять время.

– Принеси влажную тряпку, мам, – сказал я, продолжая оттирать.

– Бадди, стой!

Она взяла меня за плечо. Я посмотрел на неё в замешательстве. Она посмотрела на меня, затем на руку деда. Я остановился.

И я тоже посмотрел на его руку.

Чернила отошли, но под ними обнаружилось ещё больше чернил.

Числа.

Татуировки.

* * *

Когда мы узнали, что папа умер, мама сказала мне об этом только вечером. Я не знал, что она провела весь день, просто живя своей жизнью, выполняя свою работу, свои обязанности, заботясь обо мне, с этим тяжёлым грузом на сердце. Что к нашей двери подошёл человек в форме. Что он сразу перешёл к делу. Что он сказал ей правду.

Она сказала мне это ночью в постели, чтобы я чувствовал себя лучше, когда она уложила меня, легла рядом и погладила меня по волосам. Потому что она хотела, чтобы я был готов к грусти. Но не всегда можно подготовиться к грусти. Просто приходится жить с ней.

Я вспомнил это тогда, сидя с ней, часы тикали на стене, мои плечи были тяжёлыми, спина болела после того, как я стёр все чернила с деда.

Под единственной лампочкой над кухонным столом тени на лице мамы делали её намного старше, чем на самом деле, и очень уставшей. Я подумал, что если бы было зеркало, то я бы увидел то же самое и у себя. Казалось, что лето длилось целую жизнь, а может быть, так оно и было. Я не знаю. Я не уверен, что время работает так, как я всегда думал.

– Почему ты мне не сказала? – наконец спросил я.

– Мне очень много нужно было рассказать, а у тебя была новая работа, и я никогда тебя не видела. И у меня тоже была работа. А потом вы двое, кажется, сблизилась, да и какой в этом смысл? – сказала она. Я заметил, что её длинная, извилистая фраза отражает мои длинные, извилистые мысли. Я пришёл к этому заключению честно, полагаю.

– Начни с начала.

Начни с начала.

Как будто есть такая вещь. Нет никакого начала. Есть только момент, который придаёт последующим моментам значение.

Мама покачала головой, потому что понимала это.

– Знаешь, сколько раз я пыталась понять, с чего всё началось? – Она вздохнула. – О, Бадди. Это так грустно.

Я наклонился и взял её за руку.

– Всё в порядке, я могу справиться с грустью.

– Твой папа хотел приехать сюда. Ему нужна была возможность. Этого хотели многие. Я поехала с ним и взяла тебя, этот маленький комочек в моих руках, потому что он был моим мужем. Потому что он заставил меня поверить в приключение. Я хотела, чтобы твой дедушка поехал с нами. Но у него была его работа, его ученики.

– Он был учителем? – спросил я.

– Ты ещё не понял? – улыбнулась она.

– Искусство...

Она кивнула.

– Потом... потом, когда там стало становится страшно, я умоляла его приехать, я умоляла его. Он был моей единственной оставшейся семьёй, и я думала, что он нуждается во мне так же, как я нуждалась в нём. Но он отказался. Он не приехал. Он должен был остаться для своего общества, сказал он. Но он прислал нам свою коллекцию картин. Которую он хотел защитить, не себя. – Она выглядела злой, грустной и всё ещё очень уставшей.

– Я не понимаю. Потому что они чего-то стоят? Что такого важного в этих картинах? – Я посмотрел на ту, что висела прямо под часами, на позолоченную раму, на яркий абстрактный орнамент.

– Для него искусство - это больше, чем просто красивая картина. Это история. Это...

– Душа, – сказал я, вспоминая теперь.

– Да. Немцы вторглись, и они забирали всё. Он никого не бросал, но не хотел, чтобы добрались до его работ. Я была так зла на него тогда, но теперь понимаю. Когда я услышала о том, что там произошло, когда я услышала обо всём, что было разрушено... Он был прав, что прислал своё искусство. Но я никогда не смогу простить его за то, что он не послал самого себя. – Её глаза были затуманены слезами.

– Я понимаю. – Я взял её руку в свою.

– Потом он исчез. И больше я о нём ничего не слышала. – Она посмотрела на стол, низко склонив голову. – Я оплакивала твоего отца, я заботилась о тебе, я работала, чтобы поддерживать нас, и эти картины преследовали меня. Я была зла и думала, что он мёртв, и мне было больно. Поэтому я и не пыталась узнать что-то ещё. – Слеза упала на запятнанную деревянную столешницу. Прямо посередине кольца, сделанного из сырого стекла.

– Всё это имеет смысл, мама, – сказал я. Я не привык успокаивать её. Быть тем, кто утешает. Я всегда хотел заботиться о ней, но только зарабатывая деньги, чтобы ей не нужно было работать так много. Заботиться о её печали, её страхах - к этому я не был так готов. Это было трудно. У меня защемило в горле. – Ты не должна чувствовать себя плохо.

– Я говорю себе это. Но я чувствую. Потому что должна.

Она сжала мою руку и посмотрела на меня.

– Когда война закончилась, брат твоего отца искал семью. Потому что именно так поступают хорошие дети. Он очень много узнал. Что они сделали, куда послали таких людей, как мы. Подобные ужасные вещи. Мне очень стыдно. Он нашёл дедушку. Семья в городке неподалёку от лагеря, где он был заключён, заботилась о нём. Семья, но не его семья. Не я. – Она резко вздохнула и быстро потёрла щёки. – Твой дядя помог мне привезти его сюда. А остальное ты знаешь.

– Мама, ты должна рассказывать мне такое, – сказал я.

– Как будто ты рассказываешь мне о своей работе? Как будто у вас с дедушкой нет своих секретных проектов? – сказала она, улыбаясь сквозь слёзы.

– Это совсем другое, и ты это знаешь, – сказал я. Теперь я взял обе её руки в свои.

– О, Бадди, мне так стыдно. Но ты должен учиться на моих ошибках. Ты должен бороться за людей, которых любишь. Хорошо?

– Да. – Конечно я буду. Я всегда буду бороться за неё, за деда.

В тот момент было очень легко дать это обещание ей, самому себе. Это казалось таким очевидным. Настолько понятным, что, конечно, это было необходимо. Я понятия не имел, что уже через двадцать четыре часа это обещание пройдёт проверку.

* * *

И снова я не знал, как попал туда, куда направлялся. Но теперь не из-за полного страха или паники, а из-за того, что никогда раньше не чувствовал себя настолько подавленным. Мне столько всего рассказали за такой короткий промежуток времени. Я столько всего пережил. Мои глаза видели такие вещи, которые я даже не мог себе представить, а моя собственная вина и растерянность сильно давили на меня.

Я добрался до Ист-Ривер, осознав две вещи: я так ужасно оценивал своего деда, и, в конце концов, оказалось, что я ничего не знаю ни о нём, ни о своей собственной семье. И что я также ничего не знаю о мистере Дрю, так как же я мог понять его мотивы, что происходит на работе? Мне нужно было знать его историю.

У всех есть своя история.

Даже если она выдумана.

Я бросил пакет с бумагами, ручкой, бутылочкой с чернилами, тряпками и ночной рубашкой моего деда в чёрную воду передо мной. Он на мгновение качнулся, а затем медленно затонул.

От этого мне стало не по себе. Стало только ещё более беспокойно. Вода была похожа на чернила.

18

Я совсем не чувствовал, что мне хочется идти на вечеринку. Это было всё, чего я с нетерпением ждал последние несколько недель, а теперь она была как тёмная туча в солнечный день. Я чуть-чуть надеялся, что со всем этим хаосом в студии её отменят, но студия открылась спустя два дня, и все вернулись к работе, как будто ничего не произошло.

Конечно, для большинства людей это не было таким уж большим событием, два выходных дня, небольшой отпуск. Но что испытали мы с Дот? Что мы увидели? Возвращаться в здание было страшно. Я был не в том положении, чтобы увольняться - я должен был продолжать зарабатывать деньги для своей семьи. Но я также знал, что мне надоело расследовать вещи в тёмных углах. Я опустил голову и решил уйти до наступления темноты. Сосредотачиваясь на своей работе.

И если мистер Дрю посчитал, что для нас всех было достаточно безопасно возвращаться внутрь, что ж, я доверял ему.

Всё ещё.

По большей части.

В вестибюле мистер Дрю произнёс небольшую ободряющую речь.

– Я знаю, это были трудные несколько дней, но мы снова открылись, и работа продолжается! Пусть это будет уроком для всех, кто думает, что может мешать нашей студии! – Он от души рассмеялся, и все зааплодировали, а я переглянулся с Дот. Она направилась ко мне, когда толпа стала расходиться.

– Привет, – сказала она. – Как у тебя дела?

Я не мог посмотреть ей в глаза. Я не хотел ни о чём говорить, я просто хотел делать вид, будто ничего не произошло. Нужно было сосредоточиться на реальной жизни. С меня хватит монстров.

– Мне пора на работу, – сказал я и протиснулся мимо неё.

Она не стала догонять меня. Дот на самом деле не гонялась за людьми.

Забавно, что я сижу здесь и пишу это, надеясь найти её.

* * *

Вечеринка была в пятницу, и с приближением этого дня у меня в голове собирались грозовые тучи. Музыкальный Отдел всё ещё был закрыт, и никто ничего не слышал о Сэмми. Мы с Дот даже не говорили о той ночи, потому что я избегал её. Не думаю, что она понимала почему. Я имею в виду, как она должна была это понять? Ну, она, наверное, думала, что я всё ещё боюсь ужасного существа в темноте, того случая со скрипачкой. И я боялся. Но я не мог рассказать ей другое. Что я всё ещё обдумывал всё, что сказала мне мама. О том, что случилось с дедом во время войны.

К слову, дед выглядел довольно хорошо. Совершенно не тронутый чернилами. Я думаю, после всего, что он пережил, странная ночь, подобная той, что была у нас, была на самом деле не такой уж большой проблемой. Он снова вернулся к прежнему себе и только расстроился, что я выбросил рисунки и чернила. Он хотел, чтобы я больше практиковался. Но я сказал ему, что не могу. Не сейчас.

Может быть, никогда, говорила часть меня.

Утром, в день вечеринки, я первым делом сел на кровать, держа в руках сумку с костюмом. Я никогда раньше не чувствовал такой тяжести. Не чувствовал себя настолько отяжелённым. От... чего, я не знал. Просто у меня было предчувствие, что эта ночь не пройдёт гладко. Мне хотелось верить в мистера Дрю, но чем больше я узнавал, тем сложнее это было, и от этого я чувствовал себя глупо. Но потом я думал о всех остальных в студии, кто, похоже, доверял ему, верил ему. Я не знал, что думать.

– Грустишь? – спросил дед, сидя рядом со мной.

Я даже не знал, что он был здесь.

– Устал.

Он кивнул.

– Да, – сказал он. Я мог сказать, что он смотрел на меня, но я не хотел поворачивать голову. Он взял меня за руку и сказал: – Бадди. Твоё сердце хорошее. Твоя душа хорошая. Это хорошо.

Я наконец посмотрел на него, в эти глаза, которые когда-то пугали меня, но теперь казались тёплыми и вдумчивыми. Мне хотелось поговорить с ним должным образом. Я понимал, что у меня не было времени учить язык. Но я слышал его. Я хотел сказать ему, что не был уверен. Я не был уверен больше ни в чём. Что мир сбивает меня с толку и пугает меня. Но я не знал, как ему это выразить.

– Дед, прости меня, – сказал я вместо этого.

Он посмотрел на меня немного озадаченно.

– Прости? – Он покачал головой. – Нет, не нужно извиняться.

– Нет, мне нужно. Я злился на то, что ты здесь, я злился на искусство, я не понимал.

Дед повернулся и посмотрел на картину внизу у кровати. Я понятия не имел, есть ли для него в моих словах хоть какой-то смысл.

– Злость - это нормально, – сказал он.

Разве? Я не был в этом уверен. Не считал это чем-то нормальным, это точно.

– Злость может вдохновить человека. Может создать изменения. Может создать искусство. – Он протянул руку и коснулся картины только кончиками пальцев, но я был потрясён. Кто вообще прикасался к этим картинам? – Страсть.

Я кивнул. Я не был уверен, к чему он клонит, но мне нужно было слушать. Мне нужны были его слова.

– Слишком много злости... – он легонько толкнул холст, всё ещё только кончиками пальцев. Краска треснула, и холст отодвинулся, как потайная дверь. В картине была дыра. Я уставился. Как он узнал, что она была там? Погодите-ка. Если только...

– Ты... это твоя картина? Ты её нарисовал? – спросил я.

Дед кивнул. Он пристально посмотрел на дыру. Он сжал кулак и медленно пронёс его внутрь. Он идеально подошёл.

– Ненависть, – сказал он, поворачиваясь ко мне.

Я не знаю, как мне удалось понять его после всего этого времени. Но я понял. Это была его картина, он её создал. Что-то очень разозлило его. Он пытался уничтожить её. Дед опять улыбнулся мне и снова повернулся к картине, осторожно вытаскивая руку. Он аккуратно взял край разорванного холста двумя пальцами и медленно вернул оторвавшуюся часть на место.

– Злость вдохновляет. Ненависть разрушает. Любовь исправляет. – Тут он широко улыбнулся. – Хороший урок, – чуть ли не смеясь сказал он.

Я тоже не мог удержаться от смеха, видя его таким, вдумчивым. Интересно, на что были похожи его мысли, были ли они похожи на мои? Повсюду и запутанные? Комментирующие всё подряд? Может быть, они были такими, а теперь стали спокойными?

Он взял мою руку и похлопал по ней.

– С тобой всё хорошо.

Что, я не думаю, было правдой. Но, может быть, будет. Может быть, со мной всё будет хорошо.

Дед ещё раз улыбнулся мне и похлопал по руке, прежде чем отпустить её. Он встал, бросил на меня последний взгляд и, удовлетворённо кивнув, вышел из комнаты.

Прощаться тяжело. Особенно, когда не знаешь, когда увидишься снова. Если вообще когда-нибудь увидишься. Прощаться с папой было невозможно, как будто я выдавливал из себя слова. Держась за его руку, потому что отпустить её было слишком тяжело.

Но теперь я знаю кое-что похуже.

Не попрощаться вовсе.

19

Я принёс смокинг на работу, чтобы переодеться, потому что не хотел повторения того случая, когда мистер Дрю отвёз меня домой. К тому же я не мог себе представить, как буду сидеть в метро в этом костюме, когда на меня будут пялиться. И о том, как буду идти пешком. Об этом не могло быть и речи. Потому что тогда я бы пришёл в какое-то шикарное заведение промокшим от пота.

Так что я взял сумку с собой, что означало, конечно, что все, кто меня видел, сразу же знали, что я был приглашён.

Мисс Ламберт ничего не сказала. Она просто посмотрела на сумку, покачала головой и вернулась к работе. Но Ричи и Джейкобу было весело задевать меня. Я не знаю, может быть, они и вправду завидовали и скрывали это, но они казались довольно порядочными.

– Что ж, мы собирались пригласить тебя присоединиться к нашей небольшой вечеринке сегодня вечером, в «У Дюка» через дорогу. Но полагаю, что нет, м-р Модник – сказал Джейкоб.

– Дот знает? – спросил Ричи, облокотившись на мой стол.

– Дот? – спросил я.

– Разве это не твоя девушка, он спрашивает – сказал Джейкоб, бросив взгляд на Ричи.

– О, нет, нет. Только я. Один. Мне... как-то и не хочется идти. – Я не хотел быть очень честным, но всё получилось именно так.

– Ты что, шутишь, молодой городской холостяк? В окружении великолепных дам, разодетых в пух и прах? Ты должен пойти, ради меня – сказал Ричи.

Ну, я не мог *не* пойти в любом случае. Я чувствовал, что мистер Дрю воспримет это близко к сердцу.

– Ладно, ладно, – сказал я со смехом. И парни тоже засмеялись, пока мисс Ламберт не крикнула на нас, чтобы мы возвращались к работе.

И потом вещи были довольно нормальными. Забавно, как нормальное может быть странным. Иногда вещи не должны быть нормальными. После всего, через что

я прошёл, быть тем, над кем подшучивали, делать работу, ходить на вечеринки, это было действительно странно.

Я не видел Дот весь день. Ни разу. Я не знаю почему. Я много раз ходил в Сценарный Отдел, но её там не было. Я знал, что она была на работе в этот день, другие люди говорили мне об этом. Она как будто избегала меня. Может, так оно и было. В конце концов, я избегал её всю неделю. Это было только справедливо.

Я хотел подождать, когда команда уйдёт, прежде чем переодеться в смокинг, но у них были другие планы, и поэтому мне пришлось немного по-модному походить и показать им свой костюм, пока все они свистели мне. Признаюсь, в этом костюме я чувствовал себя довольно хорошо. Было что-то такое в одежде, которая подходит и хорошо смотрится, и это на самом деле влияло на настроение.

Наконец мы стали собираться, и тогда я увидел Дот. В вестибюле. В ожидании других парней, готовая пойти с ними в бар «У Дюка».

– Ты в смокинге, – сказала она, нахмутив брови.

– Да, Бадди собирается на шикарную вечеринку мистера Дрю, – сказал Джейкоб, хлопая меня по спине.

– Правда? – Она пристально смотрела на меня.

– Да, – сказал я. – Я на самом деле не хочу идти.

– Хорошо, – сказала она. – Я думаю, мы должны вернуться сегодня вечером, так как будет вечеринка и все остальные рано уйдут. Нам нужно найти эту машину. Узнать, что она делает.

Моё лицо начинало пылать, а внутри всё сжалось. Но это был не страх. В кои-то веки. Я понимал, что злился. На неё.

– Зачем? Почему мы должны это делать? – резко спросил я.

Она выглядела озадаченной.

– Потому что нам нужно выяснить, что происходит в студии, – медленно ответила она.

– Нет, нам не нужно. Не нужно, – огрызнулся я в ответ. *Не давай злости превратиться в ненависть, Бадди*, сказал я себе, услышав в ушах слова деда. *Не давай ей расти*. – И даже если тайну по какой-то причине необходимо раскрыть, мы не обязаны быть теми, кто это сделает.

– Бадди... – сказала Дот. Она выглядела неловко и неуверенно. Мне не нравилось видеть её неуверенной. – А как же скрипачка?

Моё горло сжалось, когда я попытался сглотнуть. Я наклонился и прошептал:

– Именно поэтому мы должны остановиться.

– Именно поэтому мы *не можем* останавливаться, – яростно прошептала она в ответ.

Я покачал головой. Нет. Это не стоило того, чтобы рисковать жизнью. У меня была семья, о которой нужно было заботиться. Я должен был защищать их.

– Зачем тебе это нужно? Какое тебе дело до всего этого?

– Мне нужно, – сказала она дрожащим от эмоций голосом.

– Но зачем? – Из всего остального она не могла сказать об этом прямо.

– Потому что я могу это сделать! – Она всё ещё шептала, но это было похоже на крик. – Потому что именно это я могу. Я правда могу изменить ситуацию. Я не должна просто сидеть, ждать, волноваться и смотреть, как умирают люди. Я могу это остановить. И помочь. Ты понятия не имеешь, каково это - чувствовать, что ты ничего не можешь сделать.

Я не удержался и рассмеялся. Это было безумно, из всех вещей, которые я знал, это было чувство беспомощности, потери контроля.

– Не смейся надо мной, – сказала она.

– Я иду на вечеринку. Я устал и не хочу туда идти, но это важно для мистера Дрю. Дот рассмеялась.

– После всего, что нам сказал Норман, ты думаешь, ему не наплевать на тебя, Бадди?

Это было уже слишком.

– Да. Я думаю, ему не наплевать. Я думаю, что ему не наплевать, по крайней мере, на меня. Может, он и не идеален, но никто не идеален. Ни я. Ни он. Ни ты.

Дот прикусила внутреннюю сторону щёк. Я сделал шаг назад, когда к нам бочком подошёл Джейкоб.

– Ладно, давайте начнём эту вечеринку! – сказал он, хлопая в ладоши.

– Я думал, ты не идёшь, – сказал я, отвлечённый выражением лица Дот.

– Не на скучную вечеринку, куда ты идёшь, Бадди, а на весёлую вечеринку. Мою вечеринку. – Он хлопнул меня по спине.

Дот продолжала пристально смотреть на меня.

– Ну. Повеселись, – сказала она. Затем она резко повернулась к двери и направилась к выходу из здания.

– Воу, Дот, подожди! – позвал Джейкоб. – Прости, Бад, надо бежать. Приходи к нам в «У Дюка», если ещё не выдохнешься! – Он бросился за ней, а за ним Ричи, который подмигнул мне.

И затем я остался один в вестибюле. Чувствуя себя одновременно очень расстроенным и очень глупым.

Конечно, этот уровень глупости не шёл ни в какое сравнение с тем, как я чувствовал себя, приехав в отель на вечеринку. Прежде всего, я заплатил за такси, и после того, как дал водителю чаевые и вышел на улицу, я чувствовал себя очень глупо, что потратил свои деньги впустую. Просто потому, что я не хотел помять свой смокинг. И в любом случае, выглядеть строго, похоже, не имело значения, потому что, рядом со всеми идеально одетыми парами, проскальзывавшими в сверкающий вестибюль, я вдруг почувствовал, что одежда не показывает тебя как человека. Ну, может, показывает, если ты швейцар. На которого я был больше похож. Или официант. В основном все, кто угодно, но не гость. Дело было не только в качестве

моего смокинга, который, как я понял, был не так хорош, как у джентльмена, стоявшего рядом со мной в ожидании лифта. Он отражал то, как тот следил за собой. То, как он и его жена взглянули на меня. То, как она затянула свой меховой палантин немного туже вокруг туловища.

Они, вероятно, могли учуять мой район во мне. Даже если они этого не заметили. Они знали.

Двери лифта открылись, и служащий в ярко-красной униформе и фуражке придержал их для нас, когда мы входили.

– На вечеринку Студии Джоуи Дрю? – спросил он.

Я кивнул. Женщина с мехом сказала «да» таким тоном, что слово получилось на два слога длиннее.

Двери закрылись.

Некоторое время мы стояли молча, поднимаясь по зданию.

– Что ж, это будет что-то интересное, – вздохнул мужчина.

– О, тише, – сказала его жена.

Она закатила глаза и посмотрела на меня, как будто хотела, чтобы я закатил глаза в знак солидарности с ней.

– Вы знаете Джоуи? – спросил он.

Я не хотел говорить, не хотел, чтобы они услышали мой акцент. Поэтому я просто снова кивнул и издал своим горлом что-то вроде «да».

– Не знаю, что, как он думает, он пытается доказать. Он вообще может позволить себе такое?

– Дорогой, тише, – сказала жена чуть более настойчиво.

Муж посмотрел на меня и вздохнул. На этот раз я закатил глаза, что он, похоже, оценил.

Двери открылись.

– Крыша, – с улыбкой произнёс оператор лифта. Мы пробились в маленькое роскошное фойе с розовыми коврами и розовыми блестящими обоями. У противоположной стены стоял шезлонг, на котором сидела женщина в фиолетовом платье, проверяя помаду в пудренице.

Я последовал за мужчиной и его женой к двойным дверям, где двое мужчин, одетых почти так же, как и я, открыли им проход к большой шумной вечеринке на крыше, идущей полным ходом. Буквально. Танцпол был заполнен парами, танцующими свинг, а в дальнем конце для них играла живая группа. На мгновение мне стало интересно, работает ли кто-то из этих музыкантов на мистера Дрю.

Я вспомнил скрипачку.

Затем я попытался мгновенно забыть её и просто принять всё, что видел.

Это ещё один раз, когда я хотел бы нарисовать сцену. Она была впечатляющей, но что это значит, когда я говорю это? Я могу сказать, что мы были во внутреннем дворике на крыше с распростёртыми перед нами огнями Нью-Йорка. Казалось, что

находишься в небе в окружении звёзд. Яркие огни сияли на танцполе, на зеркальном баре, на толпе, разодетой во все цвета радуги. Огромные клумбы с жёлтыми гиацинтами обрамляли края со всех четырёх сторон. Я знал этот вид цветка, потому что некоторое время мы получали их в большом количестве. После смерти папы. Единственный способ не хотеть выбросить их в окно - это немного узнать о них.

Были смех, разговоры и звон бокалов с шампанским.

Я стоял, парализованный в трепете, ошеломлённый. И в тот момент я понял, насколько на самом деле отличается жизнь других людей. Не то чтобы я не знал этого всегда. Но это было как удар под дых. Удар под дых после того, как тебя уже ударили и ты лежишь на земле, свернувшись калачиком. Я потряс головой и много поморгал, а затем решил, что напиток может помочь.

Поэтому я повернулся и обнаружил, что стою лицом к лицу с Бенди.

Я уставился на широкую улыбку, зубы, сплошные чёрные глаза. Я уставился на это лицо перед собой, которое так хорошо знал. Живое, прямо передо мной. Я почувствовал, как волна тошноты прошла по мне, когда я споткнулся и пошатнулся вперёд.

– Эй, осторожнее! – сказал он. Или я думаю, это сказал приглушённый голос внутри Бенди. В тот момент мне было трудно понять, что происходит, моё сердце билось очень быстро. Но когда он проверил меня плечом и ушёл, всё стало ясно. Я быстро повернулся, чтобы посмотреть, как он бродит в толпе, когда люди заметили его и засмеялись от восторга. Это был человек в гигантском костюме Бенди.

Именно тогда я увидел большого Бориса на танцполе, неловко исполняющего что-то вроде Чарльстона. И Элис, стоящую рядом с группой и делающую вид, что дирижирует. Каждый маскот был около 180 сантиметров ростом, может быть, выше. Они выглядели странно. Не в правильных пропорциях. То, как они выглядели, не соответствовало их образам в моей голове. Это не соответствовало мультфильмам. Они не должны были быть такими огромными. Не должны были быть в натуральную величину.

– Они вообще не работают, да? – произнёс знакомый голос. Я посмотрел направо, и, конечно же, ко мне подошёл мистер Дрю.

– Нет, – ответил я, надеясь, что он не будет возражать. Хотя он только что сказал то, что думал.

– Пойдём, Бадди, посмотрим на этот вид, – сказал он, показывая рукой.

Я последовал за ним через толпу. Он здоровался со всеми, пожимал руки, хлопывал по спинам, смеялся над шутками, от которых слышал только концовку. Это было похоже на танец, вроде того, который исполняли люди, кружащиеся под музыку. Он привёл меня к тому месту, где на краю крыши собралось несколько пар, смотрящих на светящийся Эмпайр-Стейт-Билдинг. Вид был, ну, великолепнейший.

Думаю, такое слово до этой ночи я не использовал никогда.

– Потрясающе, не правда ли? – сказал мистер Дрю, опираясь на кованые перила. У меня вспыхнуло воспоминание, как я стоял рядом с ним на мостике. Как он подшутил надо мной. Я остался стоять на полметра позади от него.

– Да, – ответил я.

– Каждое из этих зданий, каждое из них было построено кем-то, у кого была мечта. Кто много работал и никогда не забывал о ней.

Я кивнул, хотя он меня не видел. Я не думаю, что он в самом деле нуждался в моей реакции. Он собирался сказать то, что хотел сказать.

Однако он обернулся и посмотрел на меня.

– Ты не согласен?

– Нет, я согласен, – быстро ответил я. – Я кивнул. Простите, я согласен. – Я вдруг почувствовал себя очень неловко.

Он покосился на меня.

– Потому что некоторые люди будут говорить, что ты должен сдаться. Что это дурацкая затея.

– Всегда есть люди, которые будут так говорить, – сказал я.

Мистер Дрю продолжал пристально смотреть на меня. Затем он внезапно оказался совсем близко.

– Не позволяй никому сдерживать тебя, – сказал он громким шёпотом. Я почувствовал запах алкоголя в его дыхании.

– Что ж, Джоуи, эта вечеринка неплохая, но я не уверен, что заслуживаю всего этого. – Громогласный голос прервал его напряжённый взгляд, и мистер Дрю вдруг заключил большого крепкого мужчину в большие крепкие объятия.

– Берти, ты, старый такой-рассякой! – сказал он со смехом. – Значит, ты наконец добрался до собственного торжества.

Они отодвинулись друг от друга, и крупный мужчина от души расхохотался.

– Конечно, конечно. Ты сейчас это говоришь, но сбросишь меня с этого здания, когда запахнет жареным, и нам придётся сдвинуть крайний срок.

– Ну, что правда, то правда, – сказал мистер Дрю, и они оба снова рассмеялись. – Бадди! – сказал он, повернувшись ко мне и положив руку на плечо мужчине. – Это Берtrum Пьидмонт. Он гений.

– Ну, в меру, – ответил Берtrum, протягивая мясистую руку и энергично пожимая мою. – Приятно познакомиться, Бадди.

– Бадди - новичок в студии. Художник, – сказал мистер Дрю.

– Что ж, такие нам всегда нужны – сказал Берtrum, и я не был уверен, действительно ли он это имел в виду.

Мистер Дрю рассмеялся и хлопнул его по спине.

– Ну что, раз ты теперь здесь, самое время произнести речь.

– О, замечательно, ты же знаешь, как я их люблю! – сказал Берtrum, и они вместе рассмеялись и пошли к сцене.

Как могли два человека, которые казались такими счастливыми и беззаботными, заставить меня чувствовать себя совершенно противоположно?

Я побрёл к танцполу, но остался у противоположной стороны сцены, возле дверей в фойе. Не знаю почему, но я чувствовал, что мне нужен короткий путь для побега. На всякий случай.

Когда группа закончила свою песню, мистер Дрю вышел на сцену, и сверкающая певица уступила ему микрофон. Он улыбнулся и поцеловал её в обе щёки, прежде чем повернуться к толпе.

– Как у вас всех дела этим вечером? – крикнул он. Его голос прогремел над толпой, и на мгновение я подумал, что его слышит весь Нью-Йорк.

От зрителей раздались здоровые аплодисменты, хоть они и не в полной мере соответствовали уровню его энтузиазма.

– Прежде всего, я хочу поблагодарить всех, кто пришёл сегодня сюда. Я хочу поблагодарить группу «Джени и Бандиты». И больше всего я хочу поблагодарить нашего особого гостя, Берти Пьидмонта.

Раздался ещё один взрыв аплодисментов. Если аплодисменты могли звучать озадачено, то это было так.

– Кто такой Берти Пьидмонт, спросите вы? – сказал он, явно чувствуя замешательство. – Его можно назвать по-разному. Кто-то назовёт его гением. Я назову другом. Но главное, он человек с видением.

Опять это слово.

– Этот проект разрабатывался шесть лет, но благодаря Берти Бенди и его друзья отправляются в совершенно новое приключение. Не бойтесь, их истории, которые вы любите, никуда не денутся. Но теперь вы все сможете стать частью их самих!

Я огляделся по сторонам. Я увидел, как люди шептались и несколько ухмылялись. Мне это не понравилось. Да, этот человек мог пускать пыль им в глаза. Но это была его вечеринка. Они были его гостями. Они должны были относиться к этому хоть чуточку уважительно.

– Да, леди и джентльмены, позвольте представить вам Бендиленд! – Взмахом руки мистер Дрю вызвал красивую брюнетку в коротком чёрном платье, со сверкающим нимбом в волосах. Она катила столик, на котором стоял макет, который мы с Дот видели ещё в мой первый день в студии. Теперь он был выкрашен не только в чёрно-белый цвет. И хотя всего минуту назад они смеялись, я видел, что зрители напряглись, чтобы рассмотреть его поближе.

– Представьте себе: аттракционы, игры и фотографирование со звёздами мультфильмов! – сказал он, широко улыбаясь. – Но это ещё не всё! Расширение во всех смыслах, я всегда говорю! С завтрашнего дня Студия Джоуи Дрю владеет Придворным Театром. Мы привезём всю продукцию Бенди обратно в Манхэттен. Всё будет создаваться в одном месте: анимация, игрушки и всё, что связано с парком

развлечений. Это новая эра для Студии Джоуи Дрю, и именно это мы отмечаем сегодня вечером!

Толпа зааплодировала ещё раз, и на этот раз я тоже зааплодировал. Это было захватывающе, как могло быть иначе?

– Да, да, это нечто, не так ли? Всё вот-вот... изменится... – Мистер Дрю выглядел немного отвлечённым. Как будто он что-то заметил. – Э-э... всё изменится. Но не сегодня! Сегодня вечером мы танцуем и... да, зажгите! – Он показал пальцем, чтобы группа заиграла снова, но уже направился в мою сторону, прежде чем заиграла музыка.

Нет. Нет, не в мою сторону. Он смотрел за меня.

Я обернулся.

В дверном проёме стояла пара фигур. Женщиной, я понял, была Эллисон Пендл. Актриса, которая озвучивала Элис Энджел. Она стояла там в платье, которое сидело на ней так плотно, как будто кто-то облил её тело серебром. Оно обтягивало все её изгибы и сияло в лучах огней на крыше. С ней под руку стоял мужчина, которого я с трудом узнавал, но он показался мне знакомым.

– Вас не должно быть здесь, – сказал мистер Дрю, приближаясь ко мне и направляясь к ним.

– Том, мы должны идти, – услышал я голос Эллисон, но мужчина стоял неподвижно, как камень.

Том Коннор. Конечно. Это был Том Коннор.

20

Я отошёл в сторону, когда мистер Дрю приблизился к ним. Он подошёл прямо к Тому и, казалось, трясся от гнева, несмотря на свой внешний вид.

– Я не уйду, пока не заполучу то, что принадлежит мне, – сказал Том, когда мистер Дрю уставился на него.

Мистер Дрю рассмеялся так, словно Том только что рассказал отличную шутку, и огляделся на нескольких наблюдающих людей. Они быстро отошли. Мистер Дрю повернулся к Тому и вполголоса сказал:

– Ты уволен, Том. Я же попросил тебя не приближаться к моей студии. Давай перейдём в коридор, ладно?

– Мы ведь сейчас не в твоей студии, разве нет? – ответил Том. Мистер Дрю никак не мог физически запугать этого человека. Том не был таким большим и похожим на медведя, как Бертрум Пьидмонт. Он был больше похож на стену. И всё же мистер Дрю схватил его за локоть и сквозь стиснутые зубы сказал:

– В коридор. Сейчас же.

– Ну же, Том, не надо устраивать скандал, – сказала Эллисон тёплым голосом, мягко положив руку ему на плечо.

Том позволил им проводить его в розовый вестибюль. Я последовал за ними. Я должен был знать, что происходит. Я даже не думал об этом и не понимал, как это было странно, что я шёл за ними.

Мистер Дрю дал знак, чтобы большие двери закрыли, и сразу же после того, как швейцары сделали это, он резко обернулся, его улыбка исчезла, и он сказал:

– Вы должны немедленно уйти, прежде чем я попрошу охрану вышвырнуть вас!

– Я хочу вернуть свой патент, – сказал Том прямо в лицо мистеру Дрю. Они стояли практически нос к носу. Или, скорее, нос к подбородку.

– Он мой, юридически и этически. А теперь убирайтесь. – Он повернулся к Эллисон. – И ещё, Эллисон, мне стыдно за тебя. Ты уволена.

Эллисон только улыбнулась своей ослепительной улыбкой, которая заставила меня немного расслабиться, хотя от этой сцены я невероятно напрягся.

– Поговорим об этом утром, Джоуи. Ну же, дорогой. – Она легонько толкнула Тома в плечо и, очевидно, она смогла сдвинуть горы, потому что он снова сдался и сделал шаг назад.

– Это моя машина, Дрю, моя.

– Ты всё испортил, и мне придётся это исправлять. Это моя машина и твой беспорядок. Теперь убирайтесь.

Я всё это слышал. Всё, что сказал мистер Дрю. Но тогда мне не удалось это осознать, потому что всё моё внимание было сосредоточено на слове «машина». Я наблюдал, как Том и Эллисон медленно направились к лифтам. Мистер Дрю повернулся и сам распахнул одну из дверей, даже не заметив меня. Он ворвался обратно на вечеринку. И дверь за ним закрылась.

Я повернулся и быстро пошёл прочь от дверей, прочь с вечеринки. Вслед за Томом и Эллисон. А потом я схватил мужчину за плечо. Пытаясь остановить его. Нуждаясь остановить его.

Я остановил его.

Он в ярости развернулся и уставился на меня, как на сумасшедшего.

– Я слышал, что вы что-то говорили о машине, – сказал я, когда он вывернулся из моей хватки.

– Убери от меня свои руки, сынок. – Он смотрел на меня убийственным взглядом.

– Том, всё в порядке. Это посыльный в студии. Бадди, – сказала Эллисон.

Я уставился на неё на мгновение. Как, чёрт возьми, она меня помнила? Я был поражён, что кто-то вроде неё заметил, что я вообще живу на планете.

– Мне всё равно. Никто не хватает меня вот так, – сказал Том.

– Простите, извините, пожалуйста, но вы сказали что-то о машине, и мне нужно знать. – Я остановился. Могу сказать, что они оба были озадачены мной. Из-за того, что я сказал. Я не был уверен, стоит ли мне продолжать.

– Откуда ты знаешь про машину? – спросил Том, делая шаг в мою сторону. Он мог бы выглядеть элегантно, но я заметил, как натянулись его рукава, как его руки напряглись под тканью. Я определённо не хотел ввязываться в драку с этим человеком.

Я не мог придумать ничего, что имело бы смысл. Я не мог рассказать ему о Нормане или о том, что я прятался в кладовке. Поэтому я произнёс единственное слово, которое пришло мне в голову:

– Сэмми.

Том громко вздохнул, и Эллисон жала его руку.

– Можно было догадаться, – сказал он. Но больше он ничего не сказал.

Я не знаю, откуда у меня взялась смелость, но, наверное, в тот момент я воспользовался некоторой прямоотой Дот. Я очень устал от того, что люди ничего не говорят. От узнавания только части истории.

– Что это за машина? Для чего она нужна? И почему мистер Дрю уволил вас? – Я хотел задать больше вопросов. Я хотел спросить, считает ли он мистера Дрю злым или добрым. Я хотел спросить о чернилах и Сэмми. О существе, о скрипачке. Но я также знал, что слишком много вопросов сбивает людей с толку.

Я знаю, что теперь, когда я задаю себе слишком много вопросов, я начинаю останавливаться. Он начинает скулить. Нам это не нравится.

Том глубоко вздохнул и мельком оглядел роскошное фойе.

– Ладно. Машина должна была создавать... – Он сделал паузу. – Персонажей.

– Вроде тех маскотов внутри? – спросил я. Это звучало не так уж странно. Они уже делали игрушки, почему бы не иметь машину, которая делала большие костюмы Бенди?

Том потряс головой. Впервые я понял, что он сдерживается не просто из упрямства. Он был... напуган.

– Я не должен был говорить тебе это... – сказал он, качая головой.

– Послушайте, я знаю о... чернилах, – сказал я. – И я знаю... о... – Я остановился.

Том внимательно посмотрел на меня. Было трудно смотреть ему в глаза. Мне просто хотелось отвести взгляд. На что-нибудь другое. Наконец он сказал:

– Ты знаешь об *этом*.

– Я не уверен, – ответил я. Потому что я не знал, о чём я знал.

Том глубоко вздохнул.

– Ладно. Ладно, – сказал он, принимая решение. – Ладно. Это были не маскоты. Ничего такого. Это был... способ взять мультяшек и сделать их реальными. Не людьми в костюмах маскотов, а настоящими, реальными версиями персонажей. – Он посмотрел на меня так, что своим взглядом говорил: «Понимаешь?» Я не думал, что понимал.

Его прервала Эллисон.

– Подумай об этом как о печатном станке, но для... людей.

– Для людей? – спросил я.

– Не для людей, Эллисон. Пожалуйста, – сказал Том, качая головой. – Я не хочу, чтобы ты была к этому причастна.

– Я уже причастна, Том. Ты не можешь заставить меня не беспокоиться, потому что я беспокоюсь о тебе. То, что ты помог создать, поразительно.

– То, что я помог создать, чудовищно, и ты это знаешь, – огрызнулся он на неё. Затем он покачал головой. – Извини, прости меня.

– Всё в порядке. Но мы должны идти. Я уверена, что он вызовет охрану.

Том кивнул.

– Это не моя вина, – сказал он. Затем он снова посмотрел на меня таким напряжённым взглядом. – Это не моя вина.

Слово «это» выделялось для меня. Он говорил, что не виноват, но я также подумал, что, возможно, он говорил, что «это», то самое «это», также не было его

виной. Я не знал наверняка. Но у меня внутри всё сжалось. *Дот*, подумал я про себя. Она была одна с «этим».

– Что именно? – осторожно спросил я.

– Он уволил меня, потому что это не моя вина, – продолжал Том, уже не слушая меня. – Он уволил меня, чтобы выставить виноватым кого угодно, но только не себя. – Он посмотрел на меня через плечо. – Но он всё же оставил машину. Даже несмотря на это. И это изобретение «Gent», я помог её изобрести, а он забрал мои права, мой дизайн, всё.

– Как он мог заставить вас сделать это? – спросил я.

Он медленно повернулся и покачал головой.

– Не у всех из нас есть хорошие связи, сынок. Не у всех из нас есть шансы. Особенно получить работу инженера, когда нет должного образования и подготовки. Никто из высокопоставленных лиц не оказывал мне такого уважения с тех пор, как я работал на самолётах во время войны. Я ему доверял. Он дополнительно заплатил мне. У него был юридический контракт с «Gent». Он относился ко мне как к настоящему бизнесмену. Но я не читал то, что было написано мелким шрифтом.

Я не знал, что на это ответить. Я просто стоял.

– Мы все ему доверяли, – сказала Эллисон. – Я не знаю никого, кто на самом деле понимал, что подписывает. Я думаю, мистеру Дрю нравится находить талантливых, но также и нуждающихся в работе, людей. Кому *действительно* нужна работа.

Теперь у меня внутри всё смешалось. Больше не сжималось, в животе не порхали бабочки, было только что-то странное, вроде боли.

– Не будем забывать о Сьюзи, – добавила она.

Том вздохнул.

– Кто такая Сьюзи? – спросил я. Не упоминал ли её и Норман?

Эллисон печально посмотрела на меня и покачала головой.

– Неважно, Бадди. Важно то, что у всех здесь есть договоры о том, что мистер Дрю владеет всем, что мы делаем. Рисунками. Историями. Песнями. И, – она посмотрела на Тома, – изобретениями. Всё началось с Генри и продолжается с остальными из нас. Это жертва, которую мы принесли.

Я обдумывал всё, что они мне говорили. Всё рушилось, все стены, которые я воздвигал в защиту мистера Дрю. Я просто больше не мог их сдерживать, и я был завален под ними.

– Теперь нам нужно идти, а ты береги себя. И позаботься о той писательнице. Она великолепна, – сказала она с лёгкой грустной улыбкой.

– Обычно это она обо мне заботится... – сказал я.

Чувство у меня внутри становилось всё сильнее.

– Убирайся, пока можешь, сынок, – сказал Том, когда лифт открылся и они вошли внутрь.

Двери закрылись, и я остался один. Звуки вечеринки доносились через двери, но теперь они больше не манили меня. Они только ухудшали моё непростое чувство. *Я не должен быть здесь, подумал я. Не должен. Я должен быть с Дот. И Джейкобом. Мне здесь не место. Моё место там, где есть люди, о которых я беспокоюсь. И которые беспокоятся обо мне.*

* * *

Бар Дюка был так же переполнен, как и всегда, когда я проталкивался через него. Впервые люди там обращали на меня внимание. Кто-то засмеялся, кто-то кивнул, как будто у нас была какая-то общая тайна насчёт моего смокинга, а некоторые глазели на меня. Я скучал по тому, когда я был невидимым никем.

– Эй, парень – сказал бармен, счастливый парень с залысинами, которые он отказывался признавать. – Газировку, как обычно?

Я отрицательно покачал головой.

– Я ищу Дот, – сказал я.

Бармен улыбнулся.

– Конечно. Ну, я не видел их уже около часа.

– Оу, – сказал я, чувствуя себя опустошённым. Я прислонился к барной стойке, ощущая тяжесть.

– Да, думаю, они разошлись по отделам. – Бармен перешёл к следующему посетителю, который подзывал его рукой.

По отделам?

– Постойте! – крикнул я. – Вы имеете в виду всех? Дот, Джейкоба и Ричи?

Бармен вытащил кружку пива и кивнул в мою сторону, шума между нами было слишком много, чтобы он мог сказать хоть что-то, что я услышу.

Я развернулся на пятках и протолкнулся наружу и через улицу. Конечно, я снова запаниковал. И конечно, каким-то образом ей удалось уговорить ребят пойти с ней обратно в студию. Интересно, она всё объяснила? Интересно, понимали ли они, что их ждёт?

Она должна была. Она не была лжецом и не собиралась подвергать кого-то опасности, если они не знали о ней. Всё ещё. После всего. С какой стати они пошли с ней? Они не могли знать, что скрывается в тёмных тенях, или что сами тени были живыми.

Свет в студии горел, однако по какой-то причине она не выглядела менее зловещей, чем в ту ночь, когда мы с Дот пробрались внутрь. Особенно потому, что я понял, что они горели для того, чтобы, если монстр придёт, это было видно.

Эта мысль не останавливала меня и не заставляла замедлиться. Это было удивительно, как войти в логово монстра внезапно показалось мне так правильно, но идти на шикарную вечеринку в отеле было похоже на гибель.

Входная дверь была открыта. Может быть, Дот специально оставила её так на случай, если я приду. Потому что она знала, что я приду. Я помчался через фойе к лифту, мельком взглянув на плакаты. Я вспомнил версии персонажей на вечеринке в натуральную величину в их нелепой странности. А потом то, что сказал Том. Про назначение машины. И про «это».

Я рванул вперёд и врезался в решётку лифта, сильно ударив по ней. Я вздохнул, рывком открыл её и шагнул внутрь. Мне нужно было успокоиться, а не впасть в панику. Но было трудно не паниковать. Они были где-то здесь, внизу, выслеживая этого зверя самостоятельно.

Я прибыл на Музыкальный этаж и осторожно ступил в коридор. Свет был включён на полную мощность, и это придало мне уверенности осторожно направиться к Музыкальному Отделу. Я не знал наверняка, были ли они там, но я был почти уверен. В конце концов, похоже, именно там всё и происходит.

Я боялся тусклых огней, иногда моё воображение уносилось прочь - я думал, что видел мерцание краем глаза, но, когда повернулся, свет всё ещё сильно гудел. Тени не шли за мной. Их здесь не было. Пока что. До тех пор, пока огни не погаснут, со мной всё будет замечательно, напомнил я себе. Но я совсем забыл о чернилах на стенах. Если я думал, что ловить отблески блестящих чернил в луче фонарика было страшнее, чем видеть их на свету постоянно, ну, оказалось, что я очень ошибался. Когда я повернул за угол и наткнулся на чернила, было что-то очень тревожное в том, что они... были здесь. Не пытались спрятаться. Не пытались притворяться чем-то. Просто были гордо разбрызганы повсюду.

И ещё что-то новое. Что-то, чего не было раньше, когда мы с Дот пересекли полицейские ограждения. Что-то написанное чернилами, нарисованное пальцем, я полагаю:

«Он Нас Освободит».

Я остановился и уставился. Как в тетради. Как те чернила, которые соскользнули с музыкальных нот и были наполовину на странице, наполовину на стойке.

«Он Нас Освободит».

Мне в голову вдруг пришла одна мысль. Странная, глубокая и тревожная мысль. Что если Сэмми не пропал? Что если...

Что если он прятался?

– А вот и Художественный Отдел, – сказал голос позади меня.

Я мгновенно обернулся, только чтобы оказаться лицом к лицу с Бенди.

Опять.

21

Однажды я уже терял сознание, во время драки. Или на самом деле не столько драки, сколько избиения. За то, что ты другой. Как обычно. Я стал лучше в самозащите. Лучше в бегстве. Но в тот раз хулиганы меня удивили. Вскочили на меня, когда я поворачивал за угол к своей улице.

Они не собирались вырубать меня. И я почти уверен, что это напугало хулиганов. Напугали не последствия. А их собственная сила. После этого они на некоторое время оставили меня в покое.

Но я почти ничего не помнил из того, что чувствовал. Момент, когда меня вырубали. Момент пробуждения. И, открыв глаза в Музыкальной Комнате, на сцене, привязанный к стулу, я был почти уверен, что не помню головной боли, которая обжигала мои глаза прямо сейчас.

– Эй, Бадди, ты в порядке?

Я несколько раз моргнул, пытаюсь сориентироваться, и, повернувшись на стуле, увидел, как Ричи смотрит на меня, привязанный, как и я. Он облегчённо улыбнулся. Я не думаю, что он когда-либо искренне улыбался мне раньше. Его улыбка всегда была немного... саркастичной.

– Ричи, что происходит? – в панике спросил я.

– Это всё Сэмми. Он сошёл с ума. Или с того, что от него осталось, – сказал он, обводя взглядом тёмную комнату.

Я тоже посмотрел, но мы были одни.

Мы были одни.

– Где Дот и Джейкоб? – спросил я. Верёвки вокруг меня натянулись, когда моё тело напряглось сильнее.

– Дот сбежала. – Мои мышцы мгновенно расслабились. – Я не знаю, где она. Джейкоб... Он забрал. Он забрал его... Бадди, я думаю, он собирается... – Ричи замолчал, как будто что-то услышал.

Я тоже это услышал. Звук открывающейся двери.

Мы одновременно обернулись и стали смотреть.

– Это Сэмми? – прошептал я.

Ричи сделал какой-то безумно быстрый кивок, но ничего не сказал. Его глаза были широко раскрыты, всё тело дрожало.

– Ну, посмотрим, что принёс нам зверь, – сказал Сэмми таким высокомерным голосом. Это был он. Это он скрывался за маской.

Это было очень странно и неправильно. На нём была какая-то вырезанная картонная маска, вроде тех, что можно вырезать из коробки с хлопьями на Хэллоуин. Например, маску котёнка или что-то в этом роде.

Но это был не котёнок.

Это был Бенди. Лицо Бенди. С этой улыбкой. Этой широкой, зубастой улыбкой. Во второй раз за эту ночь я смотрел на это лицо и начинал понимать, насколько не мило оно выглядело.

Но маска была не единственной тревожащей вещью в нём. Сэмми, как всегда, был одет в брюки с подтяжками, но рубашки на нём не было. Вместо этого его торс, руки, шея и, как я предположил, лицо за маской были покрыты блестящими чёрными чернилами. Трудно было сказать, были они мокрыми или сухими, поскольку они поблескивали в свете лампы. Но они выглядели так, словно каким-то образом были частью его самого. Были частью его самого уже некоторое время.

– Сэмми, что ты делаешь? – спросил я, когда он медленно подошёл к своей стойке и посмотрел на нас.

Казалось, он улыбался под маской. Как будто он был счастлив.

– Только я знаю, чего он хочет.

Это было сумасшествие.

– Что с тобой случилось?

– Ха! – рявкнув засмеялся Сэмми. – Что со мной случилось? Ты знаешь, что со мной случилось! Ты был там! Ты видел это!

Я был? Разве?

– В тот день чернила нашли меня. Я был нужен им. Я был нужен ему. Сначала я был напуган. Сначала я чувствовал их внутри, капли, которые проглотил по случайности. По счастливой случайности. Я чувствовал, как они движутся внутри меня. Я не должен был бояться. Я был глупцом. – Он набирал скорость, его слова вырывались чуть ли не быстрее, чем он мог их произнести. – Затем началось влечение. Мне нужно было больше чернил. Выбора не было. Мне пришлось. И чем больше я потреблял, тем больше понимал. Тем больше я его чувствовал. Слышал его. Мне нужно угодить ему.

Сэмми начал расхаживать по комнате, и если бы я только мог просто заставить его продолжать говорить... Я начал дёргать руками в верёвках. Пытаясь высвободить их.

– Посмотрите на вас двоих, как вы проводите свои печальные маленькие жизни. Живёте изо дня в день. Для чего? Чтобы угодить Джоуи Дрю? – Он снова рассмеялся,

на этот раз дольше и громче. Он глубоко вдохнул. – Зачем угождать человеку, когда можно угождать Богу?

Я дёргался в веревках всё сильнее и сильнее.

– Где Джейкоб? – потребовал я ответа.

– Там, где всё началось. Небольшое действие в начале. А потом, ну... потом...

– Где это?

Сэмми перестал ходить. Он стоял в центре комнаты, достаточно далеко, чтобы быть почти полностью в тени. Глаза Бенди смотрели на меня, смотрели мне в душу. Хотя это были всего лишь картон и чернила.

Чернила.

Чёртовы чернила.

– Шшшшшш. Больше никаких вопросов, маленькая овечка. – Он хихикнул, сказав это. – Овечка, овечка, овечка, пора ложиться спать, – сказал он нараспев.

Грохот.

А потом Сэмми оказался на полу, под большим проектором, без сознания и милосердно тихим.

22

– Парни, вы в порядке? – раздался знакомый голос из Проекционной Будки.

– Дот! – воскликнул я.

– Он продолжает делать это, да? – спросила она, качая головой и перегибаясь через перила.

– Да, – ответил я, потрясённый, но немного ошарашенный, увидев её.

– Я сейчас спущусь. – Она снова исчезла в темноте.

Я посмотрел на Ричи с улыбкой, но он был белый, как лист бумаги, словно увидел призрака.

– Что это, чёрт побери, было? – пискнул он.

Как только я открыл рот, Дот открыла дверь и вбежала в комнату.

– Простите, что это заняло столько времени. Мне было нужно, чтобы он встал в нужном месте. Я не сильная, но я стратег. Я сделала всего один толчок, – сказала она, подходя к Ричи сзади и развязывая ему руки. Затем она направилась ко мне.

– Что произошло? – спросил я.

– Когда он напал, я даже не уверена, заметил ли он меня, только парней. Я смогла убежать, и я долго пряталась, но потом увидела, как он тащит Джейкоба, и поняла, что не могу прятаться вечно. – Она наконец развязала мне руки. Я поднял их перед собой и на мгновение потёр запястья. – Ты пришёл.

Я не мог смотреть ей в глаза, мне было очень стыдно.

– Да.

– Почему?

– Мистер Дрю... Я не думаю, что доверяю ему теперь, – сказал я. Это была недосказанность, но в то же время я чувствовал себя очень глупо. Как дурак, что верил в него. – И не только из-за этого. Дело ещё в том, что... – Я не знал, как это сказать.

– Всё в порядке... – сказала Дот. Но я потряс головой.

– Я просто скажу это быстро. Прямо. Как это делаешь ты, – сказал я. – Я думал, что заботиться о людях, которые имеют для тебя значение, значит зарабатывать деньги для мамы и деда, присматривать за ними. И так оно и есть. Но это и нечто

большее. Я могу найти другую работу, я всегда буду поддерживать их. Но сегодня тебе понадобилась моя помощь. Ты была в опасности. Я был на какой-то дурацкой вечеринке. То, что я сказал тебе раньше, то, что я сделал, было неправильно, и я извиняюсь.

Наконец я посмотрел ей в глаза.

– Всё в порядке, – сказала она. – Я понимаю. Ты не представляешь, как сильно я понимаю. – У неё было такое выражение лица, которое я не мог понять, такого я никогда раньше не видел. Грустное, но доброе. И усталое.

– Ребята, – сказал Ричи. Я совсем забыл, что он здесь.

– Мы должны спасти Джейкоба, – сказала Дот, тон её голоса снова стал деловым. Я кивнул и быстро наклонился, чтобы освободить свои ноги, пока она помогала Ричи, который всё ещё сидел потрясённый.

– Ты не знаешь, куда он его забрал? – спросил я, вставая.

– Не знаю. Думаю, туда, где находится машина. Но мне казалось, что за последние несколько недель я обыскала каждый уголок студии. Я была везде, Бадди. Она как будто невидимая или что-то такое. – Ричи был освобождён и, встав, он вытянулся во весь рост.

И тут меня осенило. Речь. На вечеринке.

– Театр, – сказал я. – Она должна быть в театре.

– В каком театре? – спросил Ричи.

– По соседству. Мистер Дрю купил его. Спектакли отменили давным-давно. Может быть... нет, не может быть. Именно там она и находится.

Дот кивнула, сразу же соглашаясь со мной. Она снова повернулась к Ричи.

– Так, Ричи, ты должен пойти на вечеринку и рассказать кому-нибудь, что здесь происходит. Приведи мистера Дрю, – сказала она.

От этих слов у меня скрутило живот. Это было неправильно.

– Ты уверена? – спросил я. Я подумал о Томе, может быть, он мог помочь. Но потом я понял, что не знаю, где он и как с ним связаться.

– Я не знаю, что ещё делать.

Я кивнул. У нас не было времени просто стоять и обсуждать все наши варианты.

– Да, он не одобрит того, что делает Сэмми, так что, что бы он ни подумал, он захочет остановить это, – сказал я.

– Именно. Мы не можем вызвать полицию, – сказала она. – Всё это слишком странно, и кто знает, кого они обвинят?

В этом случае нас всех могли арестовать за незаконное проникновение, за то, что мы просто... оказались не в том месте и не в то время.

– Ладно. Ричи, сходи за мистером Дрю. Он на вечеринке.

– Да, – сказал Ричи. Его трясло.

– Ты справишься, – сказал я, кладя руку ему на плечо, как Дот всегда клала свою на моё. Похоже, это оказало на него такое же влияние.

– Я справлюсь, – сказал он с большей уверенностью.

– Хорошо. – Дот повернулась ко мне. – А мы с тобой, что ж, полагаю, идём в театр.

* * *

– Мы высоко, так что будь осторожна, – предупредил я её. Она кивнула, и мы ступили на тёмный мостик. Дот тут же включила свой фонарик, и я почувствовал волну облегчения, зная, что у нас есть немного света, чтобы мы могли держать себя в безопасности. Или, по крайней мере, чтобы мы могли понять, когда окажемся не в безопасности. Мы стояли, оценивая окружение. В темноте театр выглядел куда более устрашающе. Я не мог смотреть на всё так же ясно. Тени верёвок впереди играли с моим воображением, иногда казались почти живыми, как лес змей. Затем Дот посветила фонариком через решётчатую дорожку на сцену далеко внизу. Перекрещивающиеся тени, которые росли и исчезали вместе со светом, напомнили мне о хватающих тенях в Музыкальной Комнате. И вдруг свет что-то поймал. Был быстрый проблеск, и оно пропало.

– Дот, верни назад, – прошептал я. Она перевела свет обратно, и тогда мы увидели это. Что-то. Что-то свисающее прямо под нами на одной из перекладин, на которых раньше держались фоны.

– Что это? – прошептал я.

Не отвечая, она двинулась к скоплению в центре помещения, и я последовал за ней. Что-то прямо под нами медленно качнулось в ответ на тряску мостика. Как будто дул лёгкий ветерок. Мы уже были над этим предметом, и Дот легла на живот. Я снова последовал её действиям, и мы легли на мостик, глядя сквозь решётку.

Свет отражался от скопления чего-то, подвешенного в середине на ряде верёвок, идущих со всех сторон, как муха в паутине. Оно сияло на свету этим тошнотворным, чернильно-влажным блеском.

– Это что, человек? – спросил я, внезапно почувствовав тошноту.

– Я не знаю. – Не казалось, что Дот была напугана, или что она чувствовала себя плохо.

– Это Джейкоб?

– Не знаю. Это неважно. Что бы или кто бы это ни был, мы должны его снять. Должен быть способ его снять. В конце концов, был же способ поднять его.

Мы встали и быстро направились к дальней стороне мостика к узкой лестнице, прикреплённой к внешней стене театра, которая должна была вывести нас на уровень сцены. Дот пошла первой, одновременно выключив свет. Я последовал за ней. Спускаясь вот так в темноте, просто хватаясь за каждую ступеньку лестницы, мне казалось, будто время остановилось. Я слышал каждый скрип в этом месте. Я затаил дыхание, чтобы услышать нечто большее. Гораздо большее.

– Я на полу, – прошептала мне Дот, а потом и я тоже оказался там. Мы стояли какое-то время. Я слышал её ровное дыхание, которое почему-то не казалось спокойным. Оно больше звучало так, как будто она пыталась контролировать его, но у неё не получалось.

Она снова включила свет и направила его вверх. Она ахнула.

Я понял почему. Там было подвешено не только одно скопление. Их было как минимум три. Тёмные чернильные фигуры, каждая в сети, виднелись на фоне театральных занавесей.

– Трое, – сказал я вслух.

– Там! – Дот указала. Она посветила фонариком на одну фигуру. Человек боролся с верёвками. Не с большим усилием, но он двигался.

– Нам нужно их всех спустить, – сказал я, но Дот уже мчалась к шкивам, которые проходили вдоль стены. Я был рад, что она была со мной, но в то же время боялся, что в любой момент это мы можем оказаться там, наверху. Что нас схватят сзади, и мы внезапно окажемся в собственных сетях, покрытые, как и они. Покрытые чернилами на своих лицах, чернилами во ртах, стекающих по горлу.

– Бадди, помоги мне!

Я попытался стряхнуть страх, но он остался крепко держаться, когда я быстро примкнул к ней, и мы пересчитали верёвки, пока не нашли те, которые, похоже, соединялись с перекладиной. Дот осторожно развязала узел, удерживающий верёвку, и мы вместе начали опускать перекладину. Сеть начала опускаться. Лебёдки, через которые протягивались верёвки, скрипнули, и, хотя это было негромко, этого было достаточно, чтобы мой пульс увеличился ещё больше. Я бросил взгляд на светящийся на полу фонарик. Луч спокойный. Хорошо.

Ещё несколько мгновений, и скопления были на земле. Я тут же подбежал, и в этот момент над головой зажужжал свет. Я обернулся и увидел, как Дот бежит за мной.

– Нам ничего не видно, и я подумала, что со светом на самом деле будет безопаснее.

Это была правда. Но было что-то пугающее в том, что мы так выделялись, стоя на сцене в свете огней. Я быстро огляделся, просто чтобы посмотреть. На случай, если существо было где-то есть. На случай, если чернила медленно ползли к нам, как тогда, когда они ползли по моему деду. Никого не было. Зрительские места были чёрной дырой пустоты. Но было что-то. Здесь, прямо посреди сцены, в центре всего, была машина.

Я затаил дыхание, уставившись на неё. Она была большой и квадратной, с огромной изогнутой трубой, из которой капали густые вязкие чернила. Казалось, можно легко забраться внутрь, если захотеть. Она также выглядела грубо, как будто была самодельной, а не тщательно обработанной. Болты были большими и громоздкими, а бока были приварены друг к другу с прогибами и пузырями на швах.

– Бадди, это Джейкоб! – Дот полностью проигнорировала машину и помчалась к скоплениям.

Я быстро присоединился к ней и увидел, что это было. Она была права. Это был Джейкоб. Покрытый с головы до ног густыми комками чернил. Это немного напомнило мне мою первую встречу с Сэмми. Тот первый день. Тот день, когда чернила забрали его.

– Мы должны очистить его, – сказал я, быстро снимая куртку и вытирая его лицо. Черты его лица появились из-под слизи, и Джейкоб сделал внезапный резкий вдох.

– Бегите, вам нужно бежать, – выдохнул он.

Дот покачала головой.

– Всё в порядке, свет яркий. Мы в порядке. – Она сняла свитер, и мы продолжили вытирать с него чернила. – Я сделаю это, а ты развяжи все верёвки, – сказала она мне.

Я уставился на сеть. Они были обвязаны по всему телу, скользкие от чернил. Это казалось невозможным.

– Мне нужно что-нибудь, чтобы обрезать их.

– В пожарном шкафчике есть топор, – сказала Дот.

– Минутку – я проверю остальных.

Я быстро вскочил на ноги и побежал к другим телам. Я начал счищать чернила. Показалось лицо. Это был Дэйв. Из моего отдела.

– Это Дэйв, – сказал я. Старый, всегда спокойный, просто делающий свою работу Дэйв.

Дот в шоке подняла взгляд.

Я даже не знал, что он исчез. Конечно, не знал. Каждый вечер он рано уходил домой. Иногда его почти не было видно, всегда только во время перерыва или чего-то такого. Я потряс его за плечи.

– Дэйв, – сказал я. – Ну же, очнись! – Его голова безжизненно склонилась набок. Сколько он здесь пробыл? Сколько он задыхался в этих чернилах? Пытаясь выбраться? Ужас был больше, чем можно было представить. – Мне очень жаль, Дэйв, – сказал я. Мне пришлось повернуться к другому телу, но я очень боялся. Боялся, что это был порядок к безумию. То, как тела были вывешены на перекладине. Я постарался стереть чернила так быстро, как мог, но в глубине души понимал, что это ничего не изменит.

Показалось лицо.

Норман.

О нет.

О, Норман.

Конечно, никто не заметил бы, что он пропал. Из всех остальных в здании. Он наблюдал за всеми, но никто на самом деле не видел его. Не так часто, во всяком случае.

Я медленно встал и посмотрел на два лежащих рядом тела. Я почувствовал огромную грусть глубоко внутри. У меня не было времени оплакивать их, и обоих этих людей я знал плохо. Но они были мертвы. На самом деле, по-настоящему мертвы. Что бы ни делала эта машина, как бы это ни происходило, люди *умирали*. Я подумал о скрипачке. Я представлял её лежащей на земле. Я не представлял, что она на самом деле сейчас может быть мертва.

Мистер Дрю не мог знать об этом. Это было слишком, и он никогда не хотел этого. Он уничтожит машину. Теперь, когда узнает.

Так ведь?

– Нет, Джейкоб, пожалуйста, просто успокойся, – услышал я голос Дот. Он вернул меня к реальности, и я подошёл к ней.

– Вы должны послушать меня, – сказал он, пытаюсь подняться, но безуспешно, поскользнувшись на чернилах и сильно упав на локти. Он застонал от боли и лёг на спину.

– Что такое? – спросил я Дот.

– Он явно травмирован. От существа. Нам нужно помочь ему выбраться отсюда. Нам всем нужно выбраться отсюда.

Я кивнул и снова повернулся, чтобы взять топор. Но в тот же миг Джейкоб окликнул меня по имени:

– Бадди, оставь меня.

Я на мгновение бросил взгляд на пол сцены, на свет. Он всё ещё был ярким. Я всё ещё был в безопасности.

– Не раньше, чем мы тебя развяжем. – Я побежал за кулисы, лихорадочно ища топор. Наконец я нашёл его закрытым в стеклянном ящике. Я побежал обратно к Дот, схватил её фонарик, даже не думая об этом, и бросился назад. Одним сильным ударом я разбил стекло. Я вздрогнул, когда осколки взлетели на воздух. Я почувствовал острую боль в щеке, где один из них порезал меня. Я просунул руку сквозь осколки и взял топор, порвав при этом свою рубашку. На самом деле мне было наплевать, наплевать на всё что угодно. Я просто побежал обратно к Джейкобу.

– Ляг на спину. – Дот слегка толкнула его в плечи. Он всё ещё сопротивлялся.

– Нет! – Его глаза выглядели почти красными от ярости. – Вы не понимаете. Он *играется* с нами! – Он изо всех сил сопротивлялся, а я быстро подошёл и замахнулся топором по первой верёвке. Я ударил по ней и был очень доволен, наблюдая, как та разделилась надвое. Я продолжал и продолжал. Это было трудно, так как Джейкоб не переставал дёргаться и метаться, но я был сосредоточен и, когда наконец добрался до последней верёвки, сказал с удовлетворением:

– Вот так!

Джейкоб поднялся с такой же силой, с какой он был связан. Он врезался в Дот, и она сильно упала спиной на сцену.

– Дот! – крикнул я.

Джейкоб вскакивал, сопротивляясь в чернильных лужах вокруг себя, совершенно не в своём уме. Язык его тела был очень похож на язык тела Сэмми. Такое *могло быть* с Сэмми.

Чернила. Чернила брали над ним контроль. Но он также боролся с ними. Я увидел, как он вздрогнул и резко широко раскинул руки, словно пытаясь отмахнуться от чернил. Он изогнулся, а затем закричал каким-то сверхъестественным, нечеловеческим криком. Он вытянул одну руку, словно пытаясь вцепиться в Дот, а другой схватил эту руку и потянул назад. Я стоял, готовый отбросить топор в сторону и заняться им.

– Держись подальше, Бадди! Я не хочу причинить тебе боль! – снова закричал он. Он метался, швыряя своё тело во все стороны. А потом мы на мгновение встретились взглядами. На короткий момент. И я увидел в них Джейкоба. Я увидел его. И у него было такое странное выражение в глазах, как будто он был грустным, но счастливым, решительным. А потом он повернул голову к потолку, громко взревел и тяжело рухнул на сцену.

И перестал двигаться.

Я подбежал к нему и приложил ухо к груди. Его торс чуть шевельнулся, и я услышал биение его сердца.

Дот тут же оказалась рядом со мной.

– Он всё ещё жив, – сказал я.

– Он сделал это ради нас. Он вырубил себя, чтобы защитить нас.

Я кивнул, всё ещё пребывая в шоке.

– Вперёд, – сказал я. – Давай вытащим его отсюда.

И тут свет погас.

23

Сейчас мои глаза гораздо лучше приспосабливаются к разнице в свете. Это может быть одна хорошая вещь. Но затем, тогда, внезапное изменение в свете ослепило меня слишком надолго, мешая понять, что происходит.

Я услышал завывание, непохожее ни на что, что я когда-либо слышал, гортанный, но также и пронзительный крик. Ни одно животное в зоопарке, ни один поезд, кричащий в туннеле метро, ничто не было похоже на это. А потом на сцене раздался громкий грохот. Что-то схватило меня, и сначала я резко отстранился, но потом понял, что это Дот взяла меня за руку, чтобы убедиться, что она знает, где я. Я сжал её руку в своей.

Я потянул её за собой, и когда мои глаза привыкли к тусклому свету, мы поползли к машине, чтобы спрятаться за ней. Нам удалось встать у неё с противоположной стороны от той, где было существо, которое тяжело шагало по сцене.

– Чернила, – прошептала Дот и указала. Я посмотрел туда и увидел четыре больших ведра, наполненных ими. Мы отошли от них как можно дальше.

Мои глаза наконец привыкли к свету. Теперь я видел, что было не совсем темно. Рабочие огни всё ещё горели, но теперь они были тусклыми в чернильных тенях, которые, похоже, следовали за существом. Они становились ярче и тусклее по мере того, как тени проплывали рядом, и я понял, что мне нужно знать, как выглядит это существо. Если сейчас всё было видно, то я смогу увидеть его. И мне нужно было знать, с чем мы столкнулись. В конце концов.

Я осторожно высунулся из-за угла машины, выглядывая ровно так, чтобы было видно, большая часть моего обзора всё ещё была обрезана сбоку.

Существо стояло на месте посреди сцены. Как будто оно вынюхивало нас, как в тот первый раз у Лазарета. На самом деле я не особо задумывался об этом, потому что от того, что я увидел перед собой, я застыл. Не только моё тело, но и мой разум. Моё сердце. Моё всё.

Стоящее там существо было существом из тетради Сэмми. Это были не просто какие-то выдуманные каракули, оно было настоящим. И это был...

Бенди.

По крайней мере, какая-то странная версия мультяшного персонажа. Голова была больше всего похожа на него. Такой же формы, круглая, с двумя штуками, изображающими рога. У него также была такая же улыбка. Большая и белая, с линиями, разделяющими каждый зуб, только эти зубы были настоящими. Они блестели слюной. Остальная часть? Что ж, остальная часть его лица была покрыта чернилами, чернила стекали с головы туда, где должны были быть его глаза. Значит ли это, что он слепой? Я не думал, что о таком существе нужно мыслить логически.

Его тело было длинным и худым, и с него тоже стекали чернила. Нет, не просто худым, а как истекающий скелет. Я видел углубление под его грудной клеткой. Но он всё ещё был отчасти мультяшным персонажем, что, вероятно, было самой страшной его частью. У него всё ещё были этот белый галстук-бабочка и одна белая перчатка, как у всех персонажей.

Он стоял там. Послышалось рычание глубоко внутри него, как набирающий обороты двигатель. Он знал, что мы где-то были. Я смотрел, как он пересекает сцену. Как он пробирается к телам на сцене.

Джейкоб.

Но вместо этого он направился к Дэйву. Он осторожно обнюхал тело. Внезапно он зарычал, схватил его и потянул, вырвав руку Дэйва прямо из сустава и швырнув её через сцену.

Я почувствовал, как Дот взяла меня за плечо и сжала его. Я кивнул, но не знал, что ещё делать. Теперь зверь, казалось, увеличивался в размерах. Его руки и ноги удлинились, голова расширялась, зубы становились острее. Теперь он неуклюже подошёл к Джейкобу. Нет, нет, нет, нет. Этого не могло произойти.

– Эй! – сказал я, вставая и выходя на сцену. Свет стал практически чёрным, когда существо повернулось ко мне.

– Эй! – крикнула затем Дот. Я обернулся и увидел, что она выскочила с другой стороны. Я уставился на неё. – Оно не сможет ловить нас обоих, – прошептала она мне.

Конечно, она была права. Как всегда. Зверь посмотрел на неё, потом снова на меня глазами, которых у него не было. Или они были.

Я думаю об этом моменте каждый день. Я стараюсь вспомнить его во всех подробностях. Но это тяжело. В этот момент было слишком много всего. Слишком много всего произошло. Не только с существом, Дот и Джейкобом, но и внутри меня. Мой страх, моя нужда покончить со всем этим, моя вина. Моя вина в том, что я вообще выпустил это существо.

Я кое-что помню, хоть и не всё.

Я помню, что он решил выбрать Дот, а не меня. Я помню, как он мчался за ней, когда она убегала, и я помню, как мчался за ним. Я споткнулся о трубу, которая, должно быть, была частью машины, и на мгновение почувствовал безнадежность,

наблюдая, как он ловит Дот. Но затем ярость, которую я почувствовал, наблюдая, как он преследует её, сделала меня снова сильным, и я поднял топор. У меня было оружие.

Я бросился на него. Вскочил и замахнулся, сильно ударив его в спину. Он даже не вздрогнул. Он даже не перестал двигаться вперёд. Я упал назад, как будто ударился о стену. Нет, я не собираюсь снова чувствовать себя безнадежным, даже если будет невозможно победить. Должен быть другой способ, я найду другой способ.

Теперь он зажал Дот в дальнем углу сцены, в глубокой тени кулис. Я встал с топором в руках. Он был слишком далеко, чтобы можно было замахнуться, поэтому вместо этого я бросил топор. Я знал, что это не причинит ему вреда, но, может быть, просто может быть... он ударил его по затылку, и монстр резко повернулся, завывая в мою сторону. В этот момент Дот нырнула между его ног и отбежала от угла. Я был поражён в этот один момент, пока зверь не понял, что произошло, и не рванул. Дот бросилась ко мне, и я побежал, протягивая руки в её сторону.

Я ухватил её за руку прямо в тот момент, когда существо схватило её за ногу.

– Дот! – заорал я. Я на ощупь нашёл её другую руку, и она схватилась, её пальцы скользнули в мою ладонь. Я не мог держать. Я боялся, что, если буду держать, мы с существом разорвём её на части. Она вылетела из моих рук в воздух, когда монстр задел ею сцену.

Она упала с сильным ударом.

– Дот!

– Бадди, – услышал я, как она тихо сказала это. Я попытался броситься вперёд, перепрыгивая через трубы и огибая ведра с густой чёрной слизью. Существо влетело между нами и сильно толкнуло меня в грудь. Меня откинуло назад, моя голова ударилась о боковую часть машины. – Ты должен уходить отсюда, – крикнула она хриплым и тонким голосом. – Забирай Джейкоба и уходи отсюда.

– Нет, – ответил я. – Это моя вина. Я дал ему выбраться. Мы исправим это вместе.

– Это не так - ты не создавал его. Ты не...

Существо взревело между нами. Слюна вылетела из его рта и приземлилась густыми комками передо мной. Внезапно я увидел Дот в воздухе, её крик эхом разнёсся по театру. Существо схватило её одной из своих когтистых рук и крепко сжало.

Он играет с нами, говорил Джейкоб.

Он был как кот, мучающий мышь. Сжимающий не настолько сильно, чтобы убить, но достаточно, чтобы причинить боль.

– Хватит! – закричал я. Я подбежал к зверю и схватил его за ногу. Я попытался подставить ему подножку, но он стоял на земле как вкопанный. Затем он поднял ногу, и я снова был отброшен безумным пинком.

Я снова упал, сильно ударившись. Я поморщился от боли. Болело всё - плечо, спина, голова. Я смотрел перед собой на пол, на чернила, которые были повсюду. На... топор.

Боль каким-то образом исчезла, когда я взял оружие. Я снова бросился на зверя и сильно ударил его по ноге. Он пошатнулся и взревел. И я увидел, что создал глубокую чёрную рану, из которой сочилась чернила. Он всё ещё не отпускал Дот, но теперь я чувствовал себя лучше. Я снова рубанул его по ноге, и он замахнулся на меня свободной рукой. Я отскочил, чтобы перевести дыхание.

Затем, к своему ужасу, я увидел, как рана на ноге существа с отвратительным всасывающим звуком начала заживать, чернила меняли форму. Его нельзя было зарубить. Его нельзя было вырубить.

Я уставился на Дот. Она казалась очень далеко.

Нет, это было не так. Это не было невозможно. Даже когда ситуация кажется такой.

Я в злости посмотрел на машину. Я ненавидел её очень сильно. Я ненавидел то, что она существовала, и ненавидел ёмкости с чернилами, окружающие её.

Я никогда не думал, что буду ненавидеть чернила так сильно.

Их лужи повсюду, покрывающие мою одежду. Где начинался я и кончались чернила?

Дот снова закричала.

– Дот! – крикнул я. – Я утоплю его!

Я не знал, услышала ли она меня, но тогда я вспомнил. Я вспомнил люк, в который провалился актёр в спектакле, который мы с мистером Дрю смотрели сверху. И я подумал обо всех чернилах, которые вылились из трубы в кладовке с нотами. И может быть... может быть, если мне удастся запереть зверя под сценой, может быть, если мне удастся заполнить ту подсобку чернилами...

Я, шатаясь, пересёк пространство между монстром и мной, подойдя так близко, чтобы он не бросился на меня.

– Тебе нужно освободиться! – окликнул я Дот. Она почти не двигалась. Внутри я почувствовал пустоту. Нет, она не может быть мертва. Пожалуйста, не будь мертва.

Её голова чуть шевельнулась. Последовала пауза, а затем она повернула её ещё немного. Она слышала меня.

– Мне нужно передать тебе топор. Мне нужно... кинуть его тебе. – Дурацкий план. Дурацкий, дурацкий план.

– Хорошо, – сказала она. Она пыталась отозваться, но её голос был тонким и прерывистым.

Я не мог. Я не мог просто кинуть ей топор. Это убьёт её.

– Я понимаю, – сказала она. – Просто кидай... медленно. – Она издала что-то вроде смешка.

От этого я не стал чувствовать себя лучше. От этого я оцепенел. Она всё ещё была Дот. Она всё ещё боролась. Я не мог её подвести.

Зверь взревел, развернулся и, пошатываясь, направился ко мне. Хорошо, всего через пару метров он будет над люком.

– Давай! – крикнул я на него и отступил ещё немного. Я посмотрел вниз и увидел, где на сцене был выделен квадрат. Края люка. Существо просто неподвижно стояло. Не шевелилось. Просто держало её чуть выше, как будто демонстрируя мне. Я был так зол, так полон ярости, что просто заорал. Я открыл рот и заорал на него из глубины своего тела, из глубины своего горла. Из каждой части меня.

И существо прорычало в ответ и шагнуло вперёд, и он был на месте, а Дот освободила свою руку, и это казалось чем-то невозможным, однако это было всё, что я мог сделать.

– Готова? – крикнул я.

– Почему нет, – хрипло крикнула она в ответ.

– Раз, два, три...

Я бросил его и вздрогнул при мысли, что она поймает его за острый конец. Но она поймала его, чуть ниже обуха, и прямо тогда чуть не выронила, но ей удалось поймать нижнюю часть, когда он перевернулся в её руке. Она улыбнулась. Я почувствовал облегчение, а потом оно исчезло, когда я повернулся и помчался к кулисам, пытаюсь найти рычаг от люка.

Это всё больше и больше походило на ужасный план. Но другого у меня не было. Наконец я нашёл рычаг, тёмно-красный, но в тени практически чёрный.

– Я нашёл! – крикнул я. Я надеялся, что она услышит меня, поймёт меня. Возможно, она не услышала, но, по крайней мере, я знал, что она может.

– Сейчас! – выкрикнул я. Дот сильно ударила топором по запястью монстра, один, два, три раза, пока я тянул за рычаг. Пол выпал из-под существа, когда я пролетел мимо, и он в шоке откинул голову назад, когда Дот упала на сцену, всё ещё в руке существа, но рука больше не крепилась к нему.

Он провалился в темноту, когда Дот побежала обратно к машине. Она ударяла по трубе, идущей в сторону, пока та не лопнула. Чернила хлынули наружу и устремились к дыре. Мои плечи болели, дыхание было поверхностным, ноги скользили по мокрому полу вокруг меня. Я поднял взгляд и увидел, как существо вытянуло из люка свою нормальную руку и ухватило за край, когда чернила поглощали его. Он упорно боролся с ними.

– Бадди! – сказала Дот. Она внезапно оказалась рядом, помогая мне направить поток чернил в дыру. Увидев её прямо здесь, я снова почувствовал себя сильным.

Вот и всё, это было всё, что мы могли сделать. И мы смотрели. И мы наблюдали. Наблюдали, как рука зверя, казалось, растворяется в чернилах. На мгновение его лицо снова показалось на поверхности, и он издал рёв, который затем был заглушён

бульканьем. Его рот стал широким, потом плоским, а потом и вовсе перестал быть ртом.

Оно смешивалось с чернилами.

Оно было чернилами.

Свет стал больше и казался чуть ли не слишком ярким после того, как мы привыкли к темноте. Мы с Дот уставились в одну точку на мгновение в тишине.

Затем я почувствовал, что она смотрит на меня. Поэтому я посмотрел на неё.

– Ты сделал это, – сказала она с огромной улыбкой.

– Ну, мы сделали это... – ответил я, и вдруг она обняла меня. Ни с того ни с сего. Я просто стоял, а потом понял, что, наверное, должен обнять её в ответ. Что я и сделал. Впервые за долгое время мои страхи отступили в сторону. И просто дали мне расслабиться в этот момент.

– Думаешь, оно исчезло? – спросила Дот, когда она наконец отстранилась.

Я понятия не имел. Я не верил, что это так. Я не мог поверить, что всё кончено.

– Не думаю, что у нас есть время выяснять это. Давай захватим Джейкоба и свалим отсюда, – сказал я.

– Да. – Она тут же подошла к Джейкобу, который, как я заметил, слегка шевелился.

Я снова повернулся к дыре. Чернила всё ещё были там, как озеро под сценой. Интересно, есть ли способ избавиться от него? Если оно просто останется здесь. Навсегда. Бродящее по студии.

Поджидающее.

Упорное.

Голодное.

Я сделал глубокий вдох. Я снова пугал себя. Пора было уходить. Наконец-то пришло время встретиться лицом к лицу с мистером Дрю.

Рука вырвалась из чернил и схватила меня за ногу.

– Бадди!

Всё произошло так быстро, что я даже не знаю как. Я просто знаю, что внезапно оказался в люке, по шею в густых чернилах, когда Дот как раз вовремя схватила меня за руки. Он крепко держал меня за ногу, словно в тисках. Вырваться было невозможно.

На этот раз она тянула меня, пытаясь спасти. Я крепко держал её за руки, но она никак не могла победить. Существо было слишком сильным. И чернила вокруг меня тоже тянули. Практически засасывали, одновременно сжимали и втягивали меня. Она должна была отпустить меня, или я просто утащил бы её с собой. Мы утащили бы её с собой.

– Отпусти меня, – сказал я, и чернила брызнули мне в рот, когда я открыл его. Я закашлялся и сплюнул. На вкус они были горькими и солёными. Они обожгли заднюю часть моего горла.

– Бадди, я не могу, – сказала она, поправляя свою хватку на моём запястье, её пальцы соскользнули, а затем схватили меня в последний момент.

Моё тело болело, мучительное чувство жжения пронзило мой позвоночник. Я почувствовал что-то острое в бедре, как будто меня ранили ножом. Когти существа. Я не мог закричать, не вдыхая ещё больше чернил. Я бил и царапал ногой его руку в чёрной глубине. Затем появилась раскалённая добела боль. Что-то совсем другое. Настолько ошеломляющее, что всё просто остановилось. Чудовище впилося своими острыми зубами в мой торс, кусая мою плоть, мышцы, сухожилия. Я беззвучно ахнул, и чернила снова наполнили мой рот. Всё начало кружиться, и я не понимал, что происходит. Взгляд Дот, полный ужаса, проплыл перед моим взором.

Спаси себя. Я подумал об этом, и мне нужно было, чтобы она прочла мои мысли. Так, как она всегда каким-то образом умела читать мои мысли. *Всё в порядке. Всё в порядке. Просто спаси себя. Спаси Джейкоба.*

Всё в порядке.

Я устался на неё, глотая всё больше чернил, кашляя и не в состоянии дышать, когда они наполнили мои лёгкие. Не было воздуха. Не было ничего. Только чернила.

Затем было мгновение в её глазах. Мгновение, которое я узнал.

Она поняла. Она покачала головой, и я сжал её руку. Это был мой последний настоящий выбор, который я сделал.

Всё в порядке.

Ты должна уходить сейчас.

Ты должна спасти себя. Спаси Джейкоба.

Ты должна спасти всех.

И ты отпустила мою руку. Я был очень благодарен. Темнота быстро сгустилась вокруг меня, и я увидел тебя лишь на мгновение дольше, и я почувствовал гордость и счастье, что познакомился с тобой. Что получил такой шанс. А потом ты исчезла. Или я исчез. И я погрузился в чернила, и они наполнили мои уши, и существо потянуло меня вниз, и боль была такой сильной, что я почти не мог её больше чувствовать. Я ничего не мог чувствовать.

Пять чувств:

Осязание: ничего.

Вкус: ничего.

Слух: ничего.

Обоняние: ничего.

Зрение: чернота.

* * *

И затем:
Ничего.

24

У меня нет ответов на все твои вопросы, Дот. Я знаю, ты думала, что я умер. Я знаю, каково это - думать, что кто-то умер. Я знаю эту глухую опустошённость. Неверие. То, когда борешься со своим собственным разумом. Как будто ты не понимаешь. Как будто всё это ложь. Или плохой сон.

Дело в том, что, конечно...

Мечты оживают.

Я не мёртв.

Но я также и не жив.

И ты не можешь спасти меня.

Но ты можешь спасти всех остальных.

* * *

Я не знаю момент, когда проснулся. Это происходило поэтапно, что не нормально. Нормально - это когда ты спишь, а потом просыпаешься. Но я узнал, что когда у тебя два разума, живущих вместе, когда у тебя два набора воспоминаний, иногда один разум просыпается раньше другого.

Когда я проснулся в первый раз, то не сразу понял, где нахожусь. Мир вокруг меня был тёмным и призрачным, а я привык к тому, что всё вокруг было ярким. Я коснулся пола и увидел свою руку. Всё выглядело по-другому. Я повернул её. Она казалась более округлой. Она была не такой плоской, как я привык. У неё было больше сторон. Я ничего не понимал. Я сел и в панике огляделся - там кто-то стоял. У него была странная фигура: слишком маленькая голова и слишком длинное тело. Он весь был тенью, и его трудно было опознать. Кто он такой? Чего он хочет от меня?

– Бадди? – спросил он.

Кто такой Бадди?

Когда я проснулся во второй раз, это был мой разум. Не его. Я смотрел прямо на мистера Дрю.

Это сбilo меня с толку. Почему он был здесь? Он всё ещё был в своём смокинге.

Тут я понял, что сижу прямо, и не помню, как я это сделал. Где я был? Я на мгновение закрыл глаза, а потом вспомнил. Театр. Существо.

Дот.

Утопление.

Смерть.

Монстр. Я быстро обернулся, чтобы посмотреть, но его не было. Мы были одни. Я глубоко вздохнул и это ощущалось на самом деле хорошо. Я никогда раньше не понимал, как хорошо было дышать.

Я снова посмотрел на мистера Дрю, и он улыбнулся мне. Тогда я понял, что нахожусь не под сценой. Я был на ней. Прямо посередине. Зрительские места растянулись в тёмной пустоте позади него. Я отвернулся, чтобы посмотреть в другую сторону. Надо мной возвышалась машина. Огромная с этого места. С неё непрерывно падали капли. Звук был гипнотическим и также немного болезненным.

Всё это время мистер Дрю молчал. Просто наблюдал за мной. Это было странно и тревожно. Я снова посмотрел на него.

– Я умер? – спросил я. Это был глупый вопрос, и после того, как я его задал, я понял, что знаю ответ. Очевидно, нет, я знал, где нахожусь. Я знал, кто я такой. Если только смерть не выглядела именно так.

Мистер Дрю медленно подошёл ко мне.

– Бадди? – спросил он.

– Да? – ответил я.

– Это ты, Бадди? – Теперь он стоял прямо надо мной. Его кожа обвисла. Под этим углом он выглядел почти как не человек.

– Да, это я, – ответил я. Конечно, это был я.

Он взял меня за подбородок и неподвижно держал мою голову. Я попытался стряхнуть его, но хватка была как тиски. Он поднял другую руку и крепче придвинул меня к себе. Он подошёл ещё ближе и пристально посмотрел мне в глаза. Его запах был очень сильным. Я никогда раньше этого не замечал. Но теперь я почему-то отчётливо чувствовал его запах. Это был не только сигарный дым и помада. Я чувствовал запах его ужина, закусок с вечеринки. Я чувствовал запах виски и шампанского. Я чувствовал запах городского воздуха и дневной жары.

Его пот.

Его безумие.

– Я вижу тебя там, – прошептал он.

– О чём вы говорите? Отпустите меня! – Я прокричал это ему прямо в лицо. Я больше не беспокоился, чтобы произвести на него впечатление, или что я могу обидеть его. Меня не волновало, что он обо мне думает. Его машина сделала это со всеми нами. Убила их. Убила меня.

И теперь... теперь меня медленно осенило. Машина вернула меня к жизни?

– Конечно, ты не можешь мне ответить, – сказал он, внезапно осознав что-то. Его глаза сверкнули, и он прикусил губу. – Конечно не можешь. О, это просто невероятно, Бадди.

Не могу ему ответить? Какого чёрта?

Я поднял руки и толкнул его, сильно. Сильнее, чем я когда-либо толкал кого-либо прежде, и он упал на деревянную сцену с громким грохотом. Я чувствовал себя по-странным сильным. Я также больше не чувствовал боли. Я встал. Я подошёл к нему. Теперь была моя очередь стоять над ним.

Он сжался. Он и вправду сжался в испуге. Я почувствовал себя очень хорошо от этого.

– Что вы со мной сделали? – спросил я.

– Ну, Бадди, – сказал он, поднимая руку, – не злился. Просто помни, что я спас тебе жизнь.

– Что вы сделали? – Я сделал шаг вперёд, уперев руки в бока. Я наслаждался тем, что моя тень нависла над ним, заполняя его маленький мир темнотой.

– Ты злишься, ты недоволен. Ты не можешь выразить себя, я понимаю, но разве ты не видишь, что я исправил тебя? И теперь ты, ты... идеальный!

– Что вы имеете в виду? – Это слово вышибло воздух из моих лёгких, вернуло мне уверенность в себе.

– Видишь, не так уж и плохо, не так ли? – сказал мистер Дрю с лёгкой улыбкой.

– О чём вы говорите? – сказал я. Я чувствовал, как будто разговариваю со стеной. Почему он не может дать мне прямой ответ? – Скажите мне, что вы сделали. Скажите мне, что со мной не так. – Я разочарованно вздохнул и повернулся, чтобы посмотреть сначала на машину, а потом снова на него. – Скажите мне... – В этот момент я наконец заметил свою тень. – Скажите мне... – Я внезапно отвлёкся.

Скажите мне...

Я отшатнулся назад. Моя тень была длинной и тонкой, как всегда. Она падала на мистера Дрю, который теперь стоял, больше не сжимаясь от страха. Внимательно наблюдая за мной. Ему было любопытно, но не страшно. Он, казалось, понимал что-то, чего не понимал я. Что-то, что я собирался выяснить.

Я коснулся макушки своей головы. Что это было в тени? Две высокие изогнутые штуки, которые, похоже, росли с обеих сторон моего черепа. Они были мягкими на ощупь. И когда мои пальцы ощутили их, я почувствовал свои пальцы. Эти штуки были частью меня. Так же, как и мои руки или ноги.

Я опустил руки и посмотрел на них.

Я сделал ещё один шаг назад.

– Позади тебя, Бадди, – сказал мистер Дрю.

Я медленно повернулся. Я не хотел делать то, что он сказал, но в то же время знал, что должен.

На полу лежала фигура, покрытая чернилами. Лежала, растянувшись.
Безжизненная. Истекающая. Я осторожно подошёл к ней.

– Кто это? – спросил я, но это прозвучало скорее как стон. Без слов. Просто
чувство, стоящее за этими словами.

Я не хотел знать ответ.

Потому что я уже знал его.

Я наклонился, чтобы посмотреть поближе.

Тело на полу было моим.

25

Думаю, моя история подходит к концу. По крайней мере, моя часть истории. Мне кажется, я почти закончил писать. Я не думаю, что смогу намного продлить её. Ему нравится история, но он также голодный. Я голодный.

Дот, если ты найдёшь это, расскажи об этом.

Я надеюсь, ты сможешь рассказать, правдива ли эта история.

Я знаю, что не всё здесь правда.

Но я думаю, что большинство из того, что я написал, реально.

* * *

Мой разум и его разум.

Наш разум.

Я был не один. Мистер Дрю стоял рядом со мной. Смотрел вниз на тело. На моё тело. Моё мёртвое тело.

Никто не может увидеть себя мёртвым. Никто не должен испытывать такое. Каким образом мой разум мог это понять?

Я мёртв. Это моё мёртвое тело.

– Видишь, я спас тебя, – сказал мистер Дрю.

– Я не понимаю, – ответил я.

– Шшш, перестань пытаться. От этого ты только станешь недоволен.

– Я и так недоволен. Мне нужно понять это. Вы должны объяснить мне, – сказал я, поворачиваясь к нему.

– Пожалуйста, послушай меня. Перестань пытаться говорить, Бадди. Ты только навредишь себе.

– О чём вы говорите? Я не недоволен разговорами... – Тогда я остановился. Я остановился и прислушался. – Я не... – Ворчание. – Мистер Дрю. – Ещё ворчание.

Я открыл рот. Я попытался произнести своё имя:

– Бадди. – Раздалось что-то вроде лая. Я замер. Я не мог дышать. Я упал на колени и схватился за горло. Я посмотрел на мистера Дрю, и на мгновение мне

показалось, что он выглядит обеспокоенным. Но на самом деле он не был таким. Он просто казался довольным собой.

Я снова повернулся к телу, к своему телу. Я не был уверен, что делать дальше. Я не был уверен, о чём теперь думаю. Часть меня была странно очарована всем происходящим, как будто впервые видела мир. Часть меня была в ужасе, в отчаянии.

Я подполз, подтягиваясь по полу к телу. К моему телу.

Я посмотрел на свои руки, не на руки своего старого тела, а на руки нового.

На свои руки в перчатках.

У меня не было перчаток. У меня никогда не было перчаток. Даже зимой. Я просто засовывал руки в карманы.

Я совсем ничего не понимал. И всё же понимал. Я точно знал, что произошло сейчас, но в это было очень трудно поверить.

Просто то, что во что-то трудно поверить, не делает это неправдой.

Запомни это, Дот. О, пожалуйста, превыше всего, запомни это.

Я дотронулся до своего лица. Не до того лица, с которого я смотрел, а до холодного мёртвого лица, принадлежавшего телу на полу.

Вы когда-нибудь раньше видели мёртвое тело? Это страшно не просто так же, как страшны истории о призраках. Это страшно, потому что этот человек прямо перед тобой, но ты понимаешь, что это не на самом деле он.

Чего-то не хватает.

– Это твоё тело, Бадди. Но это не ты, – сказал мистер Дрю, присев рядом со мной. Он произнёс это так, словно мог читать мои мысли.

Я злобно посмотрел на него. Теперь я знал, что не могу говорить. Я даже не стал пытаться. Вместо этого я указал на тело, на лицо, торс, ноги...

– Это просто части. Настоящего тебя. Но настоящий ты здесь. – Мистер Дрю протянул руку и коснулся моей груди, положив ладонь мне на ребра. – Твоя душа.

Я отстранился.

Нет.

– Послушай меня, послушай меня, Бадди, – сказал он, положив руку мне на плечо. Я хотел стряхнуть её, но не мог. У меня просто не было сил. – Я объясню всё быстро. Я создал свою машину, чтобы создавать реальные версии своих персонажей. – «Свою» и «своих», сказал он. Но они не принадлежали ему. Машина принадлежала Тому, а персонажи принадлежали Генри. – Я использовал свои особые чернила. Это должно было сработать. Но существо, которое получилось, этот чернильный демон. Это не входило в планы. Я понял, что человек, которого я нанял в помощь, вводил меня в заблуждение. Это была его вина, что он не понимал машину. – Ложь. – Чего-то не хватало. Всё почти работало. Так что же это было? Что ж, это было то, что делает нас всех живыми.

Душа, сразу подумал я.

– Можешь угадать? – спросил он.

Я знал ответ. Он был не таким уж сложным.

– Душа. Но как мне получить душу? Сэмми заманил этих людей сюда... Я подумал, что смогу использовать их, но чернила заразили их в течение нескольких дней. В них не осталось никакой души. Мне нужен был кто-то настоящий. Кто-то хороший. Я никогда не думал, что мне так повезёт с тобой, Бадди. Но этому суждено было случиться. Таков был план с самого начала. Вот почему тебя послали ко мне. Когда я пришёл сюда, когда я увидел тебя - в когтях этого зверя - я понял твоё предназначение.

Нет. Это не моё предназначение. Я почувствовал, как во мне нарастает злость, и наконец сбросил его руку со своего плеча. Я остался на месте, раскалённая добела ярость теперь наполняла меня энергией, заставляя практически бояться встать. От того, что я могу сделать.

– Я спас твою душу, Бадди. А ты спас меня. Ты спасёшь Бенди.

Я его не спасал. Моим предназначением было спасти Дот и остальных. Это было моим предназначением. Он не мог и не отнимет его у меня. Теперь моим предназначением было и всегда будет защищать мир от этого зверя. От этой машины.

– Это будет просто великолепно. Вот увидишь, вот увидишь, – сказал мистер Дрю. – Теперь пойдём со мной. Я приготовил для тебя небольшую уютную комнату. Хорошее местечко. Тебе понравится. Там есть еда.

Он разговаривал со мной, как будто я был глупым. Как будто я был им, счастливым волком, который разделяет со мной разум. Я знаю, что тогда он был в восторге от этого. Я чувствовал, как он тянет меня, хочет, чтобы я пошёл к мистеру Дрю. Но в тот момент, тогда, я был намного сильнее его. Мистер Дрю этого не понимал.

Это было моим преимуществом.

Я повернулся к нему. Мы стояли лицом к лицу. Он улыбнулся.

– Пойдём со мной. – Он протянул мне руку, и я схватил её. Я крепко сжал её, и он вскрикнул от боли. Я не собирался его убивать. Я не могу убить. Я не такой. Я повалил его на пол.

И я встал над ним.

И подышал некоторое время.

Затем я побежал. Побежал прочь. В темноту театра, вниз по люкам и через вентиляцию. Я просто побежал. Я скрылся в здании. В его секретах, которых не знал даже сам Джоуи Дрю.

Я спрятался. Я спрятался, и он не нашёл меня.

Он не мог найти меня.

И я познакомился с миром под землёй. Я познакомился с театром и студией. Я видел, прячась, как они сливались воедино. Я видел, как мистер Дрю увольнял людей и нанимал новых, и я видел, как он пытался заставить машину работать.

Я узнал, что рисунки оживают. Как я всегда и боялся. Как я всегда и знал.

И поэтому я решил написать это.

И я думаю, я думаю, что закончил.

Я думаю, я должен закончить, потому что, Дот, я так устал. И он становится сильнее. Теперь я на самом деле больше не Бадди.

Я также и Борис. Погружающийся всё глубже в этот мир стареющего, желтеющего безумия.

И мы должны продолжать бежать, потому что...

Чернильный Монстр.

Потому что он всё ещё жив.

И он всё ещё голоден.

Останови его. Ты должна...

Остановить... его...

Спасти их.

Спасти...

Photo credit: Pierre Gautreau

ЭДРИЭНН КРЕСС - актриса и писательница, родившаяся в Торонто. Среди её книг есть удостоенные наград и опубликованные на международном уровне новеллы «*Alex and the Ironic Gentleman*», «*Timothy and the Dragon's Gate*» и «*Hatter Madigan: Ghost in the H.A.T.B.O.X.*» (с автором бестселлеров Фрэнком Беддором), а также новелла в стиле стимпанк «*The Friday Society*» и готическая «*Outcast*». Она также является автором необычайной серии из трёх книг под названием «*The Explorers*».

«*Мечты оживают*» - это первая попытка Эдриэнн в написании книги в жанре хоррор, но как актриса она уже побывала жуткой в таких фильмах ужасов, как «*Devil's Mile*» и «*Wolves*». И она получала огромное удовольствие, когда преследовала подростков в «*Neverknock*» от SyFy.

Ищите её на AdrienneKress.com.

Twitter/Instagram: @AdrienneKress

© 2019 Joey Drew Studios Inc. Bendy, Bendy and the Ink Machine, The Bendy characters, images and logos are trademarks of Joey Drew Studios Inc. All Rights Reserved.

All rights reserved. Published by Scholastic Inc., *Publishers since 1920*. SCHOLASTIC and associated logos are trademarks and/or registered trademarks of Scholastic Inc.

The publisher does not have any control over and does not assume any responsibility for author or third-party websites or their content.

This book is a work of fiction. Names, characters, places, and incidents are either the product of the author's imagination or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events, or locales is entirely coincidental.

First printing 2019

Cover design by Betsy Peterschmidt

e-ISBN 978-1-338-34399-1

All rights reserved under International and Pan-American Copyright Conventions. No part of this publication may be reproduced, transmitted, downloaded, decompiled, reverse engineered, or stored in or introduced into any information storage and retrieval system, in any form or by any means, whether electronic or mechanical, now known or hereafter invented, without the express written permission of the publisher. For information regarding permission, write to Scholastic Inc., Attention: Permissions Department, 557 Broadway, New York, NY 10012.

**Фанатский неофициальный перевод выполнен группой ВКонтакте
«Переводы и Теории Bendy | ПиТБ»: (vk.com/batimtheories)**

Переводчик – Григорий Стенькин (vk.com/cozyfoxhole)

Если вы хотите материально отблагодарить нас за бесплатные переводы, вы можете
отправить донат на карту СберБанка (5469 4100 1490 6758) или через VK Pay
(vk.me/moneysend/cozyfoxhole)